

Современная периодическая печать
в контексте коммуникативных
процессов
Будущее Евразии
(медийно-политический дискурс)

С 2016 года статьи сериального издания «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199034,
Санкт-Петербург,
В. О., 1-я линия, д. 26
Тел.: (812) 363-6111 доб. 3455
E-mail: press@jf.pu.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на периодическое издание «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» обязательна.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Институт «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»

Серия основана в 1997 году

Современная
периодическая печать
в контексте коммуникативных
процессов

Будущее Евразии
(медийно-политический дискурс)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

ББК 76.02

С56

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой филологии и журналистики
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации *М. Н. Ким*
д-р полит. наук, проф., заведующая кафедрой теории и истории
международных отношений Санкт-Петербургского государственного
университета *С. М. Виноградова*

Редакционная коллегия:

Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф.; *А. Н. Тельяшина*, д-р филол. наук,
проф.; *Г. С. Мельник*, д-р полит. наук, проф.; *К. Р. Нигматуллина*, канд. полит.
наук, доц.; *Н. А. Павлушкина*, канд. филол. наук, ст. преп.; *Е. А. Королев*, канд.
полит. наук, ст. преп.; *Р. П. Лисеев*, канд. филол. наук, ст. преп.; *И. В. Колодяж-
ный*, ст. преп.; *Д. В. Зубко*, ст. лаб.

С56

Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Будущее Евразии (медийно-политический дискурс). № 3(12) / отв. ред. Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников, И. А. Щербо. – СПб.: С.-Петерб. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2018. – 240 с.

В основу сборника легли материалы международной научной конференции «Будущее Евразии: интеграционные и дезинтеграционные процессы, выбор стратегий развития (медийно-политический дискурс)» (Республика Крым, Симферополь – Алушта, 27 сентября – 1 октября 2017 г.), состоявшейся при непосредственном участии вошедших в программный комитет преподавателей Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

В статьях рассматриваются задачи Евразийского союза в области массовой коммуникации, проблемы медиаиндустрии стран СНГ и перспективы интеграционных процессов в сфере медиаобразования и подготовки кадров для СМИ.

Для журналистов, филологов, политологов, преподавателей и студентов факультетов журналистики, политологии и международных отношений.

ББК 76.02

© С.-Петерб. гос. ун-т,

Институт «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2018

© Кафедра периодической печати, 2018

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
THE INSTITUTE "SCHOOL OF JOURNALISM
AND MASS COMMUNICATIONS"

Current periodicals in the context of the communication processes

The future of Eurasia
(media-political discourse)

ST. PETERSBURG

2018

*Published by decision of the Editorial advisory board of the Institute
“School of Journalism and Mass Communications”
of Saint Petersburg State University*

Re c e n s e n t s :

Doctor of Philology Sciences, Professor, head. the Department of Philology
and Journalism of the RANEPa under the President of the Russian Federation
M. N. Kim

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory
and History of International Relations *S. M. Vinogradova*

E d i t o r i a l b o a r d :

Doctor of Philology, Professor *B. Ya. Misonzhnikov*, St. Petersburg State University

Doctor of Philology, Professor *A. N. Teplyashina*, St. Petersburg State University

Doctor of Political Sciences, Professor *G. S. Melnik*, St. Petersburg State University

PhD in Political Science, Associate Professor *K. R. Nigmatullina*, St. Petersburg State
University

PhD in Philology, Senior lecturer *N. A. Pavlushkina*, St. Petersburg State University

PhD in Political Science, Senior lecturer *E. A. Korolev*, St. Petersburg State University

PhD in Philology, Senior lecturer *R. P. Liseev*, St. Petersburg State University

Senior lecturer *I. V. Kolodyazhny*, St. Petersburg State University

Assistant *D. V. Zubko*, St. Petersburg State University.

**Current periodicals in the context of the communication processes. The
future of Eurasia (media-political discourse).** N 3 (12) / ed. by *G. S. Melnik*,
B. Ya. Misonzhnikov, *I. A. Shcherbo*. – St. Petersburg: Saint Petersburg State Univer-
sity; School of Journalism and Mass Communications, 2018. – 240 p.

The collection was based on the materials of the international scientific conference “The
Future of Eurasia: Integration and Disintegration Processes, the Choice of Development Strategies
(Politico-Media Discourse)” (Republic of Crimea, Simferopol-Alushta, September 27 – October
1, 2017). The conference was held with the direct participation of the teachers of the Institute
“Higher School of Journalism of Mass Communications”, who entered the program committee.

The articles cover the tasks of the Eurasian Union in the field of mass communication, the
problems of the media industry of the CIS countries and the prospects for integration processes in
media education and training for the media.

For journalists, philologists, political scientists, teachers and students of the faculties of jour-
nalism, political science and international relations.

© 2018 School of Journalism and Mass Communications
of Saint Petersburg State University
© 2018 Papers authors

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.А. Ачкасова. Международные коммуникации на евразийском пространстве (Вступительная статья)</i>	11
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА В XXI ВЕКЕ	
<i>Л. Г. Гусякова, С. И. Григорьев, Г. В. Говорухина. Евразийская идеология в оценках экспертов</i>	14
<i>Д. А. Долгова, Э. Г. Аветисян. Перспективы сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН в контексте поворота России на восток</i>	17
<i>В. Н. Лукин, Т. В. Мусяенко. ШОС – неделимое пространство безопасности</i>	19
<i>А. А. Маркелова. Сепаратизм как социально-политический феномен</i>	22
<i>Б. Я. Мисонжников. Евразийство: речная гладь и пороги (медиумический фактор решения проблем)</i>	26
<i>В. Р. Сахранов. Проблемы формирования политической элиты Евразийского экономического союза</i>	35
<i>В. В. Пыж. Доктрина управляемого хаоса и безопасность современной России</i>	38
<i>Д. А. Руцин. Публичная дипломатия России на пути к стратегической коммуникации и политическому маркетингу</i>	52
<i>В. А. Фарбер. Евразийская интеграция как фактор укрепления экономической безопасности России</i>	60
<i>Э. Н. Чижиков, В. Н. Лукин. МЧС России в региональной архитектуре экономической безопасности ШОС</i>	63
СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СТРАН СНГ	
<i>С. Х. Барлыбаева. Информационный фактор евразийской интеграции</i>	67
<i>В. З. Гарифуллин. Векторы развития татароязычного информационного пространства</i>	72
<i>И. Н. Карапетова. Медиаиндустрия Армении в эпоху глобализации</i>	75
<i>Г. С. Мельник, Н. О. Свешникова. Медиаобраз российского города и его представленность в массовом сознании жителей регионов</i>	81
<i>С. В. Олейников. СМИ самоопределившихся государств: вектор развития (на примере Приднестровья)</i>	93
<i>А. М. Сосновская, В. Н. Киселев. Дискурс миграции: репрезентация мигрантов в СМИ Санкт-Петербурга</i>	101
<i>В. Д. Таказов, М. А. Красненков. Современная журналистика Азербайджана: противоречия становления</i>	106
<i>С. И. Тастулекова. Цифровое вещание в евразийском пространстве</i>	117
<i>З. Ф. Хубецова. Практика и перспективы сотрудничества ЕАЭС и ШОС в медиасфере: оценки молодых исследователей</i>	127

<i>И. А. Щербо</i> . Социальные сети как среда и как инструмент интеграционных процессов	133
--	-----

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ И МЕДИАКУЛЬТУРА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>С. А. Ахметова, Ф. Ф. Ишканиева</i> . Языковые практики иностранных студентов в российском вузе в контексте интеграционных процессов.....	138
<i>Е. С. Дорощук</i> . Профессионально-практическая деятельность как интегрирующий фактор для подготовки будущих журналистов.....	140
<i>Л. П. Марьина</i> . Культурологические аспекты журналистского образования: опыт межкультурных коммуникаций.....	145
<i>Т. М. Смоликова</i> . Векторы развития медиаобразования Республики Беларусь в контексте евразийского образовательного пространства.....	149
<i>В. В. Решетникова</i> . Использование материалов СМИ в курсе русского языка как иностранного	159
<i>Х. Сюэфэн</i> . Продвижение спорта в СМИ Китая.....	164
<i>А. Н. Тепляшина</i> . Образовательные технологии как средство реализации целей бакалавриата по журналистике.....	168
<i>О. И. Трохинова</i> . Социальное признание политических решений на евразийском пространстве как одна из функций профессиональных коммуникаторов	174
<i>В. В. Тулугов</i> . Медиаобразование на постсоветском пространстве: опыт, проблемы и перспективы	178
<i>Г. В. Яновская</i> . Проблемы и перспективы развития системы образования в современной России	181

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

<i>А. В. Забарин</i> . Образы идеального и реального гражданина России у молодежных представителей национальных диаспор и титульной нации Санкт-Петербурга.....	188
<i>А. Н. Гришанина</i> . Вопросы миропонимания медиатекста евразийского пространства: профилактика экстремизма	206
<i>В. А. Гуторов</i> . О некоторых тенденциях психологической интерпретации современного терроризма	212
<i>Ю. Н. Клёнов</i> . Стратегии антитеррора: гуманитарная и силовая составляющие	223
<i>Ж. Коткова</i> . Евразийский центр и патриотический парк появятся в Крыму	229
Информация об авторах.....	231

CONTENTS

<i>V. A. Achkasova</i> . International communication in the Eurasian space (Introductory article)	11
--	----

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF EURASIA IN THE XXI CENTURY (MEDIUM-POLITICAL DISCOURSE)

<i>L. G. Guslyakova, S. I. Grigoriev, G. V. Govoruchina</i> . Eurasian ideology in expert assessments	14
<i>D. A. Dolgova, E. G. Avetisyan</i> . The perspectives of the EEU-ASEAN cooperation in the context of Russia's rotation to the East	17
<i>V. N. Lukin, T. V. Musienko</i> . SCO is an independent space of security	20
<i>A. A. Markelova</i> . Separatism as a socio-political phenomenon	23
<i>B. Ya. Misonzhnikov</i> . Eurasianism: the water and rapid (mediumistic factor problem solving)	27
<i>V. R. Sakhranov</i> . The problems of formation of the political elite of the Eurasian economic union	35
<i>V. V. Pyzh</i> . The doctrine of controlled chaos and security of modern Russia	38
<i>D. A. Rushchin</i> . Public Diplomacy of Russia on the way to Strategic Communication and Political Marketing	52
<i>V. A. Farber</i> . Eurasian integration as a factor of strengthening of economic security of Russia	60
<i>E. N. Chizhikov, V. N. Lukin</i> . MES of Russia in the regional architecture of the SCO economic security	63

MODERN JOURNALISM OF CIS COUNTRIES

<i>S. Kh. Barlybaeva</i> . Information factor of the Eurasian integration	67
<i>V. Z. Garifullin</i> . Vectors of the development of the Tatar-speaking information space	73
<i>I. N. Karapetova</i> . Media industry of Armenia in the era of globalization	76
<i>G. S. Melnik, N. O. Sveshnikova</i> . Media image of Russia city and its presentation in the mass consciousness of residents of the regions	82
<i>S. V. Oleinikov</i> . The mass media of self-determined states: vector development (on the example of Pridnestrovie)	93
<i>A. M. Sosnovskaya, V. N. Kiselev</i> . Discourse of migration: the representation of migrant in the St. Petersburg' media	102
<i>V. D. Takazov, M. A. Krasnenkov</i> . Modern journalism in Azerbaijan: formation and development	106
<i>S. I. Tastulekova</i> . Digital broadcasting in the Eurasian space	118

Z. F. Khubetsova. Practic and perspectives of the cooperation of the Eurasian Economic Union and SCO in the media sphere: evaluation of young researchers 128

I. A. Shcherbo. Social networks as a field and instrument of integration processes 133

**MEDIA EDUCATION AND MEDIA CULTURE
IN THE EUROASIAN SPACE**

S. A. Akhmetova, F. F. Ishkineeva. Language practices of foreign students in russian university in the context of integration processes 138

E. S. Doroschuk. Professional and practical activity as an integrating factor in education of future journalists 141

L. P. Maryina. Culturological aspects of journalistic education: experience of cross-cultural communications 145

T. M. Smolikova. Vectors of development of media education of the Republic of Belarus in the context of the eurasian educational field 150

V. V. Reshetnikova. The use of media materials in the course of russian as a foreign language 160

H. Xuefeng. Promotion of sports in the media of China 165

A. N. Teplyashina. Educational technologies as a means of implementating the bachelor's degree in journalism 169

O. I. Trokhinova. Social recognition of political decision on the eurasian space as one of the function of professional communicators 175

V. V. Tulupov. Media education on the post-soviet space: experience, problems and prospects 178

G. V. Yanovskaya. Problem and prospects for the development of the education system in modern Russia 182

**PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTEGRATION PROCESSES
ON THE SPACE OF EURASIA**

A. V. Zabarin. Images of the ideal and real citizen of russia among youth representatives of national diasporas and titular nation of St. Petersburg..... 189

A. T. Grishanina. Question of world view in media text eurasia: prevention of extremism 207

V. A. Gutorov. About some tendencies of psychological interpretation of the modern terrorism 213

Y. N. Klenov. Strategies of counter terror: humanitarian and forceful components 223

Zh. Kotkova. Eurasian center and patriotic park appear in Crimea..... 229

Information about authors 236

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ)

В связи с перспективами расширения Евразийского союза актуализируются вопросы теоретического осмысления интеграционных процессов в регионе евразийского пространства, обоснования новых интеграционных составляющих, способных предопределить устойчивое развитие неоевразийского пространства как одного из центров мировой политики и экономики XXI в. Эффективное решение актуальных проблем интеграции, реализация задач организации международной коммуникации и международного научного обмена предполагает формирование единого международного научного информационного пространства. Решение этих вопросов лежит в области междисциплинарных исследований.

Международная конференция, проходившая с 23 сентября по 1 октября 2017 г., была призвана объединить представителей науки и практики, представителей органов власти, СМИ для обсуждения ключевых вопросов интеграции ЕАС и информационного обмена ведущих научно-исследовательских и учебных организаций стран Евразийского пространства.

Панельная дискуссия **«Реализация концепции Евразийства в XXI веке»** включала доклады, касающиеся таких актуальных проблем, как Восточный поворот России, исследование китайского проекта создания Экономического пояса Шелкового пути, приоритеты России во взаимодействии со странами Шанхайской организации сотрудничества, преодоление противоречий в межгосударственном сотрудничестве в Евразийском регионе.

Дискуссия в рамках панели «**Современная журналистика стран СНГ**» касалась задач Евразийского союза в области массовой коммуникации, развития СМИ стран СНГ в глобальной перспективе, а также медийной активности стран СНГ в отражении проблем евразийства. Специально рассматривался вопрос функционирования Интернета как среды и инструмента интеграционных процессов.

Социальные технологии в формировании евразийского пространства. Докладчики сконцентрировались на обсуждении проблем информационных технологий в конструировании образа Содружества Независимых Государств (СНГ); конструировании образа региональных политиков, влиянии политической элиты на интеграционный процесс, а также «русском мире» как системном интеграторе коммуникации.

Панельная дискуссия «**Интегрированные коммуникации: профессиональное образование на евразийском пространстве**» была посвящена современным тенденциям и практике интегрированных коммуникаций, образовательным стандартам и перспективам интеграционных процессов в сфере образования при подготовке профессиональных коммуникаторов, медиаобразованию в странах СНГ в контексте интеграционной политики.

Площадка «**Психологические аспекты интеграционных процессов на пространстве Евразии**» была предоставлена докладчикам, рассматривающим концепции евразийства в современной теории и практике политической психологии и массовой коммуникации, анализирующим угрозы безопасности евразийской интеграции, проблемы психологии современного терроризма и экстремизма.

Организаторами конференции выступили Администрация города Симферополь, Администрация города Алушта, Академия журналистики (г. Алушта), Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАН-ХиГС); Балтийский Федеральный университет им. И. Канта (Калининград), Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций (ДПО «ИБИН»), Межрегиональная общественная организация Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Ассоциация специалистов по связям с общественностью». Подготовка к мероприятию осуществлялась *при участии* Крымского Федерального уни-

верситета; Российского университета дружбы народов (РУДН); Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права (ИВЭСЭП). Информационную поддержку оказал Приднестровский государственный университет.

В. А. Ачкасова,
сопредседатель конференции, доктор политических наук,
заведующая кафедрой связей с общественностью
в политике и государственном управлении института
«Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

V. A. Achkasova
co-chairman of the conference
Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Public Relations
in Politics and Public Administration of the Institute
“Higher School of Journalism and Mass Communications”
of St. Petersburg State University.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА В XXI ВЕКЕ

Л. Г. Гусякова

Алтайский гос. ин-т культуры

С. И. Григорьев

Ин-т худож. образования и культурологии Российской академии образования

Г. В. Говорухина

Алтайский гос. ин-т культуры

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

В статье авторы на основе результатов исследования описывают понимание экспертами евразийской идеологии и ее значение для славянского социокультурного пространства. При этом они отмечают необходимость дальнейших исследований оценки евразийской идеологии как в сознании экспертов, так и в массовом сознании населения славянских стран.

Ключевые слова: евразийская идеология, славянский мир, евразийское сообщество, славянское социокультурное пространство.

L. G. Guslyakova

Altai State Institute of Culture

S. I. Grigoriev

Institute of Art Education and Cultural Studies

G. V. Govoruchina

Russian Academy of Education Altai State Institute of Culture

EURASIAN IDEOLOGY IN EXPERT ASSESSMENTS

In the article, the authors, on the basis of the results of the study, describe the experts' understanding of the Eurasian ideology and its significance for the Slavic sociocultural space. At the same time, they note the need for further studies of the assessment of the Eurasian ideology, both in the minds of experts and in the mass consciousness of the population of the Slavic countries.

Keywords: Eurasian ideology, the slavic world, the eurasian community, the slavic sociocultural space.

В настоящее время существуют различные трактовки понимания евразийства. Целью исследования, проводимого с 2012 г. в России под эгидой Международного фонда славянской письменности и культуры в рамках международного проекта «Евразийская идеология для России и славянского социокультурного пространства», стало выявление оценок экспертами роли евразийства в развитии славянских народов, славянского мира в целом, а также его влияния на идеологию и политику евразийства. При решении поставленных задач были получены результаты, раскрывающие характер оценок роли евразийства, данных экспертами. Так, на вопрос: «Как Вы оцениваете в главном значимость евразийской идеологии для развития современного славянского мира?», были выявлены следующие распределения экспертных оценок:

- это очень важное основание единения народов славянских стран (23 %);
- это достаточно значимое явление, фактор единения стран и народов славянского мира (17 %);
- эта идеология может иметь и уже имеет как позитивные, так и негативные результаты влияния на развитие славянского мира (19 %);
- это – относительно слабый, малозначительный фактор для развития стран и народов славянского мира (13 %);
- это – весьма вредное для современного славянства идейно-политическое течение современности (8 %);
- другое (2 %);
- трудно сказать (3 %).

По преимуществу, позитивные оценки в данном распределении, как можно заметить, дают 40 % участников экспертного опроса. Еще 19 % экспертов дали на этот вопрос противоречивые оценки, в которых предполагается возможность как позитивных, так и негативных результатов использования евразийской идеологии в славянском мире.

Таким образом, при вполне определенном доминировании количества тех, кто позитивно оценивает ее роль в славянском мире (40 %), нельзя не видеть и не учитывать того, что доля экспертов, относящихся к ней, по преимуществу критически (21 %) или противоречиво (19 %), тоже велика. В этой связи принципиально важно учитывать мотивацию позитивных и отрицательных экспертных оценок идеологии евразийства в славянском мире.

В контексте осмысления данной проблематики существенно значимы результаты оценки экспертами отношения большинства населения России к идее евразийства, единения народов и государств Евразии. Эти оценки выглядят следующим образом:

- однозначно положительно – 20 %;
- главным образом, чаще положительно – 18 %;
- противоречиво, в чем-то положительно, в чем-то нет – 20 %;
- главным образом, отрицательно – 16 %;
- однозначно отрицательно – 8 %;
- другое – 2 %;
- трудно сказать – 16 %.

Такое распределение экспертных оценок свидетельствует о доминировании позитивного отношения населения современной России к евразийской идеологии – такое отношение выразили 38 % опрошенных экспертов. Еще 20 % участников констатировали противоречивое отношение жителей современной России к евразийству; отрицательное отношение к евразийству отметили 24 % опрошенных, еще 16 % из них затруднились с ответом. Эти данные обозначили проблемный характер развития представлений населения России об евразийстве.

Таким образом, проведенный в России экспертный опрос выявил вполне определенные масштабы симпатий и антипатий, критического настроения экспертов к евразийству, евразийской идеологии, о которой активно вновь заговорили в последние годы, что требует дальнейшего исследования этой проблематики в России, на Украине и в Белоруссии. Сопоставление оценок евразийской идеологии экспертами и населением славянских стран позволит разработать стратегию оптимизации сотрудничества субъектов социокультурного пространства славянского мира.

Д. А. Долгова, Э. Г. Аветисян

Саратовский гос. ун-т

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС И АСЕАН В КОНТЕКСТЕ ПОВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК

В статье рассматривается сотрудничество двух интеграционных объединений ЕАЭС и АСЕАН. Объясняются причины необходимого углубления их взаимосвязей. Оцениваются перспективы и проблемы взаимодействия АСЕАН и ЕАЭС в контексте поворота России на Восток.

Ключевые слова: ЕАЭС, АСЕАН, Россия, интеграция, зона свободной торговли.

D. A. Dolgova, E. G. Avetisyan

Saratov State University

THE PERSPECTIVES OF THE EEU-ASEAN COOPERATION IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S ROTATION TO THE EAST

The article deals with the cooperation between two integration unions, the Eurasian Economic Union and ASEAN (Association of South East Asian Nations). The reasons for the necessity of expanding their relationships are explained. The prospects and problems of cooperation between ASEAN and the EEC in the context of Russia's turn to the East are evaluated.

Key words: EEU, ASEAN, Russia, integration, free trade zone, media.

Поворот России на Восток воспринимается многими экспертами как создание новой типологии глобализации, подразумевающей под собой переориентацию Российской Федерации во внешней политике в сторону Азии [1]. Уже давно внимание Москвы привлекала динамика развития Азии, в особенности КНР [2]. Но с возникновением кризиса на Украине и с ослаблением западного вектора в 2014 г., заинтересованность переросла в необходимость, считается, что Москва лишилась альтернативы.

Вместе с тем поворот России на Восток, на наш взгляд, нельзя расценивать как исключительно вынужденный, хотя он и основывается в большинстве своем на экономическом прагматизме, но все же вы-

ходит далеко за его рамки. На сегодняшний день единое Евразийское пространство – Китай с Юго-Восточной Азией и Россия с Евразийским союзом, а также Индия и Ближний Восток, которые все в большей степени ориентированы на Евразию, – способны выдавить экономику ранее всемогущего трио в составе США, Европы и Японии. Сегодня, по мнению многих аналитиков, Евразия становится центром мира.

Россия может играть ключевую роль в интеграционных процессах на пространстве Евразия, поскольку уже имеет некий опыт в этом на примере создания ЕАЭС. Данные Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) свидетельствуют о том, что свыше 40 международных субъектов готовы создать зону свободной торговли с ЕАЭС, и уже было подписано соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Вьетнамом [3]. Глава МИД Российской Федерации Сергей Лавров заявил тогда, что ЕАЭС заключил соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом, которое Россия рассматривает как пилотный проект для выхода на торговую либерализацию со всей АСЕАН.

Для ЕАЭС создание зоны свободной торговли с АСЕАН могло бы, прежде всего, открыть рынки стран-членов ассоциации и заметно облегчить логистику поставки товаров в Юго-Восточную Азию. Кроме того, такой шаг способен заметно уменьшить стоимость товаров из этого региона. Однако, с одной стороны, Евразийскому экономическому союзу тоже есть, что предложить государствам Юго-Восточной Азии, например, природные ресурсы, технологии и оружие и т. д. С другой стороны, наличие нетарифных барьеров пока препятствует интенсификации торговли, как в случае ЕАЭС, так и в случае АСЕАН [4].

На сегодняшний день, к сожалению, нельзя не сказать, что двусторонние механизмы сотрудничества ЕАЭС с АСЕАН еще не выработаны. Однако идет эффективный диалог на уровне отдельных стран ЕАЭС с блоком АСЕАН. Особенно тесны контакты с Россией. Но если взглянуть на экономические формы российского присутствия в регионе, то картина не особо привлекательна. Во внешней торговле Ассоциации на Россию приходится менее 1 % всего объема, АСЕАН в российской торговле занимает 2,7 %. Если говорить о сильных сторонах российского экономического присутствия в регионе, то передовой отраслью остается вооружение, которым Россия активно торгует в странах АСЕАН [4]. Сейчас страны АСЕАН закупают российскую военную технику – БМП, вертолеты, истребители, авиатехнику и т. д. Главным партнером в этих отраслях традиционно остается Вьетнам.

В итоге стоит сказать, что Россия и АСЕАН уже развили широкие механизмы сотрудничества и диалога, а Казахстан, Армения и Беларусь имеют больше двусторонние контакты со странами АСЕАН отдельно друг от друга [5]. Поэтому эффективнее и менее затратно по времени и финансам было бы выстроить отношения по линии ЕАЭС–АСЕАН. Главной перспективной областью сотрудничества является соглашение о Зоне свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС, которое может стать опорной точкой для экономической интеграции ЕАЭС и АСЕАН.

Примечания

1. Евразийский коммуникационный центр / Перспективы создания зоны свободной торговли по линии АСЕАН-ЕАЭС созрели для рассмотрения на парламентском уровне // URL: <http://www.eurasec.com/evrazijiskie-novosti/4870/> (дата обращения: 7.11.2017).

2. Ли Син. Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза // Международные процессы // URL: <http://www.intertrends.ru/thirty-eighth/Li.pdf> (дата обращения: 6.11.2017).

3. Чан Куок Кхань. ЗСТ Таможенный союз – Вьетнам: новые возможности для сотрудничества между традиционными партнерами // РСМД // URL: http://russiancouncil.ru/blogs/digest/?id_4=1652 (дата обращения: 6.11.2017).

4. ASEAN-Russia Dialogue Relations // ASEAN // URL: <http://www.asean.org/news/item/overview-of-asean-russia-dialogue-relations> (дата обращения: 6.11.2017).

5. The Interview of Mr. Aleksandr Guryanov, Belarus Deputy Foreign Minister, for radio «Belarus» // Министерство Иностранных дел Республики Беларусь // URL: http://mfa.gov.by/en/mass_media/b5395e5920df715c.html (дата обращения: 6.11.2017).

В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко

Санкт-Петербургский ун-т гос. противопожарной службы МЧС России

ШОС – НЕДЕЛИМОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗОПАСНОСТИ

В статье раскрывается деятельность Шанхайской организации сотрудничества по созданию «неделимого пространства безопасности» в процессе международного сотрудничества.

Ключевые слова: безопасность, стратегия, меморандум, ООН, ЭСКАТО, СНГ, ОДКБ, АСЕАН, массмедиа

V. N. Lukin, T. V. Musienco

St. Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia

SCO IS AN INDEPENDENT SPASE OF SECURITY

The article reveals the activities of the Shanghai Cooperation Organization to create an «indivisible security space» in the process of international cooperation.

Keywords: Security, Strategy, Memorandum, UN, ESCAP, CIS, CSTO, ASEAN.

Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) включает в себя восемь государств, четыре государства-наблюдателя и шесть партнеров по диалогу [1].

В Хартии Шанхайской организации сотрудничества одной из главных целей обозначалось «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе» [2]. В «Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года» (далее – Стратегия) отмечено, что современный мир переживает этап глубинной трансформации, определяющей тенденцией которой является все большее смещение потенциала мирового развития на Восток. «Глубинные трансформации» вызваны противоречивыми мировыми тенденциями: стремлением к миру и сотрудничеству, а также ростом глобальных вызовов и угроз, факторов неопределенности и непредсказуемости. Вместе с тем усиливается взаимосвязь между безопасностью и процветанием государств. В Стратегии обеспечение региональной безопасности, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств-участников, включая вопросы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обозначено среди девяти целей ШОС. Для достижения такой цели поставлена задача по созданию неделимого пространства безопасности [3, с. 2–6].

Государства-члены ШОС охватывают географически территорию, на которой проживают около 44 % мирового населения и 27 % мирового объема внутреннего валового продукта [4].

Свою деятельность по обеспечению безопасности ШОС координирует с другими международными организациями. С 1 декабря 2004 г. получила право участвовать в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи ООН, в том числе и по проблемам безопасности, в качестве наблюдателя [5]. 15 декабря 2015 г. был подписан «Меморандум

о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Экономической и Социальной Комиссии Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана» со сроком действия до 31 декабря 2020 г. Меморандум определил среди приоритетных областей сотрудничества и безопасность [6].

Сотрудничество ШОС по проблемам безопасности с Содружеством Независимых Государств осуществляется на основе «Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств» от 12 апреля 2005 г.

Исходя из того, что ШОС не предполагает создание объединенных силовых структур особое значение приобретает формирование правовой основы сотрудничества с Организацией Договора о коллективной безопасности на основе «Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности». Он определил направления двустороннего сотрудничества, среди которых первостепенное значение имеет обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности [7]. В Астанинской декларации глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества зафиксировано: «Шанхайская организация сотрудничества утвердилась в качестве общепризнанного и авторитетного многостороннего объединения, деятельность которого направлена на поддержание безопасности и стабильности на пространстве, объединяющем государств-участников» [8].

«Меморандумом о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии» было положено начало сотрудничества между ШОС и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии. Президент России В. В. Путин, выступая на саммите Восточноазиатского сообщества (г. Куала-Лумпур, Малайзия) в декабре 2005 г., заявил: «Значение сообщества выходит за рамки Азиатско-Тихоокеанского региона... У России здесь всегда были, есть и будут долгосрочные политические, экономические и в широком смысле цивилизационные интересы» [9].

Примечания

1. О Шанхайской организации сотрудничества // [Сайт ШОС]. URL: http://rus.sectsco.org/about_sco/ (дата обращения 31.08.2017).

2. Хартия Шанхайской организации сотрудничества, 6 июня 2002 г. // [Сайт Президента Российской Федерации]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения 30.08.2017).

3. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г., 10 июля 2015 г. // [Сайт ШОС] – URL: <http://rus.sectsc.org/documents/> (дата обращения 30.08.2017).

4. ШОС охватит почти половину населения Земли // [Сайт Mir24.tv]. URL: <https://mir24.tv/news/16000977/shos-ohvatit-pochti-polovinu-naseleniya-zemli> (дата обращения 31.08.2017).

5. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/59/48 «Предоставление Шанхайской организации сотрудничества статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее» от 01.12.2004 // [Сайт ООН]. URL: <https://documents-dds.ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/553/65/PDF/N0455365.pdf?OpenElement> (дата обращения 01.09.2017).

6. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Экономической и Социальной Комиссии Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана от 5 апреля 2010 года // [Сайт Infoshos.ru]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=131> (дата обращения 01.09.2017).

7. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности // [Сайт Infoshos.ru]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=31> (дата обращения 01.09.2017).

8. Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, 9 июня 2017 г. // [Сайт ШОС] – URL: <http://rus.sectsc.org/documents/> (дата обращения 01.09.2017).

9. Выступление на саммите Восточноазиатского сообщества // [Сайт Президента Российской Федерации]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/23333> (дата обращения 01.09.2017).

А. А. Маркелова

Уральский федеральный университет

СЕПАРАТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В современном мире нет ни одного государства, застрахованного от угрозы сепаратизма. В большинстве случаев сепаратизм зарождается в качестве реакции на политику центрального правительства и преследует цель, заключающуюся в изменении формата взаимоотношений между определенным регионом и центром.

Ключевые слова: сепаратизм, самоопределение, дезинтеграция, нация, независимость, массмедиа.

A. A. Markelova
Ural Federal University

SEPARATISM AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMEN

There is not a single state insured against the threat of separatism in the modern world. In most cases, separatism arises as a reaction to the policy of the central government and pursues the goal of changing the format of the relationship between a certain region and the center.

Key words: separatism, self-determination, disintegration, nation, independence.

Одним из факторов, способствующих дестабилизации социально-политической ситуации в государствах евразийского пространства, является сепаратизм. В связи с этим необходимо изучить основные черты сепаратизма как социально-политического феномена. Под сепаратизмом следует понимать политическую идеологию и практику, которые направлены на отделение части страны от единого государства и обретение ею политической самостоятельности [7, с. 369].

В зависимости от политической оценки сепаратизм может предстать либо как реакция на дискриминационную политику центрального правительства, либо как национально-освободительная борьба за освобождение от политического доминирования этнического большинства. Кроме того, сепаратизм может выступать в форме движения за присоединение к «исторической родине» под влиянием агрессивно-ирредентистской политики соседнего государства.

Субъектами сепаратизма являются политическая элита, политические лидеры, политические партии, политические активисты, интеллигенция, общественные организации и объединения как носители сепаратистских идей и взглядов, участвующие в сепаратистской деятельности. Кроме того, в качестве субъекта самоопределения и государственного суверенитета может выступать этнос как носитель коллективной правосубъектности [4]. Объект сепаратизма – политика и практика, связанная с территориальным отчуждением и стремлением региона создать свое собственное государственное образование [1, с. 17–18].

Методы достижения сепаратистами своих целей разнообразны и представлены в широком спектре: от ведения легитимной политической деятельности до террористических актов и насильственного воздействия. В тех государствах, где сепаратисты обладают широкими возможностями для ведения легитимной политической борьбы и для достижения в ней значимых успехов (например, отсутствуют препятствия для создания политических партий с последующим их участием в региональных или парламентских выборах), происходит сознательный отказ сторонников сепаратизма от вооруженной борьбы [2, с. 176]. Однако степень эффективности политически институционализированной сепаратистской деятельности зачастую бывает низкой. Сторонники независимости десятилетиями не могут добиться согласия большинства населения региона на отделение от единого государства.

Сепаратизм – это всегда серьезное перераспределение ресурсов и власти, поэтому для значительной части сепаратистских движений типичным является бескомпромиссность требований, ориентация на вооруженные методы политической борьбы – использование терроризма в самых широких масштабах. Отметим, что и вооруженный сепаратизм в редких случаях достигает политической цели, связанной с отделением региона и созданием собственного международно-признанного независимого государства [6, с. 123]. Только Бангладеш (1971 г.) и Эритрея (1993 г.) вооруженным путем смогли добиться отделения и образования своего суверенного государства.

Как политическое движение сепаратизм состоит из таких элементов, как фундаментальная идея (идея национальной исключительности); идеализированный образ собственного народа, региона или сообщества; образ враждебных народов и регионов или доминирующего национального государства; мифологизированная версия национальной истории; позитивный образ вождей и героев-мучеников; национальные ценности; поведенческие установки; технологии политической мобилизации, используемые лидерами сепаратистских движений [3, с. 135].

По мнению В. А. Тишкова, современный сепаратизм как политическая программа основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения, согласно которому каждая этническая группа должна иметь собственную государственно оформленную территорию [8, с. 343]. Стоит понимать, что, когда право на самоопределение получало международное признание, оно понималось как право на неза-

висимость, так как тогда внимание акцентировалось на народах, которые освобождались от колониальной зависимости. В это же время в международном праве были сформулированы и основные требования, согласно которым тот или иной народ имел право на самоопределение, то есть, в контексте того времени, на независимость. Согласно этим требованиям, народ имеет право на самоопределение, ведущее к независимости, если он находится в условиях военной оккупации; если он имел в прошлом свое собственное государство или являлся частью иного государства, чем то, которое его в настоящий момент оккупирует; если он занимает четко определенное территориальное пространство [9, с. 122]. Применительно к другим народам, не удовлетворяющим данным критериям, международное сообщество не отождествляет право на самоопределение с правом на независимость.

Нельзя не согласиться с Г. В. Старовойтовой, которая убеждена, что международно-правовые документы, касающиеся права народов на самоопределение, не сводятся к какой-либо единой и адекватной системе международных стандартов, которая отражала бы процедуру, критерии и условия для самоопределения и позволяла бы признавать движения за самоопределение «морально законными». Создание такой системы во многом позволило бы избежать как хаоса самовольного передела границ в местах конфликта, так и стремлений решить вопрос самоопределения путем насильственных действий [5].

В своих конкретных проявлениях сепаратизм развивается в реальных исторических, социально-экономических и политических контекстах. Предпосылками возникновения сепаратистских настроений могут быть различные факторы: политическая, экономическая, культурная дискриминация по этническому, лингвистическому, конфессиональному и другим признакам, несправедливое распределение экономических благ и ресурсов, диспропорция регионального развития, особенности исторического развития, борьба за власть между различными этническими группами на местном, региональном и государственном уровнях и т. д. Лежащие в основе сепаратизма противоречия (этнические, религиозные, социально-экономические и др.) чаще всего активизируются в период ухудшения общественно-политической ситуации в том или ином государстве. Нередко сторонники сепаратизма используют объективно существующие противоречия в своих узконаправленных целях (как средство давления на центральное правительство), намеренно придавая им остроту.

Государства стремятся противодействовать внутреннему сепаратизму всеми доступными средствами, в том числе, применяя вооруженные силы, но могут симпатизировать сепаратистским силам в других странах и даже поддерживать их. Более того, сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии.

Примечания

1. *Беляев М. А.* Институционализация сепаратистских угроз на постсоветском пространстве: политическая теория и практика. Уфа, 2014. 140 с.
2. *Попов Ф. А.* География сепаратизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.
3. *Пузырев К. С.* Сепаратизм как политическое явление // Вестник Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. 2010. № 3. С.133-143.
4. *Сидоренко А. В.* Этнический вызов российскому федерализму. URL: <http://www.politex.info/content/view/538/30/> (дата обращения: 02.10.2017).
5. *Старовойтова Г. В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. URL: <http://vehi.net/politika/starovoit/03.html> (дата обращения: 02.10.2017).
6. *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.
7. *Тишков В. А., Шабает Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 376 с.
8. *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
9. *Тураев В. А.* Этнополитология: учеб. пособие. М.: Логос, 2004. 387 с.

Б. Я. Мисонжников

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ЕВРАЗИЙСТВО: РЕЧНАЯ ГЛАДЬ И ПОРОГИ (МЕДИУМИЧЕСКИЙ ФАКТОР РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ)

Статья посвящена социально-политической ситуации, которая складывается вокруг формирования евразийского пространства. Речь идет о выработке механизмов идентификации и объяснения проблем, для чего необходимо привлечь корпус специалистов-посредников (медиумов), которые должны способствовать осуществлению связи между субъектами, глубокой их интеграции, и на основе взаимопонимания формировать поле сотрудничества и взаимодействия.

Ключевые слова: евразийское пространство, качественные газеты, медиум как посредник, христианство, ислам.

B. Ya. Misonzhnikov

St. Petersburg State University

EURASIANISM: THE WATER AND RAPID (MEDIUMISTIC FACTOR PROBLEM SOLVING)

The article is devoted to the socio-political situation that is emerging around the formation of a Eurasian space. We are talking about the development of mechanisms of identification and explanation of problems, which is necessary to attract a body of professionals-mediators (mediums), which should contribute to the implementation of communication between actors, their deep integration and mutual understanding, shaping the field of cooperation and collaboration.

Key words: Eurasian space, quality Newspapers, the medium as an intermediary, Christianity, Islam.

Евразийское пространство обретает всё более отчётливые формы, довольно быстро осуществляется его структуризация, систематизация и интеграция. Несмотря на то, что, вне всякого сомнения, этот процесс является объективно неизбежным, перспективным и в целом позитивным, находятся политические силы, которые им серьёзно обеспокоены и, более того, прилагают усилия, направленные на дестабилизацию ситуации, используют комплекс идеологических средств для подрыва политики интеграции, взаимного доверия и сотрудничества. Причём изначально к любому действию даже потенциальных акторов евразийской политики отношение демонстрируется резко негативное, искусственно создаётся атмосфера тенденциозности, предвзятости, оценки событиям даются с явным предубеждением.

Как известно, 29 мая 2014 г. в Астане был подписан договор о создании Евразийского экономического союза. Само собой разумеется, ещё не было известно, как он будет реализован, какую пользу принесёт людям. Однако буквально в этот же день качественная газета *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, в мировых рейтингах занимающая исключительно высокое положение, выступила с публикацией, уже название которой представлено в стиле резко негативистской риторики – «Обречённые на подписание» («*Zum Unterschreiben verdammt*») [14]. Слово

«*verdammt*» – очень экспрессивное и явно не лишено определённой перформативности, значительной модальности *вынужденности* (точно идентифицировать его семантику позволит, к примеру, обращение к авторитетному лингвистическому изданию – *Wörter und Wendungen*) [16, s. 693]. На основании несложного лингвистического анализа можно прийти к выводу, что достаточно точным семантическим и психостилистическим эквивалентом может быть слово «обречь» – «это слово восходит к общеславянскому *rekti* и имеет тот же корень, что и существительное *речь*. Буквально – „приговорить словами к чему-то“» [12]. Имеется в виду то, что лидеры независимых государств не желали, мол, подписывать договор, но их заставляли, им «выкручивали руки», им не оставили выбора и буквально вынудили поставить подписи. Но разве так дело обстояло в действительности?

Не лишена лукавства и другая публикация в этой же газете – «Евразийский интернационал: Встреча правых в Вене». В корреспонденции даётся короткий экскурс в историю российско-европейских отношений, а потом сообщается о митинге представителей правых сил, среди которых были и граждане России. Особое внимание авторы публикации уделили выступлению Александра Дугина, который был представлен как «один из самых известных правых радикалов в России» [13]. Имя этого россиянина, его принадлежность ещё в советское время к «правоэкстремистскому кружку», о чём также сообщается в публикации, а ныне известного в качестве «лидера международного евразийского движения», не могло не создать соответствующего негативного фона вокруг уже самого понятия Евразийства, Евразийского пространства и, соответственно, создания Евразийского экономического союза. Смысл публикации очевиден: обратите внимание на то, что в числе ведущих акторов евразийской политики, которую проводит Российская Федерация, практически главную роль играют представители крайне правых националистических кругов! Несомненно, данная публикация не отражает реального положения дел.

Это только две публикации, причем ведущей газеты Германии, издания довольно авторитетного, претендующего на объективность и респектабельность. Подчеркнём: *Frankfurter Allgemeine Zeitung* действительно одна из лучших газет в мире, отличается глубокой аналитикой и обоснованностью суждений и выводов. Однако, к сожалению, и она допускает предвзятую интерпретацию событий, внедряет в сознание аудитории ложные стереотипы. Ну а если мы представим всю совокупность постоянно воздействующего идеологического потен-

циала на реципиентную среду, то картина получится впечатляющая. Это не только пропагандистские выступления прямого назначения, носящие лозунговый характер и непосредственно воздействующие на людей, но и латентные, с виду объективные и «честные» по семантике содержания тексты, в которых тем не менее ловко припрятаны и завуалированы разрушительные по сути своей идеологические концепции.

Воздействие массмедиа на аудиторию осуществляется многоканально, с максимальным учетом интеллектуальных и эмоциональных характеристик и особенностей индивидов, их приоритетов и пристрастий. По сути, в настоящее время политическим манипулированием, однозначно направленным против евразийской интеграции, занимаются как бульварные массмедиа – от более или менее пристойных до самых низкопробных, – так и аналитические, вплоть до качественных. Таким образом, и суггестия, которая, надо полагать, акторами медийной деятельности применяется вполне осознанно и на сугубо дискурсивной основе, осуществляется по разным направлениям, с учетом специфики аудитории, и следует обратить внимание на то, что **«суггестия – это творчество и в первую очередь, вербальное.** <...> Для определения основного канала чувственного восприятия информации следует опираться на частотность вербальных „ключей“, которыми коммуникант (говорящий или слушающий) маркирует свою речевую деятельность или оценивает чужую речь. Определён набор таких вербальных ключей, которые соотносимы с основными каналами чувственного восприятия. Например, для зрительного канала подобраны следующие вербальные единицы – **суггестемы, апеллирующие к людям**, у которых зрительный канал доминирует в чувственном восприятии информации... <...> **Интересны суггестемы для чувственного канала:** вздохнуть, гладить, чувствовать, ощущать, жарить, давить, жать, отдыхать, ударить, боль, холод, вкус, вес, жара, сила, гладкий, твёрдый, скользкий, мягкий, холодно, остро и т. п. **Для рационального канала характерны следующие суггестемы:** думать, догадываться, напоминать, верить, знать, забыть, истина, мысль, мнение, убеждение, разум, память, думающий, забытый, умный и т. п. Приведенные суггестемы представляют собой лишь некоторую часть тех слов, которые способны указывать на различные каналы чувственного восприятия... **Ключевые слова – суггестемы** есть не что иное, как рефлекторное закрепление в сознании аудитории тех элементов переживания, которые способны вызвать гамму (цепь) переживаний

в целом. Их можно назвать „якорями“» [9, с. 46, 183–184]. Происходит процесс анкоринга: выводы и суждения фиксируются, комментируются и затем предидируются индивидам... – «предикация трактуется современными исследователями как процесс переструктурирования смысла, при котором смысловой инвариант (пропозиция) „линеаризуется“...» [1].

Кроме тоталитарного воздействия на реципиентную среду по каналам массмедиа, надо учитывать ещё многие объективные – прежде всего политико-социальные, психологические, этические, культурологические и религиозные – факторы, которые разъединяют людей и на чём порой изощрённо спекулируют недобросовестные субъекты, вовлечённые в систему политических отношений.

В связи с этим следует выделить в качестве важнейшего императива, с одной стороны, создание и включение в дело эффективной контрпропагандистской системы, направленной на разоблачение идеологической машинерии оппонентов, прибегающих к неправомерным действиям, а с другой стороны, организовать чёткую *разъяснительную* работу в сфере идеологии, разработать и осуществить комплекс *посреднических* мероприятий, ориентированных на социальную интеграцию, взаимопонимание и сближение народов евразийского пространства. Особое значение приобретает роль *медиума* в самом широком понимании этого слова. Уже более ста лет тому назад медиум трактовался как «вообще посредник» [8]. Само собой разумеется, это, прежде всего, физическое лицо, наделённое специальными знаниями, навыками, одарённое способностью к действию, равнодушное и активное. Но в роли медиума могут выступать и неодушевлённые субъекты, вплоть до отвлечённых. Например, текстовые феномены, т. е. чувственно воспринимаемые, обладающие способностью воздействовать на уровне как первой (главным образом иконические текстуральные комплексы), так и второй сигнальной системы (вербальные тексты, построенные на основе символических семиотических комплексов). Правомерно то, что в особую группу выделены «медиумы коммуникации» [3, с. 12]. Таким образом, под медиумом можно понимать субъект – одушевлённый или нет, – функциональность которого направлена на прояснение какой-либо сложной социальной проблемы и который представляет собой одну из базовых герменевтических категорий. В качестве герменевтического инструмента медиум содействует воссозданию конструкта явления как идеального объекта и в процессе аналитического действия его деконструирует, выделяет и

объясняет основополагающие, узловые положения. Задача медиума – выполнение позитивной посреднической функции. Покажем это на примере проблемы, довольно важной для евразийского пространства.

В настоящее время налицо обострение «конфликта цивилизаций», в чём отразилась позиция апологетов радикальной исламской доктрины, отрицающей ценности христианского мира, и позиция их оппонентов, некоторых представителей христианской цивилизации, для которых характерно полное неприятие ислама как «нетерпимой и антисовременной» идеологии. В контексте происходящего активизировалась идеология салафизма – сектантской, по сути, группировки, адепты которой преследуют амбициозные политические цели и одной из разновидностей которой является ваххабизм. Под флагом «ислама» совершены чудовищные преступления террористов, что обусловило крайне высокий градус противостояния, введение категории «исламофашизма», что отнюдь не способствует взаимопониманию представителей исламской и христианской культур. Но насколько действительно обосновано это противостояние и существует ли антагонизм между исламом и христианством? Ответить на этот вопрос можно только через разъяснение реальных религиозных положений, благодаря глубокому пониманию основ вероучения и включению медиумических идентификационных механизмов. В роли медиумов выступают актуализированные тексты – дискурсы и прежде всего индивиды, обладающие достаточным уровнем познания в соответствующей области.

Похоже, что и среди приверженцев ведущих мировых религий есть те, кто не читал ни Библии, ни Корана и не имеет представления о корнях своей веры. Это люди, как правило, малограмотные, тёмные и особенно ожесточённые и агрессивные. А ведь даже поверхностное ознакомление с религиозными догматами позволит сделать однозначный вывод: все три богооткровенные религии, или авраамические верования, а именно иудаизм, христианство и ислам, имеют общую духовную основу. В Коране подробно повествуется о жизни пророка Моисея, и в общих чертах это повествование сходно с библейским. Видный богослов в исламе, старший лектор Исламского института Торонто (Онтарио, Канада) шейх Ахмад Кути подчёркивает: «Десять заповедей, ниспосланных пророку Мусе (Моисею – мир ему) – за исключением четвертой, в которой говорится о соблюдении субботы, – являются вечными по своей сути и духу. Они не подлежат ни изменению, ни отмене и составляют неотъемлемую часть исламского законодательства

и этики» [7]. Сразу же отметим: шестая заповедь запрещает убийство. Что уж тут говорить об «исламских» террористах...

Фигура Моисея (Мусы) особенно авторитетна в исламе: «Магомет признал Моисея истинным пророком. Сегодня, спустя тридцать два столетия, Моисею поклоняются в равной степени евреи, христиане и мусульмане» [11, с. 5]. В исламе исключительное положение занимает пророк Авраам, которого именуют халил Аллах, то есть друг Бога, и он занимает особое место в исламе, а пророк Мухаммед возрождал именно религию Авраама: «О всемирном, универсальном горизонте религиозного мышления Мухаммеда свидетельствует тот факт, что он в своей проповеднической деятельности апеллирует не к Исмаилу – библейскому родоначальнику арабских племен, а к самому Аврааму. В Аврааме его привлекает то, что тот не был ни иудеем, ни христианином, его вера существовала до возникших позже различий. Она и является истинной» [4, с. 79]. Но обратимся непосредственно к тексту Корана. Вторая сутра утверждает: «Скажите: „Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исааку, Йакубу и коленам, и что было даровано Мусе и Исе, и что было даровано пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаёмся“» [6, с. 41]. Здесь представлены пророки Авраам, Измаил, Исаак, Иаков, Моисей, а Иса (Иса ибн Марьям аль-Масих, Иисус сын Марии, – один из величайших исламских пророков, отождествляемых с новозаветным Иисусом Христом. В шестой сутре перечисляются и другие пророки, и звучит призыв: «Так воздадим Мы делающим добро!» [6, с. 124]. То есть близость – а зачастую идентичность – духовных, нравственных, этических императивов, зафиксированных в священных книгах, не подлежит сомнению. Самые авторитетные пророки в авраамических религиях, по сути, одни и те же. Всё это убедительно доказывает даже краткий анализ текстов, связанных с данной темой и выполняющих медиатическую – посредническую, связующую – функцию.

Именно эту функцию выполняет Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (в миру Василий Захарович Иким), который исключительно точно высказался по рассматриваемой теме: «Наша надежда на то, что и православный, и мусульманский миры сумеют вовремя понять, в какую бездну их толкают. Время от времени то в одном, то в другом источнике проходит как бы предупреждающая информация, что мондиалистские круги планируют глобальное ведущее к взаимомистреблению столкновение православного и мусульманского миров. <...> Из Ветхого Завета перешла в христианство стро-

жайшая заповедь: Не убий. Еще более грозно звучат в Коране слова: Кто убьет человека без вины, тот как будто бы убил людей всех. (Этот аят цитировал недавно муфтий мусульман России Равиль Гайнутдин, разоблачая антиисламскую сущность бандитизма в Чечне.) В этом изречении Ислам демонстрирует полное понимание того, что в очах Всевышнего каждая человеческая душа дороже всей материальной вселенной, и потому нет преступления страшнее, чем убийство невинного. <...> Со страниц западных изданий в российские средства массовой информации уже давно перекочевал тезис об «исламской угрозе». Между тем необходимо отличать вероучение от его извращений, от каковых не застрахована никакая религия. И угроза, о которой пойдет речь, не менее опасна для Ислама и мусульманских народов, чем для Православия и народов славянских. <...> Террорист, убийца невинных мусульманином быть не может. И когда он действует под исламскими лозунгами, он клеветает на мусульманство. Видный арабский лидер аль-Газали клеймил подобных деятелей, как „разбойников с большой дороги, нападающих на людей во имя религии“» [2].

Мы обнаруживаем не просто разрозненную корреляцию отдельных положений исламской и христианской догматики, но их поразительную близость, общую духовную матрицу. Но надо понимать, что это не имеет ничего общего с возможными и давно уже существующими случаями противоречий и полемики между представителями разных конфессий, существующих в рамках авраамических верований. Более того, было бы странно, если бы различий не существовало, различий, которые артикулируются и разрешаются порой эмоционально остро и напряжённо, сопровождающихся обидами и упрёками, – «ведь стержневым моментом его (т. е. Корана. – Б. М.) содержания, часто переключющегося с Ветхим и Новым заветом, оказывается в первую очередь критика как раз тех сторон иудаизма и христианства, по которым эти религии издавна вели между собой ожесточённый и бескомпромиссный спор» [5, с. 84–85]. Но этот спор существует в пределах одной человеческой «семьи», не носит характера антагонистического и тем более человеконенавистнического, рассчитанного на уничтожение оппонента. Незыблемым в этом споре остаётся гуманитарное начало, и в этих религиях даже пророки, провозвестники божественной воли, посредники между высшей силой и человеком, *одни и те же*.

Любая ситуация или проблема, важная в социально-политическом, экономическом, этическом и культурологическом отношении, требует соответствующего прагматического обеспечения, разъяснения её с

позиции семантики, логики реализации, т. е. в широком смысле слова требует научного истолкования и выявления её особенностей, герменевтического операционального подхода, обращённого на те или иные стороны объекта рассмотрения и познания. А именно «герменевтический и культурфилософский методы позволяют установить интра- и интертекстовые, интра- и интердискурсные смысловые отношения в контексте разных исторических эпох и терминологических систем...» [10, с. 6]. Этого требует и осуществление евразийской политики. Необходимо создание института идентификации событий и ситуаций, выявления неправомерных оценок – вплоть до лживых и враждебных – происходящего, и следует разработать систему комментариев к ним, способствовать привлечению всего корпуса медиумов, а именно посредников, которые должны были бы способствовать осуществлению связи между субъектами, глубокой их интеграции, и на основе взаимопонимания формировать поле сотрудничества и взаимодействия.

Примечания

1. Амрахова А. Предицирование как сущностный принцип методологии сравнительного искусствознания // Musiqi dunyasi. 2014. 2 (59). С. 7092. URL: http://www.musiqi-dunya.az/article/59/59_1.html

2. Владимир (в миру Василий Захарович Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. ...А друзей искать на Востоке. Православие и ислам: противостояние или содружество? URL: <http://bookitut.ru/A-druzej-iskatj-na-Vostoke-Pravoslavie-i-Islam-protivostoyanie-ili-sodruzhestvo.html>.

3. Гаспарян О. Т. Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2017.

4. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 2000. 472 с.

5. Ислам: Краткий справочник / редкол.: Н. А. Иванов, С. Х. Кямилев, Е. А. Лебедев и др. М.: Наука, 1983. 159 с.

6. Коран / пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА (при участии издательства «Наука»). 1990. 512 с.

7. Кути А., шейх. Что говорит Ислам о Десяти заповедях, дарованных Моисею (мир ему)? URL: http://nnm.me/blogs/barbas/chto_govorit_islam_o_desyati_zapovedyah_darovannyh_moiseyu_mir_emu/.

8. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб. 1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/42046/%D0%9C%D0%95%D0%94%D0%98%D0%A3%D0%9C.

9. Романов А. А., Черепанова И. Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь: ТвГУ, ТГСХА, 1998. 205 с.

10. Степанов В. Н. Смысл силы: Очерки немецкой философской традиции. Ярославль: Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2016. 160 с.

11. Цыбульская М. В. История политических и правовых учений. М.: Моск. междунар. ин-т эконометрики, информатики, финансов и права, 2003. 111 с.

12. Этимологический словарь русского языка Крылова. URL: <https://krylov.academic.ru/2316>.

13. Löwenstein S., Vesper R. Treffen der Rechten in Wien : Eurasische Internationale // FrankfurterAllgemeineZeitung. 2014. 04. Juni. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/treffen-der-rechten-in-wien-eurasische-internationale-12972620.html>.

14. Schmidt F. Zum Unterschreiben verdammt // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. 29. Mai. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/eurasischewirtschaftsunion-gegruendet-zum-unterschreiben-verdammt-12961389.html>.

15. StudFiles. URL: <https://studfiles.net/preview/3108783/page/6/>.

16. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / hrsg. von E. Agricola unter Mitw. von H. Görner u. R. Kufner. 5. überarb. u. erweit. Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972. 818 S.

В. Р. Сахранов

Южно-Уральский федерал. ун-т

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье проводится анализ способа формирования руководящего состава институтов Евразийского экономического союза, рассматриваются специфика и недостатки, подвергается критике недостаточная наднациональность, антидемократичность и однородность.

Ключевые слова: интеграция, политическая элита, институт, наднациональность.

V. R. Sakhranov

South-Ural Federal University

THE PROBLEMS OF FORMATION OF THE POLITICAL ELITE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article analyzes the way in which the governing body of the institutions of the Eurasian Economic Union is formed, specifies and drawbacks, criticizes the insufficient supranationality, antidemocrat and homogeneity.

Key words: integration, political elite, institution, supranationality.

Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан в Астане 29 мая 2014 г. Перспективы функционирования евразийского экономического союза и возможности его расширения рассматриваются в многочисленных научных источниках [2, с. 4–14; 2, с. 276–285; 3; 4]. Для понимания специфики Евразийского экономического союза необходимо рассмотреть способ формирования его политической элиты. Под политической элитой ЕАЭС понимается руководящий состав его институтов: Высшего Евразийского экономического совета (Высший совет), Евразийского межправительственного совета (Межправительственный совет), Евразийской экономической комиссии (ЕЭК).

Высший совет – высший наднациональный орган ЕАЭС, который состоит из глав государств-членов – президентов. Логика подобного способа формирования не совсем ясна, ведь Россия, Казахстан, Армения и Беларусь являются президентскими республиками, а Киргизия – парламентской. Представители государств-членов в высшем органе не являются равнозначными должностными лицами в своих государствах, представительство не соответствует форме государственного устройства. Кроме того, Высший совет не является наднациональным органом, так как он формируется лишь по межгосударственному признаку. В данном институте отсутствует некий независимый арбитр, подобный Председателю Европейского совета.

Межправительственный совет. Ввиду специфики функций, возлагаемых на данный институт, основная из которых – реализация и контроль исполнения Договора о Евразийском экономическом союзе, было бы логично предположить, что должности здесь замещают независимые международные служащие, не связанные национальными интересами. Однако это не так – в его состав входят главы правительств государств-членов.

Очевидно, что для осуществления контрольных функций национальная привязка и необходимость согласования интересов является в корне не верной. Кроме того, так как по способу формирования состава Межправительственного совета и Высшего совета данные институты являются межгосударственными, сложность в разграничении полномочий между ними ставит вопрос о целесообразности существования двух схожих институтов. Двойственность, выраженная в этих двух институтах, объясняется попыткой переноса национальных особенностей, для которых характерно, что как глава государства, так и глава правительства играют ключевую роль в управлении государством, на уровень международной организации. Однако целесообраз-

нее представляется объединение таких органов в один, который включал бы в свой состав как глав государств, так и глав правительств. В этом случае имела бы место вариативность в обсуждаемых вопросах.

ЕЭК является регулирующим органом, и именно он должен был стать по-настоящему наднациональным институтом, действующим в интересах ЕАЭС. Несмотря на то, что Коллегия ЕЭК соответствует принципу наднациональности, Совет ЕЭК это нивелирует, так как его состав формируется из национальных заместителей председателей правительства, которые своим решением могут отменить любое решение Коллегии ЕЭК. Таким образом, единственный институт, имеющий зачатки наднациональности, из-за неправильного способа формирования одной из его структур также превращается в межгосударственный институт, теряя возможность принимать независимые и общеобязательные решения для государств-членов ЕАЭС.

Также стоит отметить, что органы, формируемые как межгосударственные, состоят только лишь из представителей исполнительных органов государств-членов. Это свидетельствует о том, что интеграция осуществляется лишь посредством видения исполнительных органов, что представляется ограничением потенциала институтов ЕАЭС. Кроме того, большинство таких представителей никак не связаны с обществом.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что способ формирования политической элиты ЕАЭС является несовершенным ввиду того, что в нем практически нет места для наднациональности, которая должна была стать основным принципом интеграционного объединения, в нем отсутствует демократическое начало, ввиду того, что в институтах нет места для выборных должностных лиц, а также однородности подхода к развитию интеграции, так как основную массу международных чиновников составляют представители исполнительной власти государств-членов.

Примечания

1. *Ачкасов В. А.* Станет ли Евразийский экономический союз «улучшенной версией Европейского союза»? // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 4.

2. *Володин В. М., Кафтүлина Ю. А., Русакова Ю. И.* Перспективы функционирования евразийского экономического союза и возможности его расширения // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки. 2015. № 1 (33).

3. Основы Евразийского экономического союза. Конспект лекций в НИУ ВШЭ. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/3346> (дата обращения: 02.11.2017).

4. Толстых В. Л. Проблемы евразийской интеграции. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7279:2015-04-23-05-47-53&catid=99:2010-066 (дата обращения: 02.11.2017).

В. В. Пыж

Национальный гос. ун-т физической культуры, спорта и здоровья
имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

ДОКТРИНА УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА И БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье проведен анализ политической технологии «управляемого хаоса». Раскрыты основные положения доктрины «управляемого хаоса», механизмы технологий ненасильственных переворотов в условиях современных политических и геополитических процессов, в том числе с участием массмедиа.

Ключевые слова: доктрина «управления хаосом», политический конфликт, национальная безопасность, стратегия национальной безопасности, военная доктрина, концепции гуманитарной интервенции, избирательная легитимность, новый мировой порядок, жизненно важные интересы личности, общества и государства, массмедиа .

V. V. Pyzh

National state University of physical culture, sport and health
named after P. F. Lesgaft, St. Petersburg

THE DOCTRINE OF CONTROLLED CHAOS AND SECURITY OF MODERN RUSSIA

In the article the analysis of political technology “controlled chaos” is carried out. The basic progenitores “controlled chaos”, the mechanisms of the technologies of non-violent revolutions in contemporary political and geopolitical processes, including the part of the mass media are opened.

Key words: the doctrine of “controlling chaos, political conflicts, national security, national security strategy, military doctrine, concepts of humanitarian

intervention, electoral legitimacy, the new world order, the vital interests of individuals, society and the state, massmedia.

Современная Россия подвергается активному воздействию большого количества новых политических технологий. По мнению специалистов технологии управляемого хаоса, это новый неконтролируемый международными организациями вид оружия массового поражения, инструмент в миропроектной борьбе [2; 3; 7; 12; 20].

Человечество вступило в XXI в. с большим грузом опасностей и угроз для своего развития. И хотя эти угрозы, на первый взгляд, более предсказуемы, чем прежние, уровень их опасности в полной мере до конца не осознан. Более того, очевидна тенденция к расширению в мире *конфликтного пространства* и, что крайне опасно, его распространение на зону наших жизненно важных интересов.

В Военной доктрине Российской Федерации, принятой в 2014 г., отмечается, что «мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения» [4].

Современный мир – это отнюдь не «конец истории» по Фукуяме и не «война цивилизаций» по Хантингтону. Современный мир строится на основе миропроектной конкуренции, конкуренции миропроектов. Именно определенные миропроектные основания порождают соответствующие технологии, в том числе и те, которые связаны с угрозой нашей безопасности, а никак не наоборот.

По мнению И. С. Сайфулина, «современные ненасильственные изменения политических систем ряда государств функционируют за счет механизмов, которые предложены в теории „управляемого хаоса“, разработанной в Институте Санта-Фе (Нью-Мексико, США), являющимся некоммерческой организацией и занимающимся междисциплинарным исследованием фундаментальных свойств сложных адаптивных систем» [23].

Сегодня мы имеем дело с новым явлением, когда возникающая глобальная иерархия утверждает действенный институт междуна-

родных регулирующих органов («глобальная держава», Большая семерка, НАТО и т. п.), формируя при этом на противоположном полюсе отверженное племя государств-париев.

Поствестфальская система декларирует, с одной стороны, верховный суверенитет человеческой личности, главенство прав человека над национальным суверенитетом, при этом демократическая формула организации общества признается как интегральная инеотъемлемая часть международной системы безопасности.

С другой стороны, на первый план в международно-правовом универсуме выходят тенденции, развитие которых неизбежно приводит к тому, что позиция защиты прав человека служит лишь своеобразной дымовой завесой и одновременно эффективным инструментом для достижения иных целей.

Вместе с тем ключевой постулат поствестфальской системы – это избирательная легитимность, которая сама по себе предполагает наличие властной элиты, санкционирующей легитимность, а также – особой группы стран-изгоев с ограниченным суверенитетом.

Характерными чертами поствестфальской системы являются ее гибкость и нестационарность, предполагающие перманентную турбулентность мировой среды и весьма специфичный режим «управляемого хаоса».

Происхождение концепции управляемого хаоса обусловлено тем, что под эгидой привнесения «демократии» организаторы на свое усмотрение настойчиво выстраивают мир, не гнушаясь для достижения своих целей, прибегать к созданию в «непослушных, незрелых» странах и регионах режима хаоса.

Как отмечает профессор Г. Н. Нурышев, «в современных условиях интерес к математической теории хаоса начинает проявляться не только при исследовании исторических, но и современных глобальных геополитических процессов, так как становится доступным их математическое моделирование» [16].

О первом успешном применении такой модели можно говорить, рассматривая период развала СССР и Организации Варшавского договора, когда был положен конец эпохе биполярного противостояния. Следующими этапами стали разнообразные «оранжевые революции», «арабская весна» и другие события, связанные с дестабилизацией и развалом суверенных государств, нарушением субъектности их развития.

Комплекс проводимых при этом мероприятий ориентирован на управляющие центры противника с целью глубокой трансформации

политической, экономической, социальной и духовной жизни страны и последующего втягивания переформатированного государства-жертвы в орбиту управляемых извне спутников.

При всем разнообразии используемых форм и направлений хаотизации, а также геополитических особенностей объектов ее приложения, в применяемых стратегиях, несомненно, есть определенные закономерности. Это и позволяет ввести в оборот понятие «модель управляемого хаоса» как один из современных инструментов, применяемых Западом в борьбе за глобальное доминирование.

Существование и развитие множества региональных кризисов в современном мире, например, конфликты в Боснии, Косово или ситуация, сложившаяся на сегодняшний день на Украине – это отнюдь не плод деятельности каких-то отдельных «экстремистов» или их групп, а, напротив, продукт целенаправленной работы серьезных специалистов по созданию хаоса.

Уже более 20 лет страны постсоветского пространства и арабский мир сотрясают различные «цветные» и «цветочные» революции. Последняя из них коснулась нашего ближайшего соседа – Украины. При этом, в отличие от предшествующей, подобной «оранжевой» революции, которая завершилась относительно безболезненно для украинского (а также и российского) общества, эта чревата серьезными потрясениями, вплоть до вероятного крушения всей украинской элиты. Текущее затишье в событиях на Украине носит временный характер, поскольку ни одно из противоречий не разрешено и кризис власти налицо.

Всё происходящее полностью вписывается в разработанную в США теорию «управляемого хаоса» (известную также как теорию «контролируемой нестабильности»), в числе авторов которой – трубадуры «американской всемирной гегемонии» Збигнев Бжезинский, Джин Шарп (автор книги «От диктатуры к демократии»), Стивен Манн (еще в 1992 г. опубликовавший в журнале Национального военного колледжа в Вашингтоне работу «Теория хаоса и стратегическая мысль», впоследствии имел прямое отношение к «цветным революциям» в некоторых странах бывшего СССР) и другие [26; 27].

В этой статье С. Манн отмечает следующее: «Мы можем многому научиться, если рассматривать хаос и перегруппировку как возможности, а не рваться к стабильности как иллюзорной цели...».

«Международная среда является превосходным примером хаотической системы... «самоорганизованная критичность» ...соответствует ей в качестве средства анализа... Мир обречен быть хаотичным, потому что многообразные акторы человеческой политики в динамической системе... имеют разные цели и ценности». «Каждый актор в политически критических системах производит энергию конфликта... которая провоцирует смену статус-кво, участвуя, таким образом, в создании критического состояния... и любой курс приводит состояние дел к неизбежному катаклизменному переустройству» [22; 27].

Основная мысль, вытекающая из представленных тезисов Манна, – это необходимость перевести систему в состояние «политической критичности». А далее она – при определенных условиях – сама неизбежно ввергнет себя в катаклизмы хаоса и «переустройства».

В контексте его статьи важно отметить, что рассматриваемый подход может использоваться как для социального созидания, так и для асоциального разрушения и геополитических манипуляций.

По мнению известного американского политолога и политического деятеля Зб. Бжезинского, «для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе – сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе – её трансформацию во всё более институционализирующееся глобальное сотрудничество».

Употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и в недопущении объединения варваров» [15].

Доктрина «управления хаосом», основана на вполне научной теории хаоса как «нелинейной сложности».

Теория управляемого хаоса исследует вопрос о том, каким образом привести систему к точке бифуркации, осуществить этот бифуркационный переход в желаемом направлении, то есть осуществить управление хаотическим процессом такого перехода.

На основе теории была создана доктрина «управляемого хаоса», основные положения которой сводятся к следующему:

- объединение в нужный момент и на требуемый период разрозненных политических сил, выступающих против существующего законного правительства;
- подрыв уверенности лидеров страны в своих силах и в лояльности силовых структур;
- прямая дестабилизация обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением криминальных элементов с целью посеять панику и недоверие к правительству;
- организация смены власти путем военного мятежа, «демократических» выборов или другим путем.

Как справедливо отмечает директор Информационного центра по вопросам международной безопасности при Московском государственном лингвистическом университете А. Бартош, «Системный анализ модели управляемого хаоса предполагает решение двух задач:

- анализ архитектуры моделии ее основных компонентов;
- анализ взаимосвязей между ними» [1].

Деидеологизация, идейный плюрализм, сбрасывание «балласта» ценностей, резкое повышение материальных запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой, беспредел «демократических», якобы самостийных, движений (часто имеющих этноконфессиональную окраску) – все это сознательно, на четко и подробно разработанной научной основе, внедряемые составляющие «управляемого хаоса», служащие главной цели – демонтажу ныне существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На их место должно, по замыслу глобалистов, прийти нечто совершенно новое, а именно – общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигается при помощи *особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ и образования*).

В основу организации управляемого хаоса положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций, *прежде всего СМИ* [7], всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий.

Это – *мировая информационно-психологическая война*, в ходе которой было достигнуто разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе, а способность больших масс

населения к сопротивлению, самоорганизации, развитию, напротив, была резко снижена.

Понимание сущности *деструктивных информационно-политических технологий* дает возможность определить их цели, структуру и минимизировать негативное воздействие на общество и государство.

В России технологии управляемого хаоса всегда носили характер более «мягкий» и долгосрочный в реализации, чем в ряде других стран, что в значительной степени определялось наличием ядерного оружия и объектов повышенной опасности. Специфика использования технологий управляемого хаоса на Украине связана с ориентацией на разжигание национализма, что, в свою очередь, предоставляет практически безграничные возможности для организации более динамичных процессов разрушения субъектности развития, чем в России.

Поэтому анализ развития событий на Украине крайне важен для понимания того, как обеспечить стабильность в нашей стране, что особенно актуально в условиях нарастающего экономического кризиса и обострения отношений с Западом [13; 14; 17].

На основании вышеизложенного ясным становится то, что угроза применения технологии «управляемого хаоса» в России существует, и действия по минимизации факторов, способствующих появлению и распространению такой угрозы, становятся приоритетными для обеспечения безопасности российской государственности.

События, происходящие у наших границ, диктуют необходимость изучения не только самой проблемы национальной безопасности, военной политики государства по ее обеспечению в новых геополитических реалиях, но и проблем осуществления гражданского контроля над Вооруженными силами Российской Федерации, их строительством.

Ведь без научного анализа теоретических и практических проблем национальной безопасности, военной политики государства, характера военно-политической обстановки невозможно решать задачи военного строительства и боевой подготовки войск, обеспечения политической и военной безопасности страны.

На национальную безопасность оказывает влияние ряд факторов: протяженность границ государства, природные условия и ресурсы, демографические показатели (половозрастной и численный состав) и динамика демографического развития, уровень миграции и ее характер, интеллектуальный потенциал населения, образовательный

уровень, уровень самочувствия населения и его гражданская активность, военная мощь и экономическое состояние, уровень духовно-нравственного и научно-технического развития, стабильность институциональной системы, в том числе, государственных институтов, эффективность управленческой системы.

Кроме того, национальная безопасность определяется влиянием внешних факторов, отражающих включенность государства в военно-политические блоки, доступ к мировым ресурсам, подверженность глобализационным процессам и т. д.

Ученые всего мира неизменно обращают внимание на тот факт, что безопасность всегда выступала и выступает в качестве базовой потребности человека и общества. Так, древнегреческий философ Платон считал, что состоянию безопасности соответствует «предотвращение вреда». В понятии «предотвращение» фиксируется определенная деятельность субъекта безопасности, причем предполагается, что эта деятельность должна быть весьма эффективной. Аристотель отмечал, что обеспечение безопасности граждан должно стать главным в управлении общественными делами со стороны власти и государства.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля определяет безопасность как отсутствие опасности, сохранность, надежность. На уровне обыденного сознания безопасность – это состояние и мера защищенности субъекта от угроз, вреда, ущерба или зла.

Безопасность относится к классу социально-философских категорий, и это обуславливает ее комплексное, междисциплинарное рассмотрение. Не случайно сегодня в научной литературе имеется ряд многообразных подходов к определению этого понятия и уяснению сущности безопасности.

Одни авторы рассматривают безопасность как философскую категорию широко, считая ее мерой жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации.

Другие авторы под безопасностью понимают ситуацию, при которой кому (чему)-нибудь не существует угрозы со стороны кого (чего)-либо.

Безопасность в буквальном смысле слова представляет собой отсутствие опасности. Поэтому правы те авторы, которые считают, что понятие «безопасность» связывается с отсутствием каких-либо

угроз для жизнедеятельности общества и существования государства, прежде всего, его фундаментальным, основополагающим ценностям и интересам [8; 9; 10; 12].

В настоящее время в отечественной науке имеется множество определений понятия «безопасность», которые объединяет стремление проанализировать его посредством анализа таких конкретных признаков, как состояние.

Например, некоторые авторы считают, что безопасность – «это состояние или положение объекта безопасности, когда для него нет опасности, т. е. изменений свойств в худшую сторону», «состояние, обеспечивающее достаточную экономическую и военную мощь нации для противления... угрозам для ее существования, исходящим как из других стран, так и изнутри собственной страны», «состояние международных отношений, исключающих нарушение свободного мира или создание угрозы безопасности народам в какой-либо ни было форме», «состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития. Безопасность – это положение (состояние), при котором на некий объект не могут воздействовать факторы опасности и угрозы» [21, с. 46].

Достаточно широкое распространение в научной литературе и практической политике получил такой подход к сущности безопасности, который сводится к отождествлению безопасности и защищенности общества, личности и государства от опасностей и угроз.

Из таких позиций исходил закон Российской Федерации «О безопасности» 1992 г., в котором под безопасностью понимается состояние защищенности жизненноважных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Итак, безопасность – это отсутствие внутренних и внешних угроз (опасностей) интересам личности, обществу и государству в различных сферах (политической, экономической, духовной, экологической и т. д.).

Интересы выступают конкретным выражением безопасности, ибо интересы – объективная основа человеческой деятельности. Но интересы не только «побудительная сила» деятельности. Деятельность сама выступает основанием потребностей и интересов, способов их удовлетворения. Это положение является общепризнанным.

По нашему мнению, под безопасностью следует рассматривать не только состояние защищенности, но и способность личности, общества и государства противостоять любым внешним и внутренним деструктивным воздействиям, направленным на ущемление их интересов, состоящих, прежде всего, в стабильном, прогрессивном функционировании и развитии.

Безопасность есть мера защищенности жизнебытия личности, общества и государства. На наш взгляд, понятие «мера защищенности» более содержательно, чем понятие «состояние защищенности», зафиксированное в Законе РФ «О безопасности».

Безопасность предполагает комплекс соответствующих мероприятий и действий, связанных с нейтрализацией, противодействием возможным (в том числе сознательно проецируемым) угрозам разного плана, сведением их до минимально возможной угрозы в данных конкретных условиях.

Безопасность, с нашей точки зрения, следует понимать, прежде всего, как устойчивость общественного организма, сохраняющего свою целостность и способность к саморазвитию, несмотря на неблагоприятные внутренние и внешние условия.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства» [18].

Аналогичный взгляд на понимание безопасности выражается, в частности, в ряде современных документов США, где отмечается: «Под безопасностью понимаются условия, которые являются результатом осуществления оборонительных (защитных) мероприятий, обеспечивающих независимость государства от враждебных актов или других видов внешнего вмешательства» [21].

Следует заметить, что термин «национальная безопасность» в научной литературе появился относительно недавно. Считается, что впервые этот термин был употреблен в Послании Президента США Теодора Рузвельта Конгрессу в 1904 г., где он обосновал захват зоны Панамского канала интересами «национальной безопасности» США.

Сама концепция была сформулирована в связи с изданием Акта (закона) по национальной безопасности в 1947 г., на основе которого был утвержден Совет национальной безопасности США.

В годы «холодной войны» большинство политиков, исследователей определяло национальную безопасность через силу, либо с позиций взаимодействия государств, т.е. создания оптимальных условий развития системы международных отношений. Наибольшую известность получила теория силовой политики (Г. Моргентау, А. Вольферсидр).

В советской литературе вплоть до 80-х гг. существовала своя точка зрения на понятие «национальная безопасность». Так, в «Советской военной энциклопедии» (1978) говорится: «Термин «национальная безопасность» введен буржуазными идеологами, которые пытаются выдать защищаемые буржуазным государством интересы эксплуататорского класса за общенациональные и таким образом затушевать подлинную сущность и направленность осуществляемых ими мероприятий в области государственной безопасности» [24, с. 533].

Поэтому в нашей стране многие ученые, политики при рассмотрении проблем обеспечения безопасности пользовались понятиями «защита», «оборона» и т. д.

Термин «национальная безопасность» сегодня прочно вошел в научный оборот и в государственные документы. Считается, что он был впервые официально использован в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 г., а его первое официальное определение дано в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О национальной безопасности» 1996 г.

В нем национальная безопасность определяется как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства [19].

В концепции национальной безопасности Российской Федерации (2000) подчеркивается, что под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти Российской Федерации [11].

Можно найти и другие определения. Например, такое: национальная безопасность – это категория политической науки, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающих

их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития систем и общества... характеризует состояние нации как целостной системы [9].

Национальная безопасность – это состояние общественных отношений, гарантирующих защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз [5, с. 153].

«Под национальной безопасностью, – пишет И. В. Радиков, – мы будем понимать такое состояние, при котором гарантируется беспрепятственное и успешное развитие всех социальных организмов и общественных структур, создаются оптимальные условия для существования и развития личности, общества и государства» [21, с. 55].

Таким образом, национальную безопасность можно понимать как гарантированную защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внутренних и внешних, различных по своей природе угроз.

В настоящее время в США под национальной безопасностью понимается способность защищать физическую целостность страны и ее территорию, обеспечивая экономические отношения с остальным миром на приемлемых для нее условиях.

Например, в документе «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» (1999) отмечается: «Мы должны защищать жизнь и личную безопасность американцев как у себя в стране, так и за ее рубежами. Мы должны сохранять суверенитет, политическую свободу и независимость Соединенных Штатов. Наши ценности, институты и территория должны оставаться неприкосновенными. И мы должны стремиться к тому, чтобы страна процветала и благосостояние народа росло» [25].

В предисловии к вышеуказанному документу сказано, что защита национальной безопасности народа, его образа жизни, территории США является главной задачей и конституционной обязанностью администрации президента страны.

В последние годы в России развернулась активная работа по теоретическому и законодательному обоснованию национальной безопасности.

Начиная с 2000 г., были приняты обновленная концепция национальной безопасности и военная доктрина, а в последующем – ряд других документов по вопросам национальной безопасности.

В них нашли отражение официально принятые взгляды на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «в условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности» [18].

Из-за быстро протекающего процесса глобализации, в условиях политической рискогенности рядом с границами Российской Федерации, в январе 2014 г. на итоговой военно-научной конференции Академии военных наук (АВН) «управляемый хаос» был отнесен к одной из угроз национальной безопасности [6].

Чтобы эффективно противодействовать деструктивным политическим технологиям, важно акцентировать внимание общества и государства на исследовании новых политических доктрин, базирующихся на использовании в подрывных целях военно-политической, социальной, экономической нестабильности и турбулентности, которые формируются путем искусственно создаваемой хаотизации обстановки в отдельных странах и регионах. Именно поэтому необходима выработка концепции противодействию новым политическим угрозам.

Национальная безопасность представляет собой сложную многоуровневую открытую динамичную систему со специфическими структурами и функциональными компонентами.

Главные структурные компоненты этой системы – национальные ценности, интересы и цели; угрозы национальным интересам; политика обеспечения национальной безопасности и др.

Любое государство обеспечивает национальную безопасность всей своей совокупной мощью, которая определяется его природными ресурсами, уровнем развития экономики, морально-политическим потенциалом населения, геополитическим положением страны и, наконец, состоянием военной мощи. Поэтому чем сильнее государство, тем надежнее обеспечивается национальная безопасность.

Примечания

1. *Бартош А.* Теория управляемого хаоса. ОДКБ в прицеле цветных революций // Центрально-азиатский портал. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:11371> (дата обращения: 18.01.2017).
2. *Батчиков С.* Глобализация – управляемый хаос // Русский интеллектуальный мир. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4069/> (дата обращения: 02.11.2017).
3. *Вилков А. А.* «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 2.
4. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. Федеральный выпуск №6570 (298). 2014. 30 декабря.
5. Военный энциклопедический словарь. М., 2002. 863 с.
6. *Гареев М. А.* Итоги деятельности Академии военных наук за 2013 год и задачи Академии на 2014 год // Академия военных наук : [сайт]. URL: <http://www.avmf.ru/index.php/vse-novosti-sajta/621-itogi-deyatelnosti-akademii-voennykh-nauk-za-2013-god-i-zadachi-akademii-na-2014-god> (дата обращения: 18.08.2017).
7. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. 300 с.
8. *Кефели И. Ф.* Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: Изд-во «Северная звезда». 2008. 286 с.
9. *Клименко А. Ф.* Глобализация и ее влияние на военную политику и военную стратегию // Военная мысль. 2002. № 5. С. 2–15.
10. *Колганов В. М.* Система обеспечения безопасности государства. СПб.: ВМА, 2009.
11. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: Сб. концептуальных документов. М., 2000.
12. *Кургина С. Е.* ЧикиЦык. Аналитический доклад. М.: Изд-во Междунар. обществ. фонда «Эксперим. творческий центр», 2005. Апрель.
13. *Лапкин В. В., Пантин В. И.* Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Политические исследования. 2014. № 5. С. 68–89.
14. *Монтян Т.* Сильный анализ событий в Украине, России // linkis.com.youtube.com/Tatana_Montan_Silnyj.html; О геополитических причинах и последствиях последних событий на Украине // WORLDCRISIS.RU // <http://worldcrisis.ru> и др.
15. Независимое военное обозрение. 12.07.13.
16. *Нурыйшев Г. Н.* Доктрины «управляемого хаоса» в современной глобальной геополитике // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент», 2014.
17. О геополитических причинах и последствиях последних событий на Украине // WORLDCRISIS.RU // <http://worldcrisis.ru> и др.
18. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 // Российская газета – Федеральный выпуск №4912 (88). 19 мая 2009 г.

19. «О национальной безопасности»: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996. С. 3–4.

20. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М: Эдиториал УРСС, 2000.

21. *Радиков И. В.* Политологические проблемы национальной безопасности и управленческой деятельности военных кадров. СПб.: ВАТТ, 2008. Ч. 1.

22. *Рамоне И.* Геополитика хаоса / пер. с франц. И. А. Егорова. М.: ТЕИС, 2001.

23. *Сайфулин И. С.* О политической технологии «управляемого хаоса» и возрастании рискогенной политической активности в современной России. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15. Вып. 1.

24. Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1978. Т. 5.

25. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия // Независимая газета. 1999. 10 февр.

26. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. М.: Новое изд-во, 2005. 82 с.

27. *Mann S. R.* Chaos Theory in Strategic Thought // M. S. G. Nitzsche. United States Marine Corps Vietnam: Parameters (US Army War College Quarterly). V. I. XXII. Autumn 1992. P. 54–68.

Д. А. Рушин

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ НА ПУТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМУ МАРКЕТИНГУ

В настоящее время публичная дипломатия как инструмент «мягкой силы» России превращается в стратегические коммуникации с использованием механизма политического маркетинга. Несмотря на определенные успехи, публичная дипломатия России все еще достаточно слаба.

Ключевые слова: публичная дипломатия, мягкая сила, информационные технологии, СМИ, стратегические коммуникации, политический маркетинг, Россия.

D. A. Rushchin

St. Petersburg State University

PUBLIC DIPLOMACY OF RUSSIA ON THE WAY TO STRATEGIC COMMUNICATION AND POLITICAL MARKETING

Right now public diplomacy as a tool of “soft power” of Russia becomes a strategic communication with the use of machinery of political marketing. Despite of some successes, the public diplomacy of Russia is still quite weak.

Keywords: public diplomacy, soft power, information technology, media, strategic communication, political marketing, Russia.

В современных условиях глобализации, нового витка информационной революции, а также обострения международной обстановки возрастает роль публичной дипломатии, политического маркетинга, а также стратегических коммуникаций.

Это отмечалось на проходившем в июле 2016 г. в Смольнинском кампусе СПбГУ 5-м Международном Форуме по политическому маркетингу (PMF-2016), в котором принимал участие автор данной статьи [2]. На форуме отмечалось, что современная политическая реальность не только стала свидетелем многочисленных цветных революций, но и вызвала к жизни революцию нового типа – маркетинговую. «Маркетинговая революция в политике: как прошлая президентская кампания в США может научить нас эффективному маркетингу» – так называется вышедшая в 2016 г. монография американского ученого Брюса Ньюмана [3]. Этот известный на международном уровне эксперт в сфере теории и практики политического маркетинга является профессором чикагского Университета Де Поля (Чикаго, США) и редактором профессионального издания «Journal of Political Marketing». В его послужной список входит работа в качестве советника администрации президента Билла Клинтона во время выборов 1996 г. Он был ключевым спикером на 5-м Международном Форуме по политическому маркетингу (PMF-2016).

Вопросы динамики современных политических технологий оказались весьма востребованными. К относительно новым феноменам можно отнести политический маркетинг и стратегические коммуникации. По своей сути, политический маркетинг выступает в качестве интеллектуальной формы коммуникации, которая реализуется в сфере политики.

Под термином «стратегические коммуникации», как пишет московский исследователь Екатерина Виноградова, понимается стратегически скоординированная деятельность, направленная на управление целевыми аудиториями как внутри страны, так и за ее пределами с целью повышения репутации своей страны на международном уров-

не, а в случае политического конфликта – с целью победы в информационной войне [1].

Несмотря на всю свою противоречивость, политический маркетинг и стратегические коммуникации сегодня становятся неотъемлемой частью политических и коммуникационных процессов. Их использование может дать ощутимый результат, когда речь заходит о расширении взаимодействия с целевой аудиторией, в том числе зарубежной. В этом смысле они могут быть востребованы публичной дипломатией.

Петербургский исследователь Н. А. Цветкова отмечает, что программы в области информации, культуры и образования, используемые во внешней политике государств, и обычно определяемые термином публичная дипломатия, переживают сегодня новый виток развития [10, с. 1]. Она выделяет четыре фактора. Наиболее важный из них – это признание всеми государствами того факта, что умелое и активное использование программ публичной дипломатии может обеспечить реализацию таких политических и экономических задач, как расширение сферы влияния, поиск рынков сбыта, повышение престижа страны и т. п.

Вторым фактором популярности программ публичной дипломатии среди факторов системы международных отношений выступает бурное развитие информационных технологий, прежде всего, распространение Интернета и мобильной телефонии (цифровая дипломатия).

Третьим фактором новой волны в развитии публичной дипломатии стало широкое распространение новых научных концепций в данной сфере, которые приобрели популярность не только в академическом сообществе, но и среди политиков, журналистов и различных специалистов. Новые концепции о «мягкой силе», бренде нации и стратегической коммуникации стали основой для обобщения и переосмысления исторического опыта реализации публичной (культурной) дипломатии, а также для дискуссий о развитии современной публичной дипломатии разных стран.

Четвертым фактором актуализации данного дипломатического инструмента является идеологическая война, которая развернулась между США и исламским фундаментализмом в странах Ближнего Востока после известных событий 2001 г. Вашингтон вернул программы публичной дипломатии в актив внешней политики для расширения влияния и улучшения своего имиджа в данном регионе [10, с. 2].

Можно также согласиться с мнением Н. А. Цветковой, что публичная дипломатия как правительственный механизм, нацеленный на реализацию внешнеполитических задач, включает в себя такие методы, как: 1) информационные проекты (пропаганда); 2) образовательные и культурные обмены и 3) проекты в сети Интернет (цифровая дипломатия) [10, с.17]. Н. А. Цветкова полагает, что в 2013–2015 гг. новая концепция диалоговой пропаганды, официально обозначаемая Вашингтоном как стратегическая коммуникация, стала доминировать во внешнеполитическом дискурсе США. Практическое применение новой концепции выразилось в новой реформе публичной дипломатии, направленной на развитие программ пропаганды [11, с. 121].

В поле зрения современных исследователей оказываются особенности публичной дипломатии, в частности, связанные с практикой использования «soft power» («мягкая сила» или «мягкая власть»). Любое государство использует для защиты национальных интересов весь арсенал средств внешней политики. Набор механизмов для достижения внешних приоритетов является весьма богатым. Традиционные инструменты внешней политики носят политический, дипломатический, экономический и военный характер. Публичная дипломатия выступает сравнительно новым компонентом этого арсенала. Сегодня этот термин подразумевает развитую многоканальную двустороннюю связь между обществами разных стран.

В комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей и задач с помощью информационных и культурных ресурсов в последние десятилетия прочно вошла «мягкая сила». По словам американского ученого-политолога, одного из классиков теории международных отношений Джозефа Ная [13], «мягкая сила» представляет собой способность к достижению результатов посредством «привлечения» или «соблазнения» вместо насилия или подкупа. «Мягкая сила» служит важным ресурсом для повышения эффективности дипломатии. Сегодня в научно-практический обиход все чаще вводятся такие термины, как «smart power» и «intelligent power» («умная сила» и «разумная сила»), а представители исследовательского сообщества и политики призывают использовать симбиоз «жесткой» и «мягкой» силы, тем не менее, последняя сохранила свою значимость для национальной и международной повестки дня. «Цветные революции» стали ярким примером взаимодействия «мягких» и «твердых» форм влияния.

На протяжении последней четверти века Россия использовала преимущественно традиционные инструменты – «hard power» и экономические рычаги. Ныне ситуация меняется.

В конце февраля 2012 г. в статье «Россия и меняющийся мир» Владимир Владимирович Путин характеризовал «мягкую силу» как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счет информационных и других рычагов воздействия [8]. Можно увидеть разницу между определениями, предлагаемыми Дж. Наем и В. Путиным. Она носит далеко не стилистический характер. Американский политолог отмечает привлекательность в качестве ключевого элемента понятия, в то время как российский лидер делает больший упор на рычагах влияния. В период президентства Барака Обамы государственный секретарь США Хиллари Клинтон, хотя и была приверженкой идеи Дж. Наея, на практике тоже уповала и на рычаги влияния. В своих мемуарах она писала: «Для меня умная сила означала выбор подходящих инструментов – дипломатических, экономических, военных, политических и культурных – для отдельно взятой ситуации» [12, р. 33].

Тесно связано с понятием публичной дипломатии понятие народной дипломатии. Роль народной дипломатии в общем контексте дипломатии современного государства весьма велика. В ней участвуют неправительственные организации, а также бизнес и экспертное сообщество. Автор доклада принимает деятельное участие в работе Международного общественного движения «Гражданский Мир» в качестве председателя экспертного совета. Движение на практике реализует политику народной дипломатии [9].

Сегодня великие державы больше не являются единственными акторами мировой политики и международных отношений, поэтому их монополия на распространение информации по всему миру утрачена. Публичная дипломатия, ориентированная на «соперничество», замалчивание одной точки зрения целевой аудитории посредством активного поощрения других, не всегда достигает своих целей. В результате повышается интерес к публичной дипломатии, ориентированной на двустороннее сотрудничество, направленное на укрепление атмосферы доверия и принятия взвешенных решений. Московский исследователь А. В. Долинский отмечает, что увеличение количества акторов мировой политики и рост влияния негосударственных акторов в сочетании с изменением международной коммуникационной системы привели к появлению концепции новой публичной дипломатии. В но-

вой публичной дипломатии государства не столько взаимодействуют с зарубежными обществами, сколько стимулируют развитие взаимодействия по линии общество-общество. При этом негосударственные акторы могут играть не только сопоставимую с государством, но и, совокупно, более важную роль. В этой связи все большему количеству государств приходится активно взаимодействовать с негосударственными акторами для повышения эффективности собственной публичной дипломатии [4, с. 13–14].

Россия не стала исключением в процессе расширения взаимодействия с общественностью различных стран мира. В последние несколько лет мы стали свидетелями последовательного развития национальной системы взаимодействия с общественностью других стран. Произошло реформирование Информационного Агентства «РИА – Новости», Радио «Голос России». Было создано в 2008 г. в соответствии с Указом Президента РФ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). В 2005 г. был создан телеканал “Russia Today” (Россия сегодня), известный ныне как RT, а в 2007 г. специализирующийся на популяризации русского языка и культуры Фонд «Русский мир». Среди мер, направленных на оптимизацию взаимодействия с общественностью других стран, называют «Валдайские встречи» российских лидеров с зарубежными политическими учеными, зимние Олимпийские игры в Сочи 2014 г. и чемпионат мира по футболу 2018 г. и многое другое. Наконец, в 2010 г., согласно распоряжению российского президента, были созданы Российский Совет по международным делам и Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова.

Однако развитие публичной дипломатии в России наталкивается на множество трудностей. Одна из них – отсутствие системы публичной дипломатии, предполагающей наличие единой стратегии, координации, методов оценки эффективности. Российская публичная дипломатия не выработала действенных механизмов сотрудничества с негосударственными структурами других стран. А ведь проводниками публичной дипломатии, наряду с государствами, все чаще выступают неправительственные организации. Алексей Долинский полагает, что, как и США, после террористических атак 11 сентября 2001 г., Россия увеличила число односторонних каналов коммуникации, но не смогла наладить активный диалог с зарубежной общественностью [5].

Важным аспектом является вопрос о положении 25 миллионов соотечественников, которые оказались за границей после распада СССР. К сожалению, проблема положения русскоязычных жителей соседних государств поднималась, в основном, исходя из политической конъюнктуры. Эта проблема использовалась, в основном, как рычаг давления, например, на страны Балтии. Однако вопрос о ситуации с русскими в государствах Центральной Азии почти не поднимался. Это было заметно на примере Туркменистана. Интересы отношений с Ашхабадом газового монополиста «Газпрома» для государства оказывались первоочередными [7]. Таким образом, прагматические экономические интересы и бюрократические проволочки ныне зачастую оказываются решающими в определении внешнеполитического курса в отношении того или иного региона или страны. Хотя Украинский и Сирийский кризисы, несомненно, способствовали усилению роли публичной дипломатии России.

У России нет налаженной системной работы на Евразийском пространстве с деловыми и интеллектуальными элитами, нет реальной структурированной диаспоры. Явно не хватает пророссийских СМИ. Инициативы России зачастую связаны с сиюминутными конъюнктурными интересами рынка и не имеют длительной перспективы и идеи развития. Дело ограничивается взаимными визитами на высоком уровне, экономическими преференциями и списанием долгов.

В условиях информационной войны с Западом в российских СМИ все чаще используются подходы политической коммуникации и пропаганды. Это, в частности, проявилось при освещении европейского миграционного кризиса. В российских официальных и официозных СМИ подчеркивается, что европейцы опасаются за свою безопасность, европейские лидеры не могут решить проблемы миграции, европейские правящие круги зависимы от США, европейские политики сознательно искажают информацию о масштабах проблемы.

Российские СМИ зачастую фокусируются на заявлениях крайне правых политиков о вопросах миграции, таких, как лидер французской партии Национальный фронт Марин Ле Пен или представители немецкого Союза правых PEDIGA. Ангела Меркель является одной из главных мишеней для критики в российских СМИ.

Тема мигрантов также важна в российском внутреннем дискурсе. Она призвана продемонстрировать нестабильность в мире, необходимость поддержки существующего строя в России и опасность стремления к переменам. В то же время против России развернута западная

пропагандистская кампания, напоминающая, а иногда и превосходящая стилистику времен «холодной войны» [2, с. 183].

Очень важной и актуальной в нынешней сложной международной обстановке представляется тема «Коммуникация и терроризм». Авторы одноименной коллективной монографии, вышедшей в 2015 г., рассмотрели способы, которыми экстремистские движения и террористические группы оказывают воздействие на общественное мнение, а также роль коммуникации в борьбе с терроризмом и экстремизмом. В книге обсуждаются приемы разработки адекватных определений терроризма и экстремизма [6].

Все выше перечисленное свидетельствует о тенденции дальнейшего развития публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы» в стратегическую коммуникацию и использовании механизмов политического маркетинга. Публичная дипломатия России также действует в русле этого мирового тренда. Тем не менее, публичная дипломатия России все-таки еще достаточно слаба. Это особенно заметно на фоне усиливающейся конкуренции за мировое влияние между США и Китаем.

Примечания

1. Виноградова Е. А. Роль стратегической коммуникации в международных отношениях [Текст] // *Международная жизнь*. № 6. 2014. С. 111–129.

2. Виноградова С. М., Руцин Д. А. V Международный форум «Политический маркетинг в меняющемся мире: глобальное, региональное и национальное измерение – PMF-2016». Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г. [Текст] // *Общество. Среда. Развитие*. 2016. № 4 (41). С. 181–183.

3. Виноградова С. М., Руцин Д. А. Маркетинговая революция и современные медиа: quo vadis? [Рец. на книгу]: Newman B. The marketing revolution in politics: what recent U. S. presidential campaigns can teach us about effective marketing. Toronto: Rotman–University of Toronto Press, 2016. 205 p. [Текст] // *Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. Политология. Международные отношения*. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 91–94.

4. Долгинский А. В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Специальность 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2011.

5. Долгинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // *Российский совет по международным делам*. 2012. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=791#top-content (дата обращения: 12.09.2017).

6. Коммуникация и терроризм [Текст]: [коллективная монография] / Д. Ю. Базаркина, М. Джорич, Е. Н. Пашенцев, Д. Симеунович; Междунар. центр соц.-полит. исслед. и консалтинга. М.: МЦСПИК, 2015. 188 с.

7. Лукьянов Ф. Парадоксы российской «мягкой силы» // ОБСЕРВО. Аналитический центр при Франко-российской торгово-промышленной палате. URL: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf (дата обращения: 12.09.2017).

8. Путин В. В. Россия и меняющийся мир [Текст] // Моск. новости. 2012. 27 февраля.

9. Руцин Д. А. Евразийская интеграция и Международное общественное движение «Гражданский Мир» [Текст] // Ноосферное образование в евразийском пространстве (коллективная научная монография). СПб.: Центр науч.-информ. технологий «Астерион», 2015. С. 426–433.

10. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг. Специальность 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики: автореф. дис. д-ра ист. наук. СПб., 2015.

11. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» [Текст] // Международные процессы. Т. 13. № 3. С. 121–133.

12. Clinton H. Hard Choices. New York: Simon & Schuster, 2014. 655 p.

13. Nye Joseph S., Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. Pp. 94–109.

В. А. Фарбер

Санкт-Петербургский ин-т внешнеэкономических связей,
экономики и права

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье обосновывается роль евразийской интеграции в укреплении экономической безопасности Российской Федерации. Анализируются особенности и приоритеты современных интеграционных процессов, и отмечается роль массмедиа в их результативности.

Ключевые слова: евразийская интеграция, экономическая безопасность, инновационная модель экономики, СМИ, профессиональное образование.

V. A. Farber

Saint-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations of Economics and Law

EURASIAN INTEGRATION AS A FACTOR OF STRENGTHENING OF ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

The article explains the role of the Eurasian integration in the strengthening of the economic security of the Russian Federation. Analyzes the characteristics and priorities of modern integration processes and the role of mass media in their effectiveness.

Key words: eurasian integration, economic security, innovation model of economy, media, professional education.

Как известно, интеграция в первую очередь предполагает взаимодополнение экономик интегрируемых стран. Именно в качестве результатов интеграции можно рассматривать решение новых задач, которые без нее или представляются абсолютно недостижимыми, или достижение которых откладывается на значительное время.

Как показывает опыт развития интеграционных процессов, их инициатива может идти как «сверху», когда сначала декларируются цели и формы интеграции и закрепляются соответствующими решениями на государственном уровне, так и «снизу», когда первоначально сотрудничество развивается в разнообразных формах, а затем его условия и приоритеты оформляются в виде соответствующих решений на правительственном уровне.

Вне зависимости от того, по какому пути будет идти интеграция, необходимым условием успеха является создание благоприятного общественного мнения, разъяснение населению объединяемых регионов новых экономических возможностей и других позитивных последствий интеграционных процессов.

В контексте вышесказанного особое значение приобретают СМИ, так как в значительной степени от того, как те или иные события отражены ими, будет развиваться общественный резонанс и формироваться общественное мнение. По нашему мнению, поскольку «массмедиа развиваются в глобальном пространстве информационных полей», постольку и глобальные информационные поля формируются в том числе под постоянным воздействием массмедиа. Одним из факторов повышения эффективности подачи и восприятия информации могут стать программы дополнительного профессионального образования.

Современные интеграционные процессы включают в себя новую составляющую. По крайней мере, с точки зрения обоснования причин участия в них российской экономики. Таким новым приоритетом нам представляется преодоление последствий экономических санкций, которые были введены против России в 2014 г. Несмотря на

то, что влияние санкций на отечественную экономику неоднозначно и в значительной степени имеет и положительные результаты, проявившиеся в развитии импортозамещающих производств, для преодоления их отрицательных последствий необходимо строить новую парадигму сотрудничества именно в направлении евразийской интеграции.

Таким образом, именно интеграция, с нашей точки зрения, способна нивелировать негативное влияние санкций на российскую экономику. 13 мая 2017 г. утверждена «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г.», где на первом месте среди вызовов и угроз экономической безопасности отмечается «стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции» [1].

Учитывая, что в евразийской интеграции участвуют страны с разным уровнем экономического развития, именно процессы разносторонней интеграции, несмотря на сложность международной политической ситуации и неблагоприятный период с точки зрения экономической конъюнктуры, представляются наиболее перспективными с точки зрения создания нового центра экономического роста.

Очевидно, что евразийская интеграция способна стать одним из важнейших компонентов в процессе укрепления регионального аспекта экономической безопасности.

Укрепление экономической безопасности является одной из ключевых целей экономической политики на любом этапе экономического развития, а в современных непростых геополитических условиях становится и вовсе первоочередной.

Представляется, что важным условием как успешного осуществления интеграции, так и укрепления экономической безопасности становится формирование соответствующей образовательной среды, способной обеспечить потребность в квалифицированных кадрах, являющихся необходимым условием успешной реализации проектов, намеченных в рамках интеграционных процессов [3, с. 116]. В свою очередь евразийская интеграция способна дать новый стимул для инновационного развития экономики.

Примечания

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // ГАРАНТ.РУ.

URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/#ixzz4ud7C5Hp2>
(дата обращения: 16.10.2017).

2. Мельник Г. С. Журналистика в подготовке специалистов по связям с общественностью // Учен. зап. Забайкальского гос. ун-та. Серия: Проф. образование, теория и метод. обучения. 2011. № 6. С.184-192.

3. Фарбер В. А. Значение системы образования в процессе стабилизации международной политической ситуации // Развитие экономики в нестабильной международной политической ситуации: сб. научн. статей / под ред. Л. П. Совершаевой. СПб.: ГУАП, 2016. С.115-117.

Э. Н. Чижиков, В. Н. Лукин

Санкт-Петербургский ун-т гос.

противопожарной службы МЧС России

МЧС РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ШОС

В статье раскрываются отдельные направления деятельности МЧС России по обеспечению экономической безопасности России и стран – участников Шанхайской организации сотрудничества.

Ключевые слова: экономическая безопасность, операции чрезвычайной направленности, МЧС России, подготовка кадров.

E. N. Chizhikov, V. N. Lukin

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia

MES OF RUSSIA IN THE REGIONAL ARCHITECTURE OF THE SCO ECONOMIC SECURITY

The article reveals certain directions of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters activities aimed at ensuring economic security of Russia and the countries – participants of the Shanghai Cooperation Organization.

Key words: economic security, economic security, emergency operation, MES of Russia, personnel training.

Комплексный характер современных вызовов и угроз требует выработки коллективных подходов к борьбе с ними, а также осознания невозможности обеспечения собственной безопасности за счет безопасности других. В этих условиях императивом становится соблюдение всеми государствами универсальных принципов равной и неделимой безопасности, одинаково применимых к евроатлантическому, евразийскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам, – заявлено в «Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года» [1].

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее – МЧС России, Министерство) принимает участие в формировании в Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) эффективной системы реагирования на глобальные вызовы и угрозы по ряду направлений в рамках Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. [2] на основе более 40 межправительственных соглашений с зарубежными странами, партнерские связи зафиксированы в 15 международных правовых документах.

24 августа 2017 г. Министерство приняло участие уже в девятом Совещании руководителей чрезвычайных ведомств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. «Взаимодействие государств – членов Шанхайской организации в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций вносит существенный вклад в поддержание безопасности в регионе», – отметил глава МЧС России В. Пучков. Он перечислил формы сотрудничества: регулярные встречи руководителей территориальных органов, специалистов служб спасения различного профиля – психологов, водолазов, представителей органов управления в кризисных ситуациях и предложил сформировать глобальную сеть кризисных центров по типу Международной организации гражданской обороны [3].

Участие в операциях чрезвычайной направленности. За последние 15 лет МЧС России проведено более 430 таких операций: 270 операций по доставке гуманитарных грузов более чем в семьдесят стран мира; 20 – по проведению аварийно-спасательных и поисковых работ, работ по разминированию территорий от взрывоопасных предметов; 9 – по оказанию медицинской помощи аэромобильным госпиталем МЧС России; эвакуация российских граждан при угрозе их жизни – 18; тушение природных пожаров – 13; санитарно-авиационная эвакуация

тяжелобольных российских граждан из зарубежных государств – более 100 операций. В целом география российской гуманитарной помощи охватывает около 140 государств, пострадавших от чрезвычайных ситуаций природного характера и военных конфликтов. В числе всего двух десятков в мире Государственный центральный аэромобильный спасательный отряд МЧС России «Центроспас» прошел аттестацию по системе международных стандартов INSARAG ООН и получил звание поисково-спасательного отряда «тяжелого» класса, подтвержденное в 2016 г. В составе отряда «Центроспас» работает аэромобильный госпиталь, вошедший в 2016 г. в передовую тройку глобального реестра чрезвычайных медицинских бригад Всемирной организации здравоохранения для работы в зоне бедствий и катастроф [4].

Российская инициатива по созданию Глобальной сети центров управления в кризисных ситуациях уделяет особое внимание таким направлениям деятельности, как прогнозирование, предупреждение чрезвычайных ситуаций, космический мониторинг. Так, в Кыргызстане при участии МЧС России формируются компоненты Единой информационно-управляющей системы в кризисных ситуациях, включающие центры обработки вызовов системы единого номера «112». Есть договоренности по этой проблеме с Индией [5, 6].

Поставки спасательного оборудования и техники, создание складов гуманитарных грузов, предназначенных для распределения среди населения в случае чрезвычайной ситуации: Украина (Донбасс), Сирия и еще десятки стран.

В рамках обмена передовыми спасательными технологиями МЧС России ежегодно организует международный салон «Комплексная безопасность».

В вузах МЧС России уделяется большое внимание подготовке специалистов и кадров высшей квалификации других стран. В 2017 г. дипломы получили 69 выпускников из 8 стран. В новом учебном году в вузах МЧС будут обучаться несколько десятков иностранных студентов, включая и аспирантов более чем из 15 стран [7]. Так, в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России обучаются специалисты ряда стран – членов ШОС.

Примечания

1. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года, 10 июля 2015 г. [Сайт ШОС]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 01.09.2017).

2. Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015-2030 годы. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН на Шестьдесят девятой сессии 23 июня 2015 года A/RES/69/283 // [Сайт ООН]: URL: <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/167/19/PDF/N1516719.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.08.2017).

3. Владимир Пучков принял участие в открытии девятого Совещания руководителей чрезвычайных ведомств государств-членов ШОС в Киргизии. [Сайт МЧС]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/33313213/> (дата обращения: 03.09.2017).

4. Международное сотрудничество. [Сайт МЧС]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/activities/international> (дата обращения: 03.09.2017).

5. Главы чрезвычайных ведомств России и Киргизии обсудили вопросы двустороннего сотрудничества в области предупреждения и ликвидации последствий ЧС. [Сайт МЧС]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/33313929/> (дата обращения: 03.09.2017).

6. Глава МЧС России Владимир Пучков встретился с министром внутренних дел Республики Индия Раджнатхом Сингхом. [Сайт МЧС]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/33313374/> (дата обращения: 03.09.2017).

7. О рабочем взаимодействии и совместном опыте с белорусским спасательным ведомством в интервью газете «Союзное вече» 13.07.2017. [Сайт МЧС]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/interview/item/33268936/> (дата обращения: 31.08.2017).

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СТРАН СНГ

С. Х. Барлыбаева

Казахский Нац. ун-т им. аль-Фараби

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Информационная эпоха означает расширение человеческих контактов, обмен культурными ценностями, обогащение практики общественной жизни. Синтез восточного и западного стилей коммуникаций, отношения к человеку, обществу, государству дает импульс к дальнейшему развитию цивилизации.

Ключевые слова: Евразийская интеграция, средства массовой информации, Евразийский экономический союз.

S. Kh.Barlybaeva

Al-Farabi Kazakh National University

INFORMATION FACTOR OF THE EURASIAN INTEGRATION

The information age means the expansion of human contacts, the exchange of cultural values, the enrichment of the practice of social life. Synthesis of the eastern and western styles of communication, attitudes toward man, society, the state gives an impetus to the further development of civilization.

Key words: Eurasian integration, mass media, Eurasian Economic Union.

Диалог и взаимное обогащение цивилизаций, стран, регионов через межнациональные контакты и сотрудничество являются определяющими условиями гармоничного развития мира.

Евразийскую интеграцию начали изучать, исследовать еще в XIX – начале XX вв. Выдающиеся личности того периода сформировали идею Евразийства: А. Трубецкой, П. Савицкий, Н. Вавилов, Л. Гумилев. Философию «евразийства» пронесли через всю жизнь Н. Бердяев, Л. Гумилев, М. Аджи, М. Барманкулов, Б. Момыш-улы, А. Чижевский, О. Сулейменов и многие другие исследователи, историки, писатели, просветители. Лишь спустя столетие эта идея проявилась в виде масштабного объединения, государственного проекта, научной концепции, реализация которой случилась в XXI в. Оставаясь в прошлом, одна цивилизация передавала в наследство грядущей свой менталитет, свои обычаи и традиции, которые за тысячелетия образовали особый духовный и энергетический коридор, вмещающий культурное богатство многих народов, даже забытых и, вроде бы, исчезнувших с лица Земли. Осознание этого пробуждает от тяжелой дремоты незавершенности и ведет к великому идеалу Единства через сближение и объединение [1, с. 7, 10].

Существование мировой и национальных коммуникационных систем можно обозначить как двусторонний процесс интернационализации, с одной стороны, и локализации – с другой, которые влияют друг на друга. Восточные и Западные коммуникационные модели представляют интересный контраст в отношении их целей, средств для достижения этих целей и роли личностей в коммуникационном процессе. В Западной перспективе – роль коммуникации в установлении и поддержании политической, социальной и экономической свободы для личности. Эта функция коммуникации имеет как историческое, так и современное значение. Исторически цель коммуникации на Востоке – достичь духовной гармонии между человеком и природой. В своей работе «Запад и Восток» академик Н. И. Конрад писал: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей. Связь эта, конечно, может быть очень различной – и по характеру, и по интенсивности, и по масштабу, но она всегда существует» [6, с. 17].

Специалисты утверждают, что восточная и европейская коммуникация существенно отличаются друг от друга. Европейская – это коммуникация максимального сообщения, основанная на логической выстроенности текста. Не столько думать, сколько рассуждать. Истина постигается в споре. Восточная – это коммуникация минимального со-

общения, зависящая от постоянно меняющейся ситуации. Сообщение выдается сразу, целиком, как импульс уму. Истина постигается в молчании. Главное не в том, чтобы утвердить свое мнение, а в том, чтобы не помешать другому. Современная психология, по мнению специалистов, отдает предпочтение молчаливой коммуникации.

Существование мировой и национальных коммуникационных систем можно обозначить как двусторонний процесс интернационализации, с одной стороны, и локализации – с другой, которые влияют друг на друга.

Канадский исследователь М. Маклюэн предсказывал, что Восток будет стремиться в сторону Запада, и Запад будет охвачен востоковедением. Ключ к миру – это понять обе системы одновременно [8, с. 3].

Синтез восточного и западного стилей коммуникации, отношения к человеку, обществу, государству дает импульс к дальнейшему развитию цивилизации.

Казахстан представляет собой «удачный синтез между азиатским Востоком и европейским Западом», – как отмечают исследователи. Как евразийское государство, находящееся на стыке Востока и Запада, являющаяся мостом между двумя континентами, наша страна вобрала и вбирает все лучшее и с Запада, и с Востока. Об этом свидетельствуют вхождение Казахстана в Евразийский Экономический Союз, и древний торговый Шелковый путь, и действующая Транс-Азиатско-Европейская (ТАЕ) коммуникационная магистраль, соединяющая Восток и Запад.

Евразийским «проектом предполагается создание единого экономического, таможенного, гуманитарного пространства» [3, с. 4]. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев отмечал, что добрососедство, равноправие, честное сотрудничество – необходимые условия для экономической интеграции стран СНГ. Только на этой основе могут быть осуществлены и другие интеграционные проекты. «Евразийский экономический союз может стать крупным жизнеспособным региональным объединением, способным вывести страны Евразии из-под деструктивного влияния глобальной нестабильности» [4, с. 3].

Каждая страна стремится внести свой вклад в интеграционные процессы. Всестороннее развитие стран Содружества постоянно информирует межгосударственная телекомпания «Мир». В Казахстане функционирует «1 канал – Евразия», который активно освещает события в странах СНГ. По телеканалу «РТР-Россия» в рамках информационной программы «Вести» освещаются новости из Евразийского сообщества.

В средствах массовой информации идет широкое обсуждение и освещение проблемы информационного обеспечения евразийского интеграционного проекта и коммуникационного взаимодействия на постсоветском пространстве. Об этом свидетельствуют многочисленные международные конференции, круглые столы, создание некоммерческих организаций, таких, как «Евразийская интеграция», некоммерческий фонд «Наследие Евразии», развитие Евразийских научно-исследовательских центров в Алматы, Астане, Москве, Минске, Санкт-Петербурге, Ереване и других городах.

Интеграционный проект – Единое экономическое пространство Казахстана, России, Беларуси, старт которому был дан 1 января 2012 г., нашел широкий отклик в средствах массовой коммуникации, в развитии социальных институтов, научных центров. Это Международное евразийское движение в Москве, это кафедра социологии факультета международных отношений МГУ, это Белорусский Технологический университет – там есть Центр Евразии, Центр Абая, Центр Евразии в Ереванском университете, Евразийский Центр есть и в Астане, в Евразийском университете им. Л. Гумилева.

Идея Евразийской интеграции все больше находит своих сторонников на постсоветском пространстве, и, тем более, в Казахстане, где Президент страны Н. А. Назарбаев еще в 1994 г. впервые предложил идею создания Евразийского Союза, выступая в МГУ им. М. В. Ломоносова. Прошло 17 лет и в октябре 2011 г. в газете «Известия» были опубликованы статьи руководителей трех стран: Казахстана, России и Беларуси – Н. Назарбаева, В. Путина и А. Лукашенко, в которых была выдвинута идея о формировании Евразийского Экономического Союза.

Исследователи, ученые определяют важнейшие принципы функционирования будущего Евразийского Экономического Союза (ЕАС): принцип «глобальности» как одного из будущих центров мировой политики и экономики; принцип «единства в многообразии»; принцип «разноскоростной и разноуровневой интеграции»; активное взаимодействие с соседями Евразийского Союза.

Евразийская интеграция – это неизбежный процесс, к которому Казахстан имеет прямое отношение как центр, соединяющий народы, их историю, культуру, менталитет, многие бизнес-процессы.

Информационные процессы имеют глобальный характер, но они имеют национальную специфику того государства, в котором они происходят. С 2012 г. реализуется государственная программа «Ин-

формационный Казахстан-2020» [5]. В программе «Информационный Казахстан-2020» особый акцент делается на развитие медийного пространства, на производство казахстанского контента, на повышение уровня удовлетворенности отечественным информационно-культурным продуктом. В результате этого отмечалось, что «к 2020 году должно наступить увеличение объема телевизионной продукции казахстанского производства до 60 % от общего эфирного времени. Число интернет-сайтов в доменах .kz и .kaz должно увеличиться на 50 % по сравнению с 2012 г. Казахстанские телеканалы станут доступны на территории 110 стран, а количество СМИ в Интернете составит 95 % от их общего количества. К 2020 г. количество абонентов национальной спутниковой сети должно достигнуть 1 млн. человек» [5].

Доля негосударственных СМИ на информационном рынке страны составляет 85 %. Из общего числа газет почти половина выходит на казахском и русском языках, есть газеты, выходящие только на казахском или только на русском языках, часть газет выходит на уйгурском, корейском, английском, немецком и других языках. На поддержку этнических средств массовой информации и освещение межэтнических отношений с 2005 г. финансирование увеличено более чем в 4 раза. Газеты и журналы в Казахстане выпускаются на 15 языках, радиопередачи выходят на 8, телепередачи на 11 языках. Государством выделяются средства на поддержку деятельности 19 этнических СМИ, а всего их 33 [9].

Число Интернет-пользователей в Казахстане достигло 10 млн человек в 2016 г., увеличившись за год на 1,8 % [7]. Здесь немного спорные показатели, так как другие источники отмечали 12 млн пользователей Интернета в стране (население Казахстана на 1 июля 2017 г. составляло 18 млн 14 тыс. человек) по данным Агентства по статистике Республики.

В настоящее время в правительстве ведется разработка новой программы «Цифровой Казахстан», которая создаст новую цифровую платформу, улучшит возможности ведения бизнеса и повысит качество жизни населения.

Тема евразийской интеграции в Казахстане является одной из наиболее обсуждаемых, СМИ уделяют ей большое внимание. У нас на эту тему публикуется очень много аналитики, выпускаются книги. Социологические замеры показывают, что население в подавляющем большинстве поддерживает этот вектор. Однако существует дискурс, фиксирующий критику интеграционных процессов.

У евразийского проекта должна появиться социально-гуманитарная стратегия, чтобы население, аудитория СМИ ощутила пользу от данной интеграции, узнала о ее плюсах и минусах.

Благодаря традиционным и новым массмедиа этот информационный поток насыщается новыми идеями, взглядами, событиями и явлениями, расширяя кругозор познаний евразийцев. Имея общее историческое прошлое, тесные экономические и культурные связи, общий менталитет, общий язык общения, легче развивать евразийское информационное пространство.

Примечания

1. *Бахытжан Момыш-улы*. Когда с лица уйдет мирская тщета // Возжигая пречистые огни. Алматы: БИС, 2004.
2. Евразийская инициатива Нурсултана Назарбаева – основа современной экономической интеграции» // Казахстанская правда. 2012. 27 ноября.
3. Евразийский экономический союз – объективная региональная тенденция // Бизнес и власть. 2012. 21 сентября.
4. Казахстанская правда. 2012. 27 ноября.
5. Казинформ. 2012. 27 ноября.
6. *Конрад Н. И.* Запад и Восток : статьи. Изд. 2-е, испр. и доп. / Н. И. Конрад. М.: Глав. ред. восточной лит-ры, 1972. 496 с.
7. Уровень проникновения мобильной связи в Казахстане составил 185 % // Computer world. 2016. 12 апреля.
8. *McLuhan M., Powers B. R.* The Global Village. Transformations in World life and Media in the 21st Century.-New York-Oxford: Oxford University Press, 1989.
9. Profit.kz. 2016. 25 июля.

В. З. Гарифуллин

Казанский (Приволжский) федерал. ун-т

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТАТАРОЯЗЫЧНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье анализируется специфика развития массмедиа на татарском языке. В Республике Татарстан средства массовой коммуникации на языках народов, проживающих на территории региона, поддерживаются на официальном уровне. Вместе с тем имеются проблемы, связанные с отсутствием должного внимания по отношению к негосударственным СМИ. Автор подчеркивает необходимость справедливой государственной под-

держки всех типов СМИ, что приведет к взаимовыгодному конструктивному партнерству национальных СМИ в интересах всего общества.

Ключевые слова: массмедиа, акционерное общество, периодическая печать, татарская журналистика.

V. Z. Garifullin

Kazan (Privolzhsky) federal university

VECTORS OF THE DEVELOPMENT OF THE TATAR-SPEAKING INFORMATION SPACE

The article analyzes the specifics of the development of the mass media in the Tatar language. In the Republic of Tatarstan, mass communication in the languages of peoples living in the region is maintained at an official level. At the same time, there are problems related to the lack of due attention in relation to non-state media. The author emphasizes the need for fair state support for all types of media, which will lead to a mutually beneficial constructive partnership of national media in the interests of the whole society.

Key words: mass media, joint-stock company, periodic printing, tatar journalism.

От нарастающего давления рыночных экономических отношений в сфере массмедиа более всего страдают периодические издания малых народов Российской Федерации. Они имеют небольшие тиражи и не являются привлекательными для рекламодателей [2]. В этих условиях в Республике Татарстан уделяется большое внимание поддержке социально значимых изданий и медиапроектов, в результате чего продолжают стабильно функционировать основные газеты и журналы, в том числе национальные издания. Развитие средств массовой коммуникации на языках народов, проживающих на территории региона, поддерживается на официальном уровне. Активно реализуется Государственная программа по сохранению, изучению и развитию государственных языков и других языков в Республике Татарстан, в которой также официально декларирована государственная поддержка татарского информационного пространства.

Все государственные издания объединены в акционерное общество «Татмедиа», которое является крупнейшим в России региональным

медиахолдингом. В него входят 77 филиалов: 98 районных, городских и республиканских газет на русском, татарском, чувашском и удмуртском языках, 15 журналов, 17 телевизионных и 11 радиоканалов, 87 сайтов в сети Интернет, информационное агентство «Татар-информ», а также крупнейший в Поволжье полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс» [1].

Вместе с тем в системе татароязычных СМИ в последние годы все большую активность проявляют частные издания, в отличие от других типов изданий, их тиражи неизменно растут [4]. Если сегодня «главная» татароязычная газета республики «Ватаным Татарстан» («Моя Родина Татарстан»), распространяется тиражом около 15 тысяч экземпляров, то частная общественно-политическая газета «Ирек майданы» («Площадь Свободы») имеет в Татарстане 32203 подписчика, в регионах России – 3303, около 1400 газет приходится на заказы киосков. От 17 до 30 тысяч подписчиков ежегодно набирают газеты частных владельцев «Акчарлак» («Чайка»), «Безнен гэжит» («Наша газета»), «Юлдаш» («Спутник»). Активно развивается дайджест-портал «Матбугат.ру» («матбугат» – в переводе с татарского «пресса») [3].

Журналистов частных изданий волнует довольно серьезная проблема, связанная с дисбалансом в отношениях государства и СМИ. Государственные издания, входящие в акционерное общество «Татмедиа», регулярно получают дотационные средства из республиканского бюджета. Например, в 2016 г. газета «Ватаным Татарстан» получила от государства 21,6 млн рублей, в 2017 г. ожидается рост господдержки до 22 млн рублей. Господдержка мотивируется необходимостью поддержки национальной культуры, языка. Вместе с тем негосударственные издания, имеющие намного большую аудиторию и, следовательно, большее влияние на умы масс, не имеют такой поддержки. Такое несправедливое отношение со стороны государства беспокоит не только редакторов и издателей, но и рядовых налогоплательщиков.

Несправедливый, по мнению учредителей частных изданий, подход наблюдается и при организации подписной кампании на печатные издания. Дело в том, что у большинства государственных изданий, начиная с районных газет и завершая республиканскими, огромная часть тиража обеспечивается за счет административного ресурса. В результате у них теряется стимул к работе и, что самое плохое, – обязанность перед теми, кто эту подписку обеспечивает, из-за чего органы администрации на местах имеют прямые рычаги давления на подопечные СМИ. От этого проигрывают все. Имеются также проблемы, касаю-

щиеся аккредитации журналистов частных изданий на мероприятия, организуемые государственными учреждениями, стимулирования работников пера за выдающиеся заслуги (присуждение государственных наград, званий и т. п.), неравномерного распределения наград по итогам профессиональных конкурсов и т. п. В сфере аудиовизуальных СМИ – свои, специфические проблемы. Например, частные теле- и радиокomпании не имеют бесплатного доступа к музыкальным фондам и архивам телевизионных записей советского периода, монополизированным в свое время государственной телерадиокomпанией в лице ТРК «Татарстан – Новый век» (ТНВ).

На наш взгляд, необходимо добиться равномерной и справедливой поддержки всех типов СМИ со стороны государства, что приведет к взаимовыгодному конструктивному партнерству власти и массмедиа в интересах всего общества.

Примечания

1. АО «Татмедиа» – 10 лет. URL: <http://sj-rt.ru/ao-tatmedia-10-let/> (дата обращения: 01.11.2017).

2. *Гарифуллин В. З., Сабирова Л. Р.* Татарская журналистика: исторический опыт и перспективы развития // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Том 157, кн. 4. С. 54-62.

3. *Зайни Р. Л., Сабирова Л. Р.* Татароязычная печать Республики Татарстан в условиях современной глобализации // Мультимедийная журналистика Евразии-2014: интегративные медиапроекты, медийная коммуникация и информационализм в условиях интеллектуализации общества Востока и Запада. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 151-156.

4. Татарская журналистика: становление и развитие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 300 с.

И. Н. Карапетова

Пятигорский гос. ун-т

МЕДИАИНДУСТРИЯ АРМЕНИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Данная статья посвящена исследованию проблемы адаптации средств массовой информации Армении в эпоху глобализации. Период после 1990-х годов для Армении отмечен низким уровнем жизни, спадом в эко-

номической и социальной сферах, что нашло свое отражение в функционировании СМИ.

Ключевые слова: система, период, прошлое, демократия, Армения, СМИ.

I. N. Karapetova

Pyatigorsk State University

MEDIA INDUSTRY OF ARMENIA IN THE ERA OF GLOBALIZATION

The article is devoted to problems of adaptation of the media of Armenia in the era of globalization. The period after 1990-ies Armenia marked a low standard of living, downturn in economic and social spheres that found its reflection on the functioning of the media.

Key words: system, period, the past, democracy, Armenia, mass media.

В 90-х годах прошлого столетия Армения, провозгласила свою независимость и вышла из состава СССР. Политические и социальные процессы, происходящие в этот период в Армении, активно фиксировались СМИ, которые стали акторами происходящих событий. В данный период идеологией новых властей Армении стала концепция рыночных реформ, в результате направление дальнейшего развития бывшей советской республики было сделано на Запад, а советская система правления была признана ошибочной. Был также отмечен так называемый переходный период: краткий исторический период, в котором смешались прошлое и будущее.

По мнению исследователей В. Д. Таказова и М. А. Красненкова, все государства, функционирующие на территориях постсоветского пространства, лишь на первый взгляд прошли одни и те же этапы развития, законодательно закрепив основы существования СМИ в условиях рынка. Шел процесс разгосударствления в информационной сфере, перераспределения и концентрации медиасобственности, появлялись акционерные и частные издания, разветвлялась система печати, появлялись новые коммуникационные каналы, расширялась сеть мультимедийных СМИ, развивались информационные технологии. Вместе с тем каждая из стран Содружества Независимых Государств прошла

свой уникальный путь становления и формирования политико-информационной системы, который нуждается сегодня в научном осмыслении [10].

Исследователь И. И. Засурский называет идеологию новых властей бывших советских республик «трансформационной утопией» [3, с. 58], в которой он отрицает справедливость данной теории, поскольку существуют некоторые несоответствия между видениями и реальностью.

Колин Спаркс в своем исследовании трансформационных процессов в Восточной Европе пишет: «Исследование телерадиовещания показывает, что теории, которые предполагают резкий разрыв между коммунистическим прошлым и новым миром, возникшим после 1989 г., не выдерживают проверки. Напротив, теории, которые предполагают общность (двух систем – И. К.), подтверждаются эмпирически» [11, с. 75]. В действительности, если, на первый взгляд, изменения, имевшие место в Армении, кажутся огромными, то, сравнивая результаты с заявленными целями, становится очевидно, что такие концепции/понятия, как «демократия» и «государство всеобщего благоденствия или благосостояния», «свободная и независимая пресса», «гражданское общество» в отношении Армении можно применить только условно. Более или менее влиятельные СМИ, особенно электронные, находятся под контролем крупных экономических кланов или политических кругов. Конечно, по сравнению с советской системой, нынешние СМИ отличаются разнообразием высказываемых точек зрения, в основе которых лежат конфликты интересов «спонсоров», однако «общественной среды», где общество путем открытых и разумных обсуждений различных проблем могло бы улучшить свое будущее, как это было в прошлом, не было и нет сейчас. Напротив, тот, кто хочет восстановить ход событий с помощью сообщений прессы или телевидения, снова должен научиться читать между строк. Вместе с тем И. Засурский призывает вместо критики данной концепции извлечь рациональное зерно и использовать эти знания в будущем.

Начало эпохи Третьей Армянской Республики ознаменовалось некой характерной для СМИ иллюзией. Большинству журналистов казалось, что иллюзия независимой прессы стала реальностью, но с оговорками. В то же время средствам массовой информации Армении и по сей день не представилась возможность стать «независимой прессой» или назвать себя «четвертой властью», так как пресса зависима от политических кругов в той же степени, что и в былые советские времена. Причиной данного факта является увеличение численности цен-

тров власти, вследствие чего прессе приходится маневрировать между ними. Таким образом, в Армении вследствие национальных особенностей политических процессов СМИ не получили право независимо освещать события.

Рассмотрим законодательную базу, регулирующую деятельность средств массовой информации Армении. Законы в данной области достаточно либеральны в Армении по сравнению со многими республиками бывшего СССР [8]. Закон о свободе информации, принятый в 2003 г., гарантирует право каждого на получение бесплатной информации от государственных органов. Закон о средствах массовой информации, принятый в 2004 г., четко устанавливает запрет на цензуру, права и обязанности журналиста, право на нераскрытие источника информации и т. д. Однако в результате развития новых технологий и новых медиа данный закон уже устарел и нуждается в изменении, поскольку не регулирует отношения, касающиеся средств массовой информации в сети Интернет. Клевета и диффамация в Армении были декриминализованы в 2010 г., хотя и до того журналисты в Армении не несли уголовной ответственности по данному обвинению (был зарегистрирован всего один случай с редактором ежедневной газеты Николом Пашиняном, который в 1999 г. был осужден условно на год лишения свободы). Более того, в 2011 г. Конституционный Суд Республики Армения прокомментировал в своем решении положения Гражданского Кодекса, устанавливающие материальную компенсацию за клевету и диффамацию, отметив, что компенсация должна быть разумной и не должна ставить под угрозу существование самих СМИ.

Законодательно (статья 164 Уголовного Кодекса РА) устанавливается специальная охранительная норма для журналистов в случае препятствования их законной профессиональной деятельности. Однако на практике данный механизм защиты почти не действует. Согласно исследованию, проведенному Комитетом по защите свободы слова, в 2008–2015 гг. на основании статьи 164 Уголовного Кодекса РА, начиная с 2008 г., в суд поступило всего одно дело – в 2013. В тот же самый промежуток времени были зарегистрированы сотни случаев насилия и угроз в отношении журналистов. Медиаэксперты и юристы ищут причину в дискриминации, по которой уголовные дела не возбуждаются преднамеренно, что говорит о предвзятом отношении властей к свободе информации.

Вышеперечисленные факты не означают, что СМИ в Армении находятся в роли жертвы, у которой нет другого выбора. При желании

любое средство массовой информации может достичь желаемой цели. Причина в том, что руководители газет и журналов выбирают легкий путь существования, предлагая себя властям либо оппозиции, ставя под сомнение благородную цель «служения обществу». В результате глобализации Армения выбрала свой путь построения демократии, который может длиться долгое время, поскольку сформировавшийся полуавторитарный политический режим позволяет существовать всем институтам, но при этом каждый действует стихийно. В данной ситуации политическая власть не изъявляет волю к созданию независимых средств массовой информации. Сильная президентская власть создает большое число ресурсов в виде контролируемого парламента, правительства, областных властей, «партий власти», финансово-промышленных группировок и СМИ ради своего дальнейшего выживания. Без наличия или осознания этой воли любая попытка улучшить систему СМИ обречена на провал.

В политической и экономической сферах Армении сформировалась клановая система, в которой сформировался не столько экономический, сколько политический рынок, в силу того, что данные кланы совмещают власть и собственность. Придя к согласию и разделив между собой политическую и экономическую сферы, кланы перераспределили между собой и СМИ как важнейшее средство сохранения власти.

Большое влияние на средства массовой информации оказывают низкий уровень жизни населения Армении и социально-экономическое положение страны. Вследствие спада покупательской способности потребители СМИ стали участниками борьбы за власть. Именно по этой причине средства массовой информации предлагают свои услуги желающим завладеть административными и экономическими рычагами, а не рядовым читателям или телезрителям.

Реклама в Армении также оказалась политизированна, поскольку бизнес находится в зависимости от политической власти и в случае любого проявления смелости или собственной позиции средства массовой информации могут лишиться рекламодателей. В этом основная причина высокой степени наблюдаемой в армянских СМИ «самоцензуры». Кроме того, в Армении отсутствуют крупные производственные или промышленные корпорации, а некоторые монополизированные сферы из-за отсутствия конкуренции абсолютно не нуждаются в рекламе. Все это ограничивает возможности СМИ в плане рекламных поступлений. С другой стороны, в Армении с ее небольшой экономикой средств массовой информации и без того ограниченный рынок рекламы не удов-

летворяет «рекламных требований» всех СМИ. Согласно проведенному в 2013 г. исследованию, в Армении рекламодатели/рекламные деньги чрезмерно сконцентрированы на трех телеканалах, объем рекламы в Интернете несоизмеримо мал (по сравнению с аудиторией), и одна из причин этого – политизированность рекламы в данной среде [4].

Попытка создания в Армении общественных СМИ пока не увенчалась успехом, так как Общественное телевидение и Общественное радио являются скорее государственными и выступают с позиций правящего меньшинства. Для становления реально общественных СМИ необходимо иметь независимый орган, регулирующий их деятельность. Между тем, членов совета Общественной телерадиокомпании, согласно утвержденному конкурсному порядку, назначает Президент Республики Армения.

Вещающими СМИ на деле руководят из одного офиса – президентского аппарата. Прессе разрешена «определенная свобода», однако издающиеся ничтожными тиражами газеты не имеют возможности воздействовать на общественное мнение.

В свете сказанного становится очевидным, что медиаиндустрии Армении необходимо уменьшить или устранить политическую зависимость. Эта ситуация может стать возможной при условии реального реформирования политической системы страны, при применении демократических методов работы политической элиты, развития экономики и устранения монополий.

Мы также считаем необходимым реформировать законодательство по СМИ, а именно провести либерализацию законодательства, которая позволит сблизить принципы регулирования медиаиндустрии с теми сферами экономической деятельности, которые не требуют специального регулирования.

Также необходимо повысить уровень независимости структур, регулирующих сферу вещания, в максимальной степени упростив порядок лицензирования частот, обобщив при этом коммуникации, медиазаконодательства с целью унификации регулирования деятельности традиционных и новых СМИ.

Примечания

1. Годовые доклады Ереванского пресс-клуба (ЕПК). URL: http://ypc.am/oldypc/media_research/ln.ru (дата обращения: 02.11.2017).

2. Жамакочян А. Этапы развития информационного поля РА по оценкам экспертов данной области. Ереван: Фонд Нораванк, 2012. 310 с.

3. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во МГУ, 1999. 272 с.
4. Карапетова И. Н. СМИ как инструменты обеспечения информационной безопасности современного государства // Материалы V Междунар. научн.-практ. конф. «Теоретические и прикладные аспекты современной науки». Белгород, 2014. URL: <http://www.issledo.ru>.
5. Официальный сайт Reporters Sans Frontiers. URL: <https://rsf.org/fr/ranking>.
6. Официальный сайт Freedom of the. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2016>.
7. Отчет о деятельности Комиссии по регулированию общественных услуг РА за 2015 г. URL: <http://www.psrc.am/images/docs/reports/Report-2015.pdf>
8. Положение медиа-индустрии Армении, Ереванский пресс-клуб. URL: <http://urc.am/oldypc/bulletin/ln/ru/t/45825>.
9. Свобода Медиа в странах Восточного партнерства 2014. – EaP Media Freedom Watch. Киев, 2015. 85 с.
10. Таказов В. Д., Красенков М. А. Средства массовой информации стран СНГ: современное состояние, проблемы и перспективы. СПб.: СПбГУ, 2017. 133 с.
11. Sparks C., Reading A. Communism, Capitalism and the Mass Media. London-Thousand Oaks-New Delhi: SAGE Publications, 1998.

Г. С. Мельник, Н. О. Свешникова

Санкт-Петербургский гос. ун-т

МЕДИАОБРАЗ РОССИЙСКОГО ГОРОДА И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ

В основу статьи легли данные теоретических и эмпирических исследований психологов и специалистов в области массмедиа Санкт-Петербургского государственного университета, которые проводились в 2007–2017 гг. Исследования посвящены формированию средствами массовой информации образа России и описанию представленности этого образа в структуре политического сознания россиян. В статье изложены результаты изучения факторов и инструментов позиционирования России в СМИ, влияния информационно-идейного наполнения текстов на восприятие образа России. В частности, в ретроспективе представлены материалы контент-анализа публикаций СМИ в отдельных регионах. Исследования показали наличие диспропорции между представлениями россиян о собственной стране и конструируемым в федеральных и региональных СМИ образах конкретных российских городов и России в целом.

Ключевые слова: СМИ, журналисты, медиаобраз, представления жителей, регион, город, местная и региональная пресса.

G. S. Melnik, N. O. Sveshnikova

Saint Petersburg State University

MEDIA IMAGE OF RUSSIA CITY AND ITS PRESENTATION IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RESIDENTS OF THE REGIONS

The article was based on the data of theoretical and empirical research of psychologists and specialists in mass media of the St. Petersburg State University, which were held in 2007–2017. The research is devoted to the formation of the image of Russia by the mass media and to the description of the representation of this image in the structure of the political consciousness of Russians. The article contains the results of studying the factors and instruments for positioning Russia in the media, the influence of information and ideological content of texts on the perception of the image of Russia. In particular, in retrospect, materials of the content analysis of publications in the media in selected regions are presented. Studies have shown a disproportion between the views of Russians about their own country and the images of specific Russian cities and Russia as a whole designed in federal and regional media.

Key words: mass media, journalists, media, representations of residents, region, city, local and regional press.

Одной из особенностей современного медийного поля является его раздробленность и поляризованность, наблюдаемые исследователями на двух уровнях – федеральном и региональном, что актуализирует тему изучения медиаобраза региона, которая выделяется исследователями в отдельную самостоятельную область анализа [6; 12; 13; 19–22; 24].

Наметились **методологические подходы** к пониманию медиаобраза. Прежде всего, это суммарное представление о стране, которое создается СМИ в результате отражения в материалах тех или иных ее черт или иных сторон жизни [4; 15]. Медиаобраз становится основой интерпретационной модели, виртуализирует социальную и политическую реальность [18]. Исследователь Е. Н. Богдан определяет медиаобраз как «...образ, который создается средствами массовой инфор-

мации в сотрудничестве с разными сферами духовного творчества и является выражением общественного сознания в медиaprостранстве» [1, с.12].

Нам близко использовать подход, предложенный Т. Н. Галинской, рассматривающей медиаобраз как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ», а также как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [9, с. 92]. Иными словами, медиаобраз представляет собой одну из форм существования массового сознания в медиакommunikации.

Немало работ посвящено исследованию медиаобраза российского города в контексте практики брендинга территорий [2; 4; 5; 6; 7; 13], где бренд воспроизводит национальную идентичность и выражается в узнаваемых ярких образах, идеях, символах и ценностях [20]. Так, Великий Устюг рассматривается как официальная «родина Деда Мороза». Ульяновск презентуется в СМИ исключительно как авиационная столица России. Анализ этих работ выявил общую тенденцию: несмотря на реализацию многочисленных проектов по продвижению брендов территорий, формированию их позитивных имиджей («умные» города, города-лидеры, города-перекрестки-посредники «перекрестки», развлекательные города), «проблема безликости российских городов, слабо выраженного представления о них в стране и мире – **результат бессистемного подхода к имиджевой политике**» [6; 12; 22] и **неэффективной работы СМИ** [13].

В медийном продвижении города практически не удается достичь полного совпадения его образа и идентичности. Используются в основном туристско-рекреационные стратегии. Кроме того, в СМИ эксплуатируются концепты бизнес-проектов [10; 11], активной культурной жизни, комфортно благоустроенной среды и исторических памятников. Аудитории СМИ предлагаются символы благополучия, vitality и могущества регионов.

В продвижении Ростовской области используются многочисленные слоганы: «Ростовская область – земля, которую мы любим» и «Для нас Россия начинается здесь» [21]. Для привлечения инвесторов используются такие конструкты, как «Область сказочных возможностей», «Индустриальное сердце Юга России», «Большие возможности малых городов»; популярность сохраняют традиционные этнические образы донского региона («Казачий край»). Донской край позиционируется как щедрый и гостеприимный, где созданы комфортные условия для

отдыха на берегах известной реки. Однако такая направленность, как замечают исследователи, **вредит целостному восприятию края и создает лишь «белый шум»** [12].

«В отличие от небольших городов, которые стойко ассоциируются с одним или несколькими особенностями-брендами (Иваново – «город невест/текстиль», Тула – «пряники/оружие/самовары»), крупные города отличаются большим разнообразием с точки зрения содержательного наполнения образа» [4]. Волгоград, например, позиционируется сразу в нескольких категориях: как «Город мастеров», «Город здорового образа жизни», «Духовная столица Юга России», «Город самого длинного лета», «Город научных школ», «Город олимпийских чемпионов», город под этнокультурным брендом «Ворота России в Великую Степь» [24]. Город Казань именуется «третьей столицей России». Но и здесь не наблюдается целостной картины. Так, Красноярский край позиционирует себя как развивающийся регион с большим потенциалом, однако не имеющий своего сформированного и устоявшегося бренда, в отличие, например, от г. Новосибирска, который имеет звание «столицы Сибири» [24]. На основе изучения около 3 тысяч публикаций (объекты – газеты «Красноярский край», «Красноярский рабочий», а также материалов интернет-газет «Newslab» и «Дела.ru» за период 1 января 2015 г. – 30 апреля 2016 г.) исследователь Мерзлякова [14] выявила, что доминирующим являются «событийный» и «урбанистический» суб-образы; в меньшей степени, изученные печатные издания конструируют «политический» суб-образ, он формируется с помощью позиционирования личности губернатора Красноярского края как человека с позитивным видением, принимающим верные для региона решения [14].

Молодой исследователь Н. А. Всеволодова на основании изучения публикаций в ведущих российских изданиях «Российская газета», «Коммерсант», «Независимая газета», «Новая газета» и «Комсомольская правда» (2013 г.) акцентировала внимание на особенностях инфраструктуры городов, характере действий местной власти и личных качествах людей, попавших в фокус СМИ), вывела типичный образ города [7].

В позиционировании города Кирова и Кировской области акцент делается на исторические имена – в многочисленных публикациях упоминаются: российский писатель-романтик А. С. Грин, художники В. М. и А. М. Васнецовы, хирург-кардиолог академик А. Н. Бакулев, полководцы И. С. Конев и Л. А. Говоров, космонавт В. П. Савиных.

С краем неразрывно связаны имена А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. Э. Циолковского, Ф. И. Шалыпина, П. И. Чайковского, И. И. Шишкина, Яна Райниса. На государственной охране состоят более 800 объектов культурного наследия). Вятка издавна славится самобытными народными промыслами: вятское кружево, дымковская игрушка, поделки из капа-корня и соломки, плетение из ивовой лозы, вятское кружево, художественная ковка. Однако сегодня стоит задача коррекции исторического образа, его актуализации, развертывания огромного потенциала, развития нового бренда, которым станет знак качества «Товары из Вятки» [15].

Медиаобраз страны все чаще становится предметом междисциплинарных исследований [5; 8; 11; 16; 18; 24; 25]. Труды специалистов в области массовой коммуникации, предлагающие изучение медиаобраза на рациональном и бессознательном уровнях [19], определяющие степень согласования рациональных и эмоциональных установок [16], их способность соответствовать доминирующим, актуальным на данный момент общественным потребностям [2], а также анализирующие медиаобраз страны с учетом параметров конгруэнтности и функциональности. В ряду других анализировались научные публикации, отражающие специфику влияния факторов разного рода на восприятие политического медиаобраза страны [26]. Образ города/территории рассматривается в масштабах региональной экономики как инструмент маркетинговой политики и фактор конкурентоспособности в борьбе за экономические ресурсы и создание благоприятной среды для ведения бизнеса и вложения капитала [10]; как инструмент реализации национальных интересов страны [2; 4; 6; 8; 16; 20; 25]; как интериоризация культуры [17]; как средство идентификации (страновая принадлежность, символика) [3; 12]; совокупность особенностей и ресурсных возможностей территории [10; 16; 21]; как технология создания медийного продукта и воздействия на поведение жителей регионов [2; 4; 7; 9; 12].

Исследования ученых СПбГУ [6; 13; 19; 20], проводимые в течение десяти лет и соотнесенные с материалами социологических исследований других регионов, показали: все больше регионы отказываются в формировании образа от геополитического подхода, поскольку он «оперирует в большей степени абстрактными и весьма масштабными категориями, что затрудняет его применимость на практике» [8]. На современном этапе развития регионов происходит постепенный **переход от стигматического к целенаправленно формируемому образу**, соотнесенному

с особенностями природных условий, географией, историей, культурой, хозяйственно-экономическим укладом, этнокультурным своеобразием. Опорной для создания эффективных медиаобразов городов стала модель, описанная М. В. Терских, Е. Д. Малёновой, включающая такие составляющие, как *геоэкономическая, природно-ресурсная, цивилизационно-культурная, социоментальная, национально-ценностная характеристики образа* [26].

Для решения вопроса о соотносительности медиаобраза городов и представленности этого образа в массовом сознании жителей исследователи обращаются к опросу информантов (с целью выявить субъективные представления людей о той или иной территории), ассоциативному эксперименту и к анализу медиатекстов [26], поскольку медиадискурс предстает и как источник информации о текущем имидже региона, и как инструмент его корректировки и формирования желаемого имиджа.

Изучение учеными СПбГУ представлений россиян о собственной стране в указанный период показало: с одной стороны, эти представления о стране определяются субъективными факторами: пол, возраст, образование, профессия, личностные особенности, интеллектуальное развитие, характер социальных представлений и личностного опыта, ценности и мировоззренческие позиции и пр. С другой стороны, на представления людей о собственном городе и стране влияют объективные факторы формирования образа страны, которые связаны с актуальным состоянием развития социально-политических и экономических процессов.

Как показывают проводимые исследования, существуют выраженные особенности образа России у представителей разных регионов [28, 29]. Важным представляется изучение различий между образом страны у жителей России, у представителей власти и медиасообщества. При анализе основных тематических блоков в СМИ можно выделить одну из основных тенденций, сохранившихся до нашего времени с середины 2000-х – негативизация концепта «образ России». В СМИ наиболее часто Россия позиционировалась посредством негативных фреймов: страна, где небезопасно жить ввиду повышенного уровня криминальности; коррупция, пронизывающая все сферы жизни общества; насилие в семье; обнищание населения; снижение уровня образования и культурного развития; «правовой беспредел», безнаказанность властьпредержащих, «судебный произвол»; современная молодежь – дети «разгула 90-х»; плачевное состояние транспортной

инфраструктуры и инженерных коммуникаций; Россия в «демографической яме»; рост межэтнических столкновений и националистических настроений среди молодежи; недоброкачественные продукты питания [20; 21]. Однако в таком подходе к освещению событий в стране таится опасность, о которой предупреждает И. А. Василенко: «Ситуация опасна прежде всего тем, что некачественный территориальный брендинг наносит ущерб имиджу России в целом. В итоге мы получаем благоприятную почву для «твиттерных» технологий, поскольку непривлекательный имиджевый стиль всегда может быть подвергнут язвительной критике, и в результате ему может быть найдена «революционная» альтернатива откровенно деструктивного характера» [4].

Вместе с тем, мы не склонны видеть в этом целенаправленную деструктивную деятельность профессионального сообщества журналистов. Причины этого, с нашей точки зрения, связаны с двумя факторами: резкое снижение общего уровня профессионализма журналистов и коммерциализация информационных потоков. В этом смысле актуально звучат слова молодого исследователя медиаобраза России: «формирование медиаобраза городов – это важная духовная работа самих журналистов, которая помогает в самоопределении личности любого жителя России» [7].

Результаты наших исследований иллюстрируют различия в позиционировании России крупными федеральными изданиями и региональной прессой. Данные исследования показали тенденции, обусловленные временем и характером ситуации. Приведем некоторые результаты 2007–2012 гг., целью которых было выявление особенностей образа России в печатных СМИ. Методом изучения текстов был выбран контент-анализ. В 2011 г. анализировались федеральные печатные СМИ («Коммерсант», «Российская газета», «Ведомости») и ряд региональных печатных СМИ (например, «Огни Камы», «Пермский обозреватель»). Основанием для выбора этих изданий послужил рейтинг цитируемости СМИ, осуществляющийся при помощи особой статистической методики и периодически публикуемый на сайте www.public.ru. В качестве единиц анализа были взяты категории описания семантического пространства страны [21]. В 2011 г. всего было проанализировано 9958 статей двух изданий федерального уровня, классифицированных по описанным выше категориям. В качестве единиц счета были выбраны ключевые слова, ориентиры в процессе понимания, «пусковые механизмы» для образования смысловых комплексов

и понимания значимых компонентов основного содержания текста», которые распределены по следующим категориям:

Родина – место, где человек родился и вырос, история страны, образ жизни. *Экономическая держава* – место, где человек трудится, отношение к финансовым аспектам, деньгам, к собственности, к приоритетным направлениям развития промышленности. *Государство* – система гражданско-правовых и властных отношений, обеспечение безопасности. *Идеология* – ценности и нравственные идеалы, представление о будущем и направлении развития общества в целом и личности в частности, отражение общего направления развития общества, страны в целом.

Обнаружены заметные различия в трендах печатных изданий разного уровня. В СМИ местного значения преобладает тенденция локальности, делается акцент на жизни региона, событиях в рамках профессиональных и социальных групп. СМИ федерального значения уделяют больше внимания политике и экономике страны в целом, а также централизуют область освещения событий в рамках Москвы и Санкт-Петербурга. В период с ноября по декабрь 2011 г. число публикаций экономической направленности почти сравнялось с публикациями по политическим аспектам жизни общества. При этом следует отметить, что при освещении экономической сферы акцент делался на финансовой сфере, современном состоянии развития промышленности в стране. А политическая сфера позиционировалась сквозь призму гражданско-правовых и властных отношений. Меньше всего освещались важные для жизни общества проблемы будущего и тенденции развития страны, практически не затрагивался ценностный базис российского общества. Публикации в ведущих федеральных изданиях, позиционирующих Россию в ракурсе перспектив ее развития, ценностных приоритетов социально-политических трансформаций, по итогам исследования нельзя отнести к приоритетным. Эта тематическая область, представляющая перспективы России как во внутривнутриполитическом, так и в международном плане, подменялась обсуждением экономических реалий и актуальных правовых и властных отношений. Следует отметить тенденцию: «прогнозность» доминирует над «проектностью». Особенно это проявилось в условиях выборов в Государственную Думу 2011 г. Основной акцент в этот период делается на политических прогнозах текущих выборов. Публикации, отражающие ретроспективный аспект жизни страны, занимают второе место по сравнению с экономической и политической

тематикой. В них освещаются некоторые исторически обусловленные тенденции развития, актуальные социальные проблемы, такие, как государственная политика в области демографии, миграционных процессов, здравоохранения. В основном публикации касаются качества жизни населения России. Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемые нами два престижных печатных издания создают образ страны, выгодный политическому классу и элите, а наиболее проблемные стороны жизни общества и перспективы развития не достаточно рассматриваются [20; 21]. Необходимо отметить, что в наших исследованиях при сравнении полученных данных в разные временные периоды (2007 г., 2011–2012 гг., 2016 г.) отмечается сходная тенденция в тематическом поле ведущих федеральных изданий [23].

Анализ результатов нашего исследования позволил выявить и некоторые особенности региональных печатных СМИ. Можно заметить, что печатные СМИ Санкт-Петербурга, а также Центрального региона России («Пермский обозреватель», «Огни Камы») наибольшее внимание в период 2011–2012 гг. уделяют экономике страны. Большая часть проанализированных материалов представляет собой экономические аспекты. Территории больше позиционируются как средоточие природных ресурсов, финансов и бизнеса. Невелика доля материалов, позиционирующих Санкт-Петербург как город, обладающий инновационными технологиями, информационными ресурсами.

В пермских ведущих печатных изданиях выявлены особенности позиционирования региона. Присутствует определенная «политизация» публикаций. Это связано с тем, что этот год стал для региона годом выборов в Законодательное собрание Пермского края и ГД РФ и продолжающихся споров о «пермской культурной политике». Даже на фоне «политизации» регионального медийного контента в период политической выборной кампании, эта проблематика освещается более полно по сравнению с федеральными печатными изданиями.

Несмотря на то, что за последние десять лет информационное пространство подверглось трансформации, все еще сохраняются инерционные тенденции нулевых, когда СМИ вольно или невольно играли против репутации России. Среди тем, которым уделялось большее внимание, доминировали политические и коррупционные скандалы, социальные проблемы и катастрофы, аварии. Сенсационность и оценочность – вот главные отличительные особенности печатного слова как того периода, так и современного дня. Также, сохраняется и до-

минирование позиционирования социальных проблем в их экономической составляющей. Даже качество медицинского обслуживания и образования обсуждается лишь с позиций стоимостного выражения. Сопоставление образа страны, конструируемого средствами массовой информации, с представлениями о стране жителей регионов показывает неполное их совпадение.

Исследования, проведенные в разное время, показывают неизменно одну тенденцию: федеральными СМИ представляется образ страны, выгодный политическому классу и элите, отсюда происходит искажение информации. Страна преподносится как одно целое, акцент делается на политических и экономических аспектах, при этом пропадает самобытность культуры, разнообразие регионов. Отсутствует «человеческий фактор», «личностная» ориентированность материалов. Основное проблемное поле жизни населения России рассматривается не сквозь призму культурной уникальности, самобытности, а как часть системы, где люди лишь ее элементы. При этом практически все социальные проблемы (здоровье, миграционные процессы, демография, семья и др.) и направления государственной политики (безопасность, образование и наука, культура, отношения «власть – общество») преломляются сквозь стоимостной аспект или оцениваются с позиций гражданско-правовых отношений.

Медиаобраз российских городов складывается из раздробленных элементов периферии, где более выражены акценты социального и культурного ландшафта. Доминирующей является сфера повседневности, которая весьма мозаична и разновекторна: культурные и спортивные события, криминальная обстановка, деятельность местной власти, взяточничество и коррупция, демографическая ситуация, трудовая активность и пр. Медиаобраз провинции определяется фрагментарностью и произвольностью. Исследования последних лет показывают наличие диспропорции между реальным, желаемым и эффективным образом государства в медиасреде, а также значительные различия между представлениями россиян о собственной стране и ее медиаобразом.

Глубокие противоречия между конструируемым образом и представлениями граждан о городе и стране учеными объясняются тем, что «объединению власти и политики в руках национального государства пришел конец. Потому что власть глобализирована, а политика столь же локальна, как и раньше... Наши демократические институты не были созданы для того, чтобы функционировать в ситуациях гло-

бальной взаимозависимости» [22, с. 178]. Отсюда научное сообщество все больше ощущает необходимость «переформатирования управленческих стратегий государства на системное и одновременно ситуативное участие сообществ разного уровня субъектности: региона, города, диаспоры, гражданских движений» [22, с. 178].

Таким образом, перед массмедиа как социальным институтом стоит задача системного продвижения образа страны и ее территорий и изменения общественного мнения внутри страны, разработка эффективных технологий формирования медиаобраза государства/регионов, определение вектора его тождественности, формирование новой культурной идеологии, создания системы символов и метрической системы измерений эффективности продвижения имиджа посредством медиаресурсов. Одним из важнейших резервов создания медиаобраза города является сближение содержания передаваемой информации с глубинными интересами аудитории.

Примечания

1. *Богдан Е. Н.* Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 12–41.

2. *Бондаренко Е. В.* Средства массовой информации как ресурс формирования позитивного имиджа региона // Научные проблемы гум. исслед. 2011. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-kak-resurs-formirovaniya-pozitivnogo-imidzha-regiona> (дата обращения: 28.10.2017).

3. *Буланов А. В., Драчева Ю. Н., Опахина Е. А.* Медиаобраз Вологодской области в европейском сознании // Вестн. Череповецкого гос. ун-та 2016. №6 (75). С. 49-57.

4. *Бурганова Л. А., Везнер Л. Н.* Город как «Медийная реальность»: образ российского города в печатных СМИ (на примере г. Екатеринбург) // Вестн. Казанского технол. ун-та. Вып. № 19. Т. 16. 2013. С. 336-340.

5. *Василенко И. А.* Современный имидж российских регионов: проблемы формирования // Мир и политика. 2012. № 12. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m12-2012/17323-sovremennyimidzh-rossijskih-regionov-problemy-formirovaniya.html>.

6. *Виноградова С. М., Мельник Г. С.* Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве: проблемы трансформации // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Выпуск № 3. С. 386–398.

7. *Всеволодова А. Н.* Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2.

8. *Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П.* Внешний имидж государства в медиасреде // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Серия 9. 2011. Вып. 3.

9. *Галинская Т. Н.* Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 11. Ноябрь. С. 91–94.

10. *Гердт Т. Б.* Имидж региона как экономическая категория и классификация видов имиджа территорий // Вестн. ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2010. № 36. 237 с.

11. *Гравер А. А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томск. гос. ун-та. 2012. №3. С. 29–45.
12. *Лубянов А. В.* Имидж региона и формирование «Мы-идентичности» в коллективных представлениях населения Ростовской области // Имидж в стратегии инновационного развития регионов России: Всероссийская научн.-практ. конф. (Волгоград, 19-20 июня 2014 г.): сб. научн. статей. Волгоград, 2014.
13. *Мельник Г. С., Виноградова С. М.* Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве посткризисного периода // Управленческое консультирование. 2009. № 3. 2016. С. 75–84.
14. *Мерзлякова Е. А.* Медиаобраз города Красноярска на примере локальных СМИ. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/26516/merzlyakova_elizaveta_andreevna_vkr.pdf?sequence=2 (дата обращения: 28.10.2017).
15. *Мерзлякова Е. А.* Проблемы ребрендинга города Кирова и его влияния на бизнес. URL: [http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/26516/merzlyakova_elizaveta_andreevna_vkr.pdf?sequence=.](http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/26516/merzlyakova_elizaveta_andreevna_vkr.pdf?sequence=)
16. *Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Н.* Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. № 4. 2010.
17. *Позорелова Н. В., Семенова Е. И.* Формирование благоприятного имиджа территории через события и проекты // Междунар. студ. научный вестник. 2015. № 4–3. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13134> (дата обращения: 16.10.2017).
18. *Пршлукова Е. Г.* Власть образов: виртуализация общества // Вестник Южн.-Урал. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. Выпуск № 10 (269). 2012. С. 151–154.
19. *Присянюк Д. В.* Теоретико-методологические основания изучения образа России в зарубежных СМИ // Человек. Сообщество. Управление. 2013. №1. URL: http://www.chsu.kubsu.ru/arkhiv/2013_1/2013_1-Prosyanyuk.pdf.
20. *Ризун И. Г., Старкова Н. О.* Формирование модели управления брендом территории // Вестник НГИЭИ. Серия Экономика и экономические науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-modeli-upravleniya-brendom-regiona>.
21. *Свешникова Н. О.* Образ России в представлении жителей Ростовской области и Санкт-Петербурга и особенности этнического самосознания / Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании: VI Междунар. научн.-практ. конф. Современные проблемы психологии и филологии. Таганрог: Изд-во НУ ВПО ТИУиЭ, 2009. С. 13–23.
22. *Свешникова Н. О.* Развитие и современное состояние проблемы: государство и граждане. Санкт-Петербург: Коло, 2012. Т. 1. С. 219–244.
23. *Семененко И. С.* Послесловие. Взгляд в политическое будущее // Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и России / редкол.: В. И. Пангин (отв. ред.), И. С. Семененко (отв. ред.), В. В. Лапкин, К. Г. Холодковский. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 183 с.
24. *Соломин Е.* Город самого длинного лета. Специалисты создают Волгограду позитивный имидж. URL: <http://evgenysolomin.livejournal.com/tag/Волгоград>.
25. *Старинщиков Н. М.* Формирование имиджа города // Стандарты и качество. 2008. № 7. С. 76–78.

26. Терских М. В., Маленова Е. Д. Имидж региона: теоретический аспект (Российский и зарубежный опыт) // Политическая лингвистика. 2015. С. 199–105.

27. Черкасова М. Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики (на примере языка вражды) // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. №18 (89). 2010. Выпуск 7. С. 250–257.

28. Sveshnikova N. O. The development and current state of the problem: state and grazdanin. St. Petersburg: Kolo, 2012. Т. 1. С. 219–244.

29. Sveshnikova N. Global processes as a factor of influence on identity development of Russian citizens // Procedia Social and Behavioral Sciences, 2013. Vol. 82. P. 176-180.

С. В. Олейников

Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко

СМИ САМООПРЕДЕЛИВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ)

В статье на примере Приднестровья описываются процессы информационного позиционирования самоопределившихся стран на постсоветском пространстве в контексте динамики их политических систем. Акцентируется внимание на развитии сетевых технологий как одном из перспективных каналов связи с внешней аудиторией в целях корректировки ее гетеростереотипов.

Ключевые слова: публичная дипломатия, средства массовой информации, политическая система, общественное сознание, самоопределившиеся государства.

S. V. Oleinikov

Schevchenko State University of Pridnestrovie

THE MASS MEDIA OF SELF-DETERMINED STATES: VECTOR DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF PRIDNESTROVIE)

The article on the example of Pridnestrovie describes the processes of information positioning of self-determined countries in the post-Soviet space in the context of the dynamics of their political systems. Attention is focused on the development of network technologies as one of the most promising

channels of communication with the external audience in order to adjust its heterostereotypes.

Key words: public diplomacy, mass media, political system, public consciousness, self-determined states.

В современной науке активно обсуждается дефиниция «политическая система», которая в большинстве случаев интерпретируется как сложный комплекс государственных институтов, политических партий, общественных организаций и в рамках которой происходит политическая жизнь общества и осуществляется государственная и общественная власть [3, с. 165].

Американские политологи и социологи определяют политическую систему через призму общественных структур, процедур и институтов, которые совместно взаимодействуют, для того чтобы найти решения политических проблем. Французская политическая школа акцентирует внимание на широких взаимных политических отношениях, существующих в мировой системе, адаптированных обществом [2]. На современном этапе развития российской государственности актуализируется проблема рассмотрения политической системы с точки зрения ее способности к самоорганизации, качественному воспроизводству в ходе эволюционного развития. Иммунитет политической системы по отношению к перманентным внешним и внутренним дестабилизирующим факторам изучается в контексте устойчивого, динамичного и безопасного функционирования государства [1, с. 130].

Эволюция общественных формаций стимулирует процесс совершенствования принципов и механизмов политико-управленческой системы, которая на современном этапе включает практически все институциональные образования. Сила влияния политических систем на общественное сознание способствует их переходу на определенном этапе из разряда следственных явлений в причинные и, более того, позволяет им нередко выступать в качестве катализатора радикальных социальных преобразований. Расширяя сферу своего влияния, политическая система принимает на себя новые функции и, соответственно, обязательства в решении новых задач, большинство из которых сопряжено с экономической и культурной сферами жизни общества. Степень интенсивности влияния политической системы при этом во многом определяется устойчивостью массового сознания к стратегическим идеям, генерируемым представителями политической элиты.

Причем на различных стадиях социального развития общественный резонанс регулировался соответствующими политическому режиму методами и средствами.

Согласованное функционирование государственных и социальных институтов, способствующее эффективному развитию страны, возможно при условии открытого коммуникативного взаимодействия, адекватного приобретенному в результате доступа к альтернативным источникам информации опыту населения. Отсутствие критического мнения в обществе и позиционирование действий существующей власти и принимаемых ею политических решений как исключительно правильных и единственно возможных негативно сказываются на устойчивости политической системы и общественного развития. Роль СМИ как детонатора или стабилизатора общественного сознания в этой ситуации усиливается, а функциональный диапазон значительно расширяется.

Многолетний опыт позиционирования государственными СМИ происходящих событий в свете, угодном власти, а также искусственно актуализированного постпозиционирования знаковых исторических культурных событий затрудняет переход к новому формату вещания, в котором доминирует предпозиционирование социально значимой информации. Альтернативные государственным информационные каналы, имея более высокий рейтинг среди населения, не только укрепляют свои позиции, распространяя якобы независимую информацию, но и могут готовить аудиторию к определенным изменениям, зондируя ее состояние и формируя в обществе определенные настроения.

Такое функциональное изменение в деятельности СМИ может быть отражено дополнением информационно-кибернетической модели политической системы К. Дойча, которая на современном этапе применима к любому институционально организованному субъекту. По мнению немецкого ученого, формулировка целей и их коррекция осуществляется политической системой на основе информации о положении общества и его отношения к этим целям. Функционирование политической системы зависит от качества и постоянства потока информации, поступающей как из внешней среды, так и информации о ее собственном движении. Результат действия данной модели необходимо усилить внешними и внутренними зондами, функции которых, скорее всего, будут выполнять СМИ, а их основной задачей будет прогнозирование реакции аудитории и корректирование «принятия

решений» посредством внедрения в массовое сознание определенных установок и предпосылок структурных и функциональных изменений. В процессе принятия решений «центром» необходимо также отметить важность участия «культурного континуума» социума, выраженного в схеме блоком памяти и ценностей, что позволит на выходе получать более эффективные результаты, выраженные в адекватных действиях власти в контексте мировоззрения массовой аудитории.

Отличительной особенностью политических систем является их субъектный состав. Они состоят из активных субъектов (акторов), осуществляющих целенаправленную политическую деятельность в соответствии с принимаемыми ими решениями и способных к изменению стратегии и тактики своей деятельности на основе рефлексии [1, с. 129–131].

Современная модель функционирования самоопределившихся государств как политической системы, а также институциональная иерархия общества, во многом соответствуя постулатам информационно-кибернетической модели К. Дойча [4, 5], активно использует средства зондирования массовой аудитории и культивирования определенных стереотипов по отдельным вопросам их априорного освещения в СМИ. Институциональная составляющая современного государства, выступающая доминантой его организации, характеризуется вариативностью функциональной нагрузки социальных и государственных институтов в процессе реализации ими естественных прав и потребностей субъектов различного уровня. В контексте институционального функционализма очевидно преобладание профилейных интересов, решение профессиональных проблем каждым конкретным актором государственного управления и общественного развития.

В условиях кризисного состояния социума самоопределившихся государств такая модель развития трансформируется и определяет функциональную составляющую в качестве доминанты государственной организации. Государственные и социальные институты самоопределившихся государств внутренне мобилизованы на решение базовых внешнеполитических задач, т. е. мирового признания, и этот принцип является не столько доминантой, сколько константой в развитии государств. В данной ситуации в самоопределившихся государствах может сформироваться система функционального институционализма, когда единая функциональная нагрузка институциональных субъектов всех уровней, выражающаяся в отстаивании объединяющих общего-

сударственных идей, призвана консолидировать общество и противостоять какой-либо угрозе государству.

Естественность доминирования государственных институтов в самоопределившихся государствах, нивелируя конкуренцию власти и общества, в содержательном наполнении информационного пространства прямо пропорционально актуальности проблем реализации национальных (общегосударственных) идей и обратно пропорциональна активности социальных институтов в формировании культурного пространства. Востребованность социальной инфраструктуры, санкционированной государством, равно как и собственно его конкурентоспособность в процессе формирования культурно-информационного пространства, определяется степенью кризисности массового сознания. Декларативность культурно-информационного пространства повышает степень его неустойчивости и, соответственно, уязвимости, поскольку его естественность определяется семиологической доминантой, когда культурный контент пространства очевиден и востребован обществом; доминирование же семантической составляющей в коммуникативных процессах свидетельствует об искусственном (директивном) тиражировании (навязывании) информационного контента.

Информационная сфера государств со статичной политической элитой по мере пребывания ее у власти приобретает специфические характеристики в процессе своего развития и взаимодействия с массовой аудиторией, заключающиеся, с одной стороны, в темпоральном усилении центростремительного вектора тематического и контекстного единообразия в описании внутривнутриполитического состояния общества государственными средствами массовой информации, а с другой – компенсирующими их декларированность центробежными процессами в типологическом разнообразии СМИ как по форме собственности, так и по идеологической направленности.

Учитывая изложенные проблемы формирования политической системы и политического процесса самоопределившихся государств, необходимо обратить внимание на тот факт, что производимый ими информационный контент, ориентированный на внешнего (зарубежного) потребителя, в большинстве случаев концентрируется на внутреннем информационном рынке, многократно тиражируясь региональными СМИ и создавая нежелательный эффект навязчивости. Регулярно включая в контекст идеологические, патриотические, культурно-исторические компоненты, государственные средства массовой

информации обеспечивают стабилизацию и укрепление общественной ситуации, однако мобилизационная составляющая информационных потоков не воспринимается адекватно большинством населения, поскольку средства массовой информации за последние двадцать пять лет сформировали устойчивые аутостереотипы, например, в Приднестровье, о необходимости государственной независимости и пророссийском векторе политического развития.

Акцентируя внимание на очевидных и тривиальных для большинства населения темах, СМИ, будучи автономными от внешнего потребителя, вызывают у массовой аудитории лишь раздражение, что негативно отразится на уровне их востребованности и доверия к ним. В такой ситуации вероятно формирование у политической элиты иллюзии удержания населения в орбите своих информационных предпочтений, в то время как большинство реципиентов активно исследуют альтернативные информационные источники, имплицитно преследующие иные идеологические цели. Подобное развитие событий может привести к ослаблению политической системы и информационной безопасности государства, которая в современном мире все больше ассоциируется с понятием национальной безопасности, причем с развитием инфокоммуникационной сферы данные категории все чаще включаются в один синонимичный ряд.

Сегодня несколько изменилось понятие безопасности, поскольку информационные технологии позволяют маскировать за благими намерениями и демократическими принципами истинные причины большинства межгосударственных конфликтов, скрывая в информационной плоскости желания получить экономическую выгоду и расширить сферу своего политического влияния.

Изыскания современных политтехнологов с учетом двойственности коммуникативных и коммуникационных процессов давно перетекали из технологической плоскости в гуманитарную, а отсутствие технических новинок и новшеств все чаще компенсируются инновационными подходами в манипулировании общественным сознанием. Такое положение удваивает влияние информационной сферы на протекание международных процессов и межгосударственное взаимодействие. Необходимо отметить, что в перспективе это влияние будет только усиливаться, равно как и роль информационных институтов в процессе достижения тех или иных политических, экономических и культурных целей, что, соответственно, будет сказываться на уязвимости и устойчивости общественно-политической системы и националь-

ной безопасности в целом. Причем следует учитывать, что в современной международной практике уже определены основные «болевые» рычаги, активизация которых может радикальным образом изменить отношение к тому или иному субъекту международного права. К примеру, по отношению к государствам с отложенным политическим статусом прочно закрепились такие гетеростереотипы, как сепаратизм, незаконное производство оружия; страны арабского мира ассоциируются с терроризмом, страны Латинской Америки – с наркоторговлей и криминалом и т. д.

Для массовой аудитории проблема достоверности распространяемой информации, провоцирующей изменения в геополитическом раскладе сил, остается на втором плане. Многочисленные опровержения и комментарии, демонстрирующие необоснованность и бездоказательность, а иногда и абсурдность отдельных заявлений зачастую не в состоянии исключить первоначальный негативный эффект, а инициаторы, «раздражители» общественного сознания, в большинстве случаев остаются, как правило, на лидирующих позициях в информационном противостоянии.

Существующий расклад сил в современной геополитической системе координат предопределяет влияние и авторитетность определенных информационных каналов, занимающих своими репортажами всю международную сетку вещания и, как следствие, транснациональных СМИ. Создавая определенный информационный повод, находясь в информационном авангарде, эти СМИ продвигают амбиции своих учредителей, которые получают гарантированные политические, экономические дивиденды, привлекая внимание к отдельным регионам или развивая фобии по отношению к ним.

Более чем 25-летние попытки выстраивания равноценного информационного обмена самоопределившихся государств с внешним миром подтверждают, насколько проблемно скорректировать некогда заданный вектор отношения зарубежной массовой аудитории к Приднестровью, Южной Осетии и Абхазии. Тем не менее, в последнее время все отчетливее проявляются положительные тенденции в процессе информационного взаимодействия представителей западноевропейского мира и стран нового зарубежья. Так, 7 апреля 2011 г. была опубликована резолюция Европейского парламента по Восточному измерению Европейской политики соседства, в которой, в частности, содержится призыв к диалогу с непризнанными государствами, расположенными на территории бывшего СССР [6].

Данный документ отражает принципы международного права в ходе решения территориальных конфликтов, в том числе и права народов на самоопределение и неприменение силы. «Это те принципы, на которых основана позиция ПМР в рамках переговоров и тех предложений, которые нами неоднократно вносятся в повестку дня этих переговоров. И потом, Приднестровье доказало свое право на самоопределение, исходя из всех политических, моральных, правовых и других предпосылок», – в свое время отметил министр иностранных дел ПМР.

Согласно резолюции внешнеполитическим ведомствам ЕС рекомендуется активизировать усилия по разрешению конфликтов в Приднестровье и на Южном Кавказе, исходя из принципов международного права, в числе которых – право народов на самоопределение. Документ призывает применять в отношении государств с отложенным политическим статусом прагматичные и инновационные подходы, устанавливать неформальные контакты с фактическими властями и обществами непризнанных республик.

Необходимо подчеркнуть, что руководство ПМР на протяжении всего периода государственного строительства было и остается открытым для прагматичного диалога как с европейскими структурами, так и на уровне отдельных государств ЕС, которые действительно стремятся разобраться в причинах конфликтов на территории бывшего Союза.

Деятельность общественных институтов самоопределившихся государств до последнего времени во многом направлялась государственными структурами и находилась в прямой зависимости от интересов национальной политики, находя свое отражение в прямом или скрытом контроле, определенных преференциях и/или ограничениях. В настоящее время ситуация начинает меняться в сторону либерализации деятельности общественных организаций, в том числе и средств массовой информации, хотя до сих пор в большинстве случаев официально зарегистрированное независимое СМИ на практике является информационным проектом, санкционированным государством. В этой связи, с одной стороны, семантические поля информационных потоков, транслируемых СМИ самоопределившихся государств, при их внешней альтернативности имеют в результате единые семиотические коды в массовом сознании аудитории. С другой – любое информационное сообщение интерпретируется аудиторией в контексте набора сформированных стереотипов, манипулирование которыми может в значительной степени упростить процесс продвижения той или иной государственной идеи.

Таким образом, в процессе своего развития современные политические системы самоопределившихся государств, сталкиваясь с проблемами информационной изоляции и коммуникативного вакуума, отделяющего их от внешнего мира, будучи обремененными историческими традициями предшествующих политических режимов и характеризующиеся повышенной реактивностью государственной машины на процесс модернизации информационного пространства, акцентируя внимание на технических и технологических основах информационной безопасности, могут оказаться бессильными перед проблемами дисбаланса в обществе, проявляющегося в разобщенности населения, политической и управленческой элиты.

Примечания

1. Баширина Е. Н. К вопросу о политической системе общества // Евразийский юридический журнал. – № 7 (26). 2010. С. 129–131.
2. Гришин О. Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1 // <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18121> (дата обращения: 10.02.2017).
3. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.
4. Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. – Michigan: Free Press of Glencoe, 1966. 316 с.
5. Deutsch K.W. Social Mobilization and Political Development // The American Political Science Review. Vol. 55. № 3 (Sep., 1961). P. 493–514.
6. European Parliament resolution on the review of the European Neighborhood Policy – Eastern Dimension (B7-0198/2011: 16.03.2011) // <http://www.europarl.europa.eu/> (дата обращения: 01.11.2017).

А. М. Сосновская, В. Н. Киселев

Сев.-Зап. ин-т управления Российской академии

нар. х-ва и гос. службы при президенте Российской Федерации

ДИСКУРС МИГРАЦИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИГРАНТОВ В СМИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В статье рассматривается дискурс о мигрантах в Санкт-Петербурге, который имеет черты фейковых новостей, представлена реакция аудитории на наиболее цитируемые информационные поводы. Излагается необходимость качественного и объективного информирования населения города

по вопросам миграции, евразийского сотрудничества и реализации национальной политики в области миграции.

Ключевые слова: медиадискурс, мигранты, Санкт-Петербург, фейковые новости.

A. M. Sosnovskaya, V. N. Kiselev

Northwest institute of management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

DISCOURSE OF MIGRATION: THE PRERESENTATION OF MIGRANT IN THE ST. PETERBURG' MEDIA

The article deals with the discourse about migrants in St. Petersburg, which has features of fake news, presents the audience's reaction to the most cited information reasons. The need for a qualitative and objective information of the city's population on migration, Eurasian cooperation and the implementation of the national migration policy is outlined.

Key words: media discourse, migrants, St. Petersburg, fake news

Темы репрезентации национального образа, самопрезентации [5], конструирования образа миграции и мигранта входят в научную повестку дня современного Евразийского пространства [1].

Субъективный аспект репрезентаций порождает озабоченность исследователей: «Построение имиджей становится основой интерпретационной модели, виртуализирует социальную и политическую реальность, создавая множество образов реальности. В результате наблюдается множественность субъективных интерпретаций и нарушение их объективизации» [1]. Фейковые новости, порождающие социальные мифы, становятся угрозой безопасности личности и общества [2, 3].

Двухлетнее исследование изображений мигрантов-мусульман в петербургских СМИ показало различные проецируемые изображения мигрантов-мусульман в зависимости от политики и качества издания.

С помощью автоматизированной системы мониторинга СМИ «Медиадиалогия» мы получили общий обзор публикаций СМИ, отобранных по популярности среди горожан, а также дифференцированных по та-

ким признакам, как учредитель, аудитория, качество. В поиске упоминались ключевые слова: «мигранты» и «мусульмане».

В выборке оказались федеральные издания, издающиеся в Санкт-Петербурге, и местные электронные издания:

Коммерсантъ # Санкт-Петербург,
Коммерсантъ Санкт-Петербург # Приложения
Комсомольская правда # Санкт-Петербург,
«Новая газета» (novayagazeta.spb.ru),
Российская газета # Санкт-Петербург (<https://rg.ru>),
Фонтанка (fontanka.ru), Санкт-Петербург.

Период мониторинга – с 5 мая 2016 г. по 26 мая 2017 г., 13 месяцев. Всего сообщений: 613. Среди них 603 оригинальных и 10 перепечатанных из других источников.

Новостные порталы города (помимо включенных в мониторинг) сообщали о преступлениях мусульманских мигрантов 5–8 раз в день. «Желтая» пресса также писала о правонарушениях мигрантов почти каждый день. Качественная и нейтральная пресса освещали данную тематику раз в месяц, что в 10 раз меньше «желтых» СМИ.

В рассматриваемый период о трех информационных поводах написали все издания. Эти всплески журналистской активности имеют политическое привнесение – дважды были спровоцированы властью, и один раз причиной стало локальное событие – теракт в Санкт-Петербурге – что, однако, также является результатом глобального политического процесса. В остальных случаях все публикации о мигрантах – это инициатива самих СМИ, тематика, образы, интенция материалов в которых существенно различаются.

Шведский исследователь СМИ Грегори Саймонс, изучающий структуру и интенции текстов, пишет, что «в историях людей больше интересуют смысл, а не факты» [4], смысл указывает на то, что имеет значение в нашей среде, в нашем окружении, среди тех людей, с которыми читатель идентифицируется. Важным представляется вывод Г. Саймонса, что целью истории является передача значения события в обществе и мобилизация деятельности целевой аудитории.

До 10 утраченных новостей в день в информационных новостных лентах «желтого» типа о правонарушениях мигрантов-мусульман, таким образом, могут отражать или создавать неприятие интеграции мигрантов, способствовать формированию отчужденности, страха, образа врага.

В 2017 г. более 80 процентов мигрантов в Санкт-Петербурге являются мусульманами из Средней Азии. Эффективность интеграции иммигрантов на национальном уровне зависит, помимо прочего, от двух факторов – от идентичности принимающего населения, с одной стороны, и от образа мигрантов, который формируется под влиянием этого самовосприятия – с другой стороны. В таких странах, как Канада, США, миграция стала частью национальной идентичности. В России же преобладает чувство глубокой связи с историей, культурой, языком. В Санкт-Петербурге также существует сильная местная идентичность жителя города, выжившего в блокаде Ленинграда, жителя культурной столицы России.

Старение и отрицательный рост населения, нехватка квалифицированного персонала в промышленности и сфере услуг – все эти факты являются свидетельством в пользу иммиграции. Однако общество на всех уровнях отвергает миграцию, согласно национальным опросам населения России. Иммиграция воспринимается скорее как угроза, чем польза. Преимущества иммиграции плохо понимаются и не рассматриваются в повестке дня СМИ. Средства массовой информации усугубляют ситуацию, сосредотачиваясь на негативных явлениях и практиках мигрантов, создавая образ врага, делая фейковые, фальшивые новости. Именно фейки подтверждают убеждения и иррациональные страхи аудитории.

Рассмотрим самые цитируемые новостные поводы, которые имеют черты фейка (дезинформацию, провокацию, двусмысленность) и реакцию на них аудитории: 1) «Обрезать всех русских женщин – призывает член президентского совета по религии»; 2) «24 мигранта задержаны на стадионе “Зенит-Арена”»; 3) «Теракт и человек с бородой».

Какие значения стоят за этими новостями?

Три основные новости за рассматриваемый год и ответ аудитории, выраженный в он-лайн дискуссиях и обсуждениях, связаны с темами дискриминации, миграции, межкультурной вражды, терроризма и являются актуальной политической повесткой дня.

1) Нападения (акт психологической агрессии) на российских женщин не способствуют сближению двух культур, а, скорее, поддерживают подозрения и недоверие к мусульманам. Антифеминистские настроения мусульман, транслируемые в средствах массовой информации, представляют собой ущемление прав равенства и свободы.

2) Существует двусмысленность и неопределенность в отношении рабочих мигрантов. Десятилетнее строительство стадиона «Зенит-

Арена» предполагало пропускной режим. Почему иммиграционная служба обнаруживает нарушения только в конце строительства? Выслали ли они рабочих из России? Заплатили ли они за работу мигрантам, несмотря на нарушения? Все СМИ осветили это событие, потому что это был рейд по указу президента? Эти и другие вопросы так и остались не проясненными в процессе освещения данного факта,

3) Первый подозреваемый в терактах в метро выглядел типичным исламом. Он был задержан несколько раз. Его взгляды, поведение и история обращения в ислам после службы в Чечне вызвали множество спекуляций и антиисламских настроений в сети.

Подводя итоги нашего анализа, следует отметить три основных паттерна отношения к мигрантам-мусульманам, выявленные в ходе анализа он-лайн откликов на самые цитируемые информационные поводы.

Во-первых, существует ожидание угрозы со стороны мусульман (наших местных российских мусульман могут завербовать в качестве террористов арабские мусульмане); во-вторых, есть дискурс издевательств, насмешек и критики другой культуры и других практик; в-третьих, существует большой процент высказываний и оценок в защиту прав и свобод мигрантов и мусульман, особенно люди пытаются защитить мусульманских женщин и их детей.

Подводя итог, обозначим назревшую необходимость в качественном и объективном информировании населения города о реализации национальной политики в области миграции.

Примечания

1. *Басина Е. С.* Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «Чужого» и проблема информационной объективности (2015) // URL: <https://www.hse.ru/data/2015/09/19/1075787718/%D0%91%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf> (дата обращения: 5.11. 2017).

2. *Виноградова С. М., Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.* Массмедиа в системе информационно-психологической безопасности. Раздел III. Гл. 3 // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность [Коллективная монография] / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. 300 с.

3. *Mielnik G. S.* Политическая мифология в медийном тексте // *Procesy integracyjne i dezintegracyjne na obszarze poradzieckim. Próba bilansu* [Коллективная монография]. / T. Ambroziak, A. Czwołek, S. Gajewski, M. Nowak-Paralusz (red.) Toruń (Poland). 2015. S. 381-391.

4. *Simons Greg* Rethinking Communication Within the Global War On Terrorism. (2016) // *Small World Journal*. 2016. July 6. URL: <http://smallworldjournal.com/jrnl/art/rethinking-communication-within-the-global-war-on-terrorism> (дата обращения: 05.11.2017).

5. *Sveshnikova N.* Features of representatives of Russian young generation's selfattitude *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 140 (2014). P. 493–498.

В. Д. Таказов, М. А. Красненков
Академия журналистики (Республика Крым)

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА: ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу становления и развития системы СМИ в Азербайджане в постсоветский период. Процесс перераспределения медиа оформляется законодательно, но он еще далек от завершения.

Ключевые слова: система СМИ, постсоветский период массмедиа, система распространения, закон, Азербайджан.

V. D. Takazov, M. A. Krasnenkov
Academy of Journalism (Republic of Crimea)

MODERN JOURNALISM IN AZERBAIJAN: FORMATION AND DEVELOPMENT

The article is devoted to the analysis of the formation and development of the media system in Azerbaijan in the post-Soviet period. The process of redistribution of media is legalized, but it is far from over.

Key words: media system, post-Soviet mass media period, distribution system, law, Azerbaijan.

Азербайджан (Азербайджанская Республика) – государство на побережье Каспийского моря, является крупнейшим государством Закавказья. Территория – 86 600 кв. км. По суше граничит с Россией, Грузией, Арменией, Турцией и Ираном. Столица – Баку. Другие крупнейшие города: Гянджа, Сумгаит, Мингечаур, Хырдалан и др.

По данным Государственного комитета статистики Азербайджана, постоянное население страны составило 9 млн 705 тыс. 600 человек в 2015 г. и 9 млн 872 тыс. 765 человек по состоянию на июль 2016 г.

[34]; таким образом, наблюдается некоторый естественный прирост. 5 млн 152 тыс. 400 человек (53,1 %) проживают в городах, 4 млн 835 тыс. 600 человек (46,9 %) – в сельской местности. 71 % населения страны – люди в возрасте от 15 до 64 лет [32]. Основные этнические группы: азербайджанцы (91,6 %), лезгины (2 %), русские (1,3 %), армяне (1,3 %), талыши (1,3 %) и др. Административно-территориальное деление: 66 районов (делятся на муниципалитеты) и 11 городов республиканского значения, а также анклав со статусом автономной республики (Нахичеванская Автономная Республика). Форма правления: президентская республика. Официальный язык – азербайджанский. Валюта – азербайджанский манат.

Система СМИ в республике в течение последних десятилетий неоднократно менялась кардинальным образом.

В истории постсоветской азербайджанской журналистики исследователи четко выделяют три этапа:

1) этап становления независимых СМИ (конец 1980-х – 1995 гг.), который был связан с периодом национально-освободительного движения;

2) бурное развитие массмедиа, появление новых СМИ, рост тиражей, увеличение рекламных доходов (с 1996 по 1998 г.);

3) этап борьбы за перераспределение медиарынка, сопровождаемый потрясениями, кризисами и борьбой за выживание независимых СМИ (с 1999 г. по настоящее время) [17].

Рассмотрим для начала рынок печатной прессы. Согласно данным Министерства юстиции, по состоянию на начало 2017 г. в Азербайджанской Республике было зарегистрировано свыше 5100 наименований средств массовой информации [5]. Для сравнения: в 2010 г. этот показатель составлял порядка 4 тыс. органов СМИ. Между тем в отрасли тогда де-факто функционировало лишь около 600 проектов (400 газет и журналов, восемь общереспубликанских каналов, 14 региональных, 13 кабельных, а также 50 электронных СМИ и около 20 информагентств) [24].

О том, что реальное количество СМИ отличается от заявленного в десятки раз, говорила и директор Института мира и демократии в Азербайджане Лейла Юнусова. По ее словам, по состоянию на 2007 г. власти рапортовали о наличии 3 тыс. зарегистрированных газет, в то время как реально издавалось не более 180–200. Среди «живущей» прессы 30–40 % рынка СМИ занимали ежедневные газеты. Причем более 95 % изданий, с точки зрения политического статуса, представ-

ляли собой проправительственные СМИ. Оппозиционные газеты распространялись в основном в Баку и Сумгайыте, констатировала Лейла Юнусова [23].

К слову, в республике действуют и зарубежные медиа; яркий тому пример – наличие представительств информационных агентств России: ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», «Интерфакс» [3]. Можно вспомнить газету «Заман», которая обладает и собственной типографией, что для республики является редкостью.

Маленькое количество реально издаваемой прессы во многом связано с проблемой поиска рекламодателей. Если в журнальном бизнесе, который качественно сегментирован, дела обстоят не так плохо, то многие газеты оказываются на грани выживания, и, как следствие, зачастую закрываются.

Между тем в Азербайджане весьма сложная система распространения прессы. По подписке реализуют лишь незначительную часть тиража, но это если речь идет об оппозиционных или независимых СМИ; в правительственных же изданиях по подписке сбывают около 80 % всего тиража. Приобрести прессу можно также у нескольких фирм, широко распространена и уличная торговля [17].

Рассмотрим подробнее телевидение и радио. Стоит сказать, что в последние два с лишним десятилетия количество теле- и радиоканалов в республике постоянно менялось. К примеру, страна совершила качественный скачок как по количеству телеканалов (от трех в 1990 г. до 23 в 2015 г.), так и по количеству радиоканалов (от двух в 1990 г. до 15 в 2015 г.). Но, как мы видим, общее их количество остается весьма и весьма скудным. При этом радио оказывается более популярным у населения, чем телевидение. Несколько иные тенденции наблюдаются в отношении теле- и радиостанций: в 1990 г. их насчитывалось 153, а в 2015 – 281; пик расцвета пришелся на 2005 г. (356 теле- и радиостанций). Таким образом, за последние 10 лет наметилась корректировка по данному показателю [33].

Обратимся теперь к законодательной базе. Сфера СМИ Азербайджана регламентирована законами, а также подзаконными актами. Важнейшими являются Конституция Азербайджанской Республики, а также законы «О средствах массовой информации» (1999), «О получении информации» (2005), «О телерадиовещании» (2002), «Об общественном телерадиовещании» (2005) и некоторые другие.

В первые годы после обретения независимости прессы Азербайджана пришлось работать в весьма непростых условиях. Одним из важных

событий стал принятый в 1994 г. закон «О военном положении», который значительно ограничил свободу СМИ (п. 2 ст. 11). Документом устанавливалось введение цензуры, внесение представлений в соответствующие органы о приостановлении деятельности СМИ, проверка продукции СМИ на территории введения военного положения, в зоне боевых действий, в прифронтовой полосе, а также предоставление представителям военной комендатуры и соответствующих государственных органов преимущественного права пользования массмедиа для нужд военного положения [10].

Кстати, цензура в стране присутствовала и до принятия этого закона. Еще в 1966 г. при Совете министров Азербайджана было создано Главное управление по охране государственных тайн в печати (Главлит), которое многое запрещало прессе под предлогом охраны гостайны. С 8 декабря 1993 г. по решению Национального собрания Азербайджана предварительной цензуре стали подвергаться все газеты страны. Примечательно, что единства по вопросу ограничения свободы слова в правительстве не было. К примеру, министр печати и информации Сабир Рустамханлы, который должен был следить за выполнением постановления, констатировал, что подобного рода решение «послужит интересам руководителей госаппарата, не восприимающих критику в свой адрес» [19].

Впрочем, и без введения цензуры сложностей у прессы было немало. К примеру, материально-техническое обеспечение большинства изданий находилось в крайне неудовлетворительном состоянии, а отрасль в целом испытывала острый кадровый голод, что также тормозило развитие свободы слова, мысли и информации.

В середине 90-х годов, с обеспечением общественно-политической стабильности, государство занялось определением стратегии устойчивого развития. Начались реформы, которые затронули и медийную отрасль.

Уже 6 августа 1998 г. президентом страны был подписан особый указ, который полностью упразднял цензуру [26] (документ ликвидировал Главлит). Как заметил впоследствии Председатель Совета по прессе Афлатун Амашов, «6 августа является знаменательным днем не только для СМИ, но и всего общества» [21], хотя Амашов и признал, что ликвидация в Азербайджане цензуры породила ряд других проблем, в частности, случаи рэкетирства в журналистике. Надо заметить, и по сей день проблема «журналистов-рэкетиров» существует в прессе Азербайджана. Только в 2016 г. на заседаниях Совета прессы

было рассмотрено свыше 300 вопросов, треть из которых была связана именно с вопросами рэкета в журналистике [4]. Между тем под рэкетирами порой понимаются те журналисты, чье мнение идет вразрез с общепринятым.

Конечно, одним из первых важных событий для СМИ и не только стало принятие 12 ноября 1995 г. Конституции, которая законодательно закрепила ключевые права и свободы для населения страны [15].

Так, в п. 1 ст. 47 данного документа говорится, что каждый обладает свободой мысли, а также слова. При этом принуждать кого-либо к выражению своих мыслей и убеждений (равно как и отказу от них) запрещается (п. 2 ст. 47). Наконец, п. 3 указанной статьи Конституции запрещает агитацию и пропаганду, которые возбуждали бы вражду и рознь между людьми по каким бы то ни было критериям.

В свою очередь, в п.1 ст. 50 Конституции говорится о том, что каждый обладает свободой законным путем искать, получать, передавать, производить и распространять любую информацию. Согласно п. 2 ст. 50 цензура в СМИ, в том числе и в печати, запрещается (при условии отсутствия нарушений общественного порядка и общественной нравственности), гарантируется свобода массовой информации. Наконец, в п.3 ст. 50 говорится о том, что каждый человек получает гарантию на право опровергать информацию, опубликованную в СМИ и нарушающую его права или наносящую ущерб его интересам, либо отвечать за нее [15].

К слову, в контексте 50-й статьи Конституции можно вспомнить и закон «О получении информации», целью которого стало определение «правовых основ закона о свободном, беспрепятственном получении информации на равных для всех условиях, в соответствии со статьей 50 Конституции Азербайджанской Республики, на основании принципов открытого общества и демократического правового государства, а также создание условий для контроля со стороны граждан за исполнением общественных функций» (ст. 1) [11].

В свою очередь закон «О СМИ» от декабря 1999 г. установил свободу массовой информации, которая «основывается на гарантировании государством права граждан на поиск, получение, подготовку, передачу, производство и распространение информации законным путем» (ст. 1) [12]. Между тем закон не разъясняет объем прав и обязанностей журналиста, что сближает его с аналогичным законом, принятым в Армении.

В ст. 3 закона сказано, что под СМИ понимаются «периодические печатные издания, телерадиопрограммы, информационные агент-

ства, Интернет, программы кинохроники и иные формы распространения» [12]. Таким образом, документ дает весьма расплывчатую формулировку, что особенно ярко прослеживается на примере Интернета. Очевидно, что далеко не любой сайт во всемирной сети будет являться средством массовой информации, однако, закон каких бы то ни было разграничений между ними не делает.

Согласно ст. 14 закона «О СМИ» учредителями средств массовой информации не могут выступать физические лица (осужденные по приговору суда или же недееспособные), а также юридические лица, которые не прошли государственную регистрацию или же деятельность которых оказалась под запретом, однако, в той же статье говорится, что для учреждения печатных органов не требуется разрешения государственных органов [12].

Бросается в глаза норма, по которой для признания печатного СМИ таковым оно должно выходить в свет не реже 12 раз в год (если речь идет о газете) или двух раз в год (журналы, сборники, бюллетени и др.), причем единовременный тираж должен составлять не менее 100 экземпляров [12].

Кстати, в отношении учреждения печатных СМИ можно вспомнить, что в 2007 г. приказом министра юстиции были утверждены приложения к «Правилам приема и учета обращений об учреждении печатных изданий», благодаря которым процедура включения таких изданий в реестр значительно упростилась. Так, в одном из докладов, подготовленных рабочей группой по универсальному периодическому обзору СПЧ в 2009 г., говорилось: «В целом около 3800, в том числе в 2002 г. – 255, в 2003 г. – 499, в 2004 г. – 420, в 2005 г. – 484, в 2006 г. – 424, в 2007 г. – 412, в течение девяти месяцев текущего года 210 печатных изданий были включены в реестр» [18].

Телерадиовещание в стране регулируют сразу несколько законов: «О телерадиовещании» (документ устанавливает правовые, экономические, организационные основы деятельности телевидения, а также радио), «Об общественном телерадиовещании» и «О телекоммуникациях». Надо заметить, вплоть до 2000-х годов в республике отсутствовали специальные правовые нормы, которые могли бы качественно регулировать деятельность телерадиокомпаний. Закон «О телерадиовещании», хотя и был воспринят общественностью в целом положительно, большой ясности в ситуацию со СМИ не внес.

Согласно документу деятельность вещателей может быть осуществлена на основе принципов и профессиональной, и творческой само-

стоятельности. Закон запрещал цензуру (ст. 2), а право учреждать телерадиокомпании предоставил широкому кругу лиц; появились понятия государственного, муниципального, общественного и частного вещателя (ст. 7–10). Причем, за рядом исключений, ни политические партии, ни религиозные организации учредителями таких компаний быть не могут (ст. 10). В свою очередь, одна вещательная организация вправе иметь до двух телевизионных и трех радиопрограмм (ст. 5). К слову, список антимонопольных ограничений весьма широк, он содержит не только этот пункт. В 2016 г. в закон внесли ряд изменений, касающихся борьбы с экстремизмом [13].

После вступления в силу закона «О телерадиовещании» появился и указ «Об утверждении Положения о Национальном совете телевидения и радио», который, как сказано в документе, создавался для регулирования деятельности телерадиовещания, защиты его самостоятельности и интересов общественности в ходе вещания, а также осуществления контроля за соблюдением законодательства о телерадиовещании [27].

Если же говорить об общественном теле- и радиовещании, можно вспомнить соответствующий закон, согласно которому общественная телерадиовещательная компания обеспечивается государством бессрочной и бесплатной лицензией, а также вещательной чистотой, причем компания такого типа имеет статус юридического лица, а форму и содержание передач определяет самостоятельно. Органом общественного вещания руководит Совет, избираемый парламентом республики [8].

Задумывалось государство и о поддержке СМИ. В частности, в 2005 г. 30 газетных редакций («Азадлыг», «Адалят», «Эхо», «Сяс», «Шарг», «Паритет», «Палитра» и др.) и информагентств (АССА-ИРАДА, Азадинформ, Азери-пресс, Тренд, Туран) получили финансовую помощь по 10 млн. манат каждая. В документе говорилось также о финансировании мероприятий, связанных со 135-летием азербайджанской национальной печати [22].

В июле 2008 г. Распоряжением Президента была утверждена Концепция государственной поддержки развитию средств массовой информации в Азербайджанской Республике. В документе шла речь о поддержке государством программ и проектов в ряде сфер. В их числе оказалось и «развитие свободы мысли, слов и информации, плюрализма» [16].

Еще одним важным документом можно назвать закон 1998 г. «Об информации, информатизации и защите информации» [9]. Стоит от-

метить, что после внесенных в него изменений ответственность, которая была предусмотрена для печатных массмедиа, стала относиться и к интернет-ресурсам [14].

К слову, о всемирной сети. Не так давно СМИ по всему миру широко обсуждали случай, когда после проведения Парада Победы на Красной площади 9 мая 2015 г. Министерство обороны Азербайджана постфактум удалило изображение флага Армении со снимка, сделанного во время мероприятия [28]. Можно вспомнить и случай ареста в 2009 г. блогеров Эмина Милли и Аднана Гаджизаде, которых впоследствии приговорили к 2 и 2,5 годам лишения свободы из-за сатирического видеоролика, в котором Гаджизаде, наряженный в костюм осла, оплевывал выгоды, которые получают в республике эти животные. Необоснованные обвинения привели к резкой реакции со стороны правозащитных организаций [1] и международного сообщества, в частности, блогеров защитил даже президент США Барак Обама [6]. В итоге Милли и Гаджизаде освободили в ноябре 2010 г. [20].

Таким образом, несмотря на законодательное отсутствие цензуры в Азербайджане, де-факто она существует, особенно когда речь касается острых политических и социальных вопросов. В этом же отношении можно вспомнить и введение с 2009 г. запрета на трансляцию любых иностранных радиостанций в FM-диапазоне.

Помимо данного ограничения в организации «Human Rights Watch» вспомнили и о конституционных поправках 2009 г., которые значительным образом ограничили возможности аудиозаписи, фото- и видеосъемки, намекнув тем самым на тот факт, что власти страны стали использовать вместо цензуры «не столь явные средства» [2].

В то же время в ежегодном отчете о свободе Интернета, подготовленном организацией «Freedom House», Азербайджан раз за разом упоминается с негативной коннотацией. В последнем документе, исследующем период с июня 2015 г. по май 2016 г., составители говорят об отключении доступа к Интернету в течение 13 дней в поселке Нардаран, который является «оплотом консервативного шиитского ислама в Азербайджане» после ожесточенных столкновений между жителями и полицией. Впрочем, подобный случай оказался далеко не единственным. В «Freedom House» вспомнили и расследование в отношении независимого интернет-СМИ Meydan TV за якобы преступные бизнес-практики и факт жестокого нападения на независимого журналиста и исполняющего обязанности председателя Института свободы и безопасности репортеров (ИСБР) Расима Алиева, который раз-

местил в Facebook пост с критикой футболиста (Алиев впоследствии скончался от полученных травм) [29].

В другом отчете, касающемся уже свободы прессы, “Freedom House” также говорит об Азербайджанской Республике в мрачных тонах. К примеру, в отчете за 2016 г. говорится, что все последние годы медиасреда в Азербайджане постоянно ухудшалась в результате государственной кампании по подавлению критики и инакомыслия. «Власти используют ложные обвинения и расследования, чтобы отправить в тюрьму известных журналистов, блогеров, и защитников свободы», – отмечают эксперты и в качестве примера вспоминают, как два видных журналиста – Хадиджа Исмаилова и Рауф Миркадыров – «были осуждены по ложному обвинению и приговорены к 7,5 годам и 6 годам тюрьмы соответственно» [30].

Вообще, говоря об Интернете, стоит обратить внимание на то, что в стране еще не так давно существовал ряд проблем, кардинальным образом сдерживавших развитие онлайн-медиа в государстве.

Так, на практике за доступ во всемирную сеть жители Азербайджана вынуждены были платить гораздо больше, нежели жители соседних России, Грузии или Турции. Причем скорость доступа в сеть была весьма низкой. Новые медиа испытывали помимо прочих проблемы с рекламным рынком, который по сей день все еще находится в зачаточном состоянии [17]. Хотя в последние годы ситуация начала меняться – наметились общие положительные тенденции. К примеру, согласно официальным данным, степень проникновения Интернета в стране составляет более 75 %, что на порядок выше многих соседей Азербайджана [31].

В стране задумались над интернет-этикой. Несколько лет назад в республике широко обсуждалась новость о том, что при Совете прессы будет создан консультационный совет с целью следить, насколько соблюдается журналистская этика на информационных интернет-порталах [7]. Это известие стало логическим продолжением разработки темы, касающейся этических норм: в 2010 г. тот же Совет прессы подготовил новый «Кодекс профессиональной этики журналистов Азербайджана» [25], который пришел на смену документу от 1999 г.

Таким образом, можно сделать вывод: СМИ Азербайджана за несколько десятилетий прошли большой путь становления и развития. Простым его назвать нельзя. Между тем количество медиа в республике растет, а страна постепенно пытается избавиться от рудиментов прошлого – от цензуры, нетерпимого отношения к некоторым темам. Очевидно, процесс этот еще далек от завершения.

Тем не менее, многие азербайджанские СМИ стараются развиваться, и особенно перспективной в данном отношении представляется интернет-журналистика.

Примечания

1. Азербайджан: арестованы двое активистов молодёжного движения // Amnesty International. 2009. 17 июля. URL: <http://amnesty.org.ru/node/32/> (дата обращения: 04.06.2017).

2. Азербайджан: журналисты подвергаются силовому давлению и судебному преследованию // Human Rights Watch. 2010. 26 окт. URL: <http://www.hrw.org/ru/news/2010/10/26/240908> (дата обращения: 05.06.2017).

3. Бахревский Е. В. 20 лет политических взаимоотношений России и Азербайджана: история и основные проблемы // Российско-азербайджанские отношения за 20 лет: история и перспективы. Баку: Рос. ин-т стратег. исслед.; Центр стратег. исслед., 2011. С. 26.

4. В Азербайджане журналисты-рэкетеры нашли новое поле для наживы // Sputnik. 2017. 1 марта. URL: <http://ru.sputnik.az/life/20170301/409177501/azerbajjan-jurnalisti-reketiri-borba.html> (дата обращения: 05.06.2017).

5. В Азербайджане 5100 зарегистрированных СМИ. 2017. 31 янв. URL: <http://haqqin.az/news/91464> (дата обращения: 30.06.2017).

6. Дружинин С. Обама заступился за азербайджанских блогеров // Деловой квартал. 2010. 27 сент. URL: <http://www.dk.ru/news/obama-zastupilsya-za-azerbajdzhanskix-blogerov-102141061> (дата обращения: 04.06.2017).

7. Журналистская этика на информационных интернет-порталах Азербайджана // Trend. 2011. 3 мая. URL: <http://www.trend.az/life/socium/1870652.html> (дата обращения: 07.06.2017)

8. Закон Азербайджанской Республики «Об общественном телерадиовещании» от 28 сентября 2004 года № 767-ІІQ (в редакции Законов Азербайджанской Республики от 03.03.2006 г. № 81-ІІІQD, 20.10.2006 г. № 167-ІІІQD, 10.04.2007 г. № 307-ІІІQD, 01.05.2007 г. № 324-ІІІQD, 07.12.2007 г. № 509-ІІІQD, 30.09.2009 г. № 886-ІІІQD, 21.12.2010 г. № 37-ІVQD, 29.06.2012 г. № 411-ІVQD, 03.04.2015 г. № 1246-ІVQD, 06.10.2015 г. № 1374-ІVQD) // Справочно-правовая система «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru/> (дата обращения: 02.11.2017).

9. Закон Азербайджанской Республики «Об информации, информатизации и защите информации» от 3 апреля 1998 года № 460-І (в редакции Законов Азербайджанской Республики от 15.04.2005 г. № 890-ІІQD, 20.10.2006 г. № 167-ІІІQD, 09.10.2007 г. № 429-ІІІQD, 30.12.2010 г. № 41-ІVQD, 16.10.2012 г. № 443-ІVQD) // Справочно-правовая система «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru/>.

10. Закон Азербайджанской Республики «О военном положении» от 6 января 1994 года № 779 // Справочно-правовая система «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru/>.

11. Закон Азербайджанской Республики «О получении информации» от 30 сентября 2005 года № 1024-ІІQ (в редакции Законов Азербайджанской Республики от 16.06.2007 г. № 389-ІІІQD, 12.02.2010 г. № 953-ІІІQD, 01.02.2010 г. № 951-ІІІQD,

30.12.2010 г. № 41-IVQD, 24.06.2011 г. № 178-IVQD, 20.04.2012 г. № 323-VI, 12.06.2012 г. № 384-IVQD, 16.12.2014 г. № 1140-IVQD, 20.10.2015 г. № 1398-IVQD, 14.06.2016 г. № 281-VQD) // Справочно-правовая система «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru/>.

12. Закон Азербайджанской Республики «О средствах массовой информации» № 769 (с поправками, внесенными по Постановлению Конституционного Суда от 12 июля 1999 года, Законами от 23 ноября 2001 года № 2, от 28 декабря 2001 года № 247) // Кавказский узел. 2012. 17 мая. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/8948/> (дата обращения: 29.05.2017).

13. В Азербайджане в связи с борьбой с экстремизмом внесены некоторые изменения в закон «О телерадиовещании» // Sputnik. 2016. 12 дек. URL: <http://ru.sputnik.az/azerbaijan/20161212/408057934/popravki-teleradioveshhanie-borbareligioznyj-jekstremizm.html> (дата обращения: 06.06.2017).

14. *Исабалаева И.* В Азербайджане интернет ресурсы тоже несут ответственность, предусмотренную для печатных средств массовой информации – депутат // Trend. 2017. 26 мая. URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/society/2759364.html> (дата обращения: 04.06.2017).

15. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (с изменениями от 24.08.2002, 18.03.2009 и 26.09.2016) [Текст] // Президент Азербайджана. URL: <http://ru.president.az/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 29.05.2017).

16. Концепция государственной поддержки развитию средств массовой информации в Азербайджанской Республике // Azərbaycan Prezidenti. 2008/ 31 iyul. URL: http://archive.president.az/articles.php?item_id=20080802102054293&sec_id=32 (дата обращения: 03.06.2017).

17. Медиа-ландшафт Азербайджана // Медиа-ландшафты стран Восточного партнерства. Ереван. Ереван. пресс-клуб, 2011. URL: <http://www.ijc.md/Publicatii/resurse/Media-Landscapes-ru.pdf>.

18. Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 15 А) приложения к Резолюции 5/1 Совета по правам человека. A/HRC/WG.6/4/AZE/1. URL: http://lib.ohchr.org/hrbodies/upr/documents/session4/az/a_hrc_wg6_4_aze_1_r.pdf (дата обращения: 03.06.2017).

19. *Камышев Д.* В Азербайджане введена военная цензура // Коммерсантъ. 1993. 9 дек. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/66819> (дата обращения: 30.05.2017).

20. Освобожден второй блоггер – Эмин Милли // Sputnik.. 2010. 19 ноября. URL: <https://ru.sputnik.az/life/20101119/43582233.html> (дата обращения: 04.06.2017).

21. После ликвидации в Азербайджане цензуры у государства не осталось механизмов давления на прессу – Афлатун Амашов // Trend. 2011. 6 авг. URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/society/1915025.html> (дата обращения: 04.06.2017).

22. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 21 июля 2005 года № 923 «Об оказании финансовой помощи средствам массовой информации» // Справочно-правовая система «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru/>.

23. Свобода слова и СМИ в Азербайджане // HDIM.NGO/398/07. 2007. 4 Окт. URL: <http://www.osce.org/ru/odih/27720?download=true> (дата обращения: 04.06.2017).

24. Совет прессы Азербайджана объявил «рэкетирами» семь газет и один журнал // Aze Az. 2010. 2010. 13 апр. URL: http://aze.az/news_sovet_pressyi_azerbaydzha_34687.html (дата обращения: 30.05.2017).

25. Совет прессы подготовил «Кодекс профессиональной этики журналистов Азербайджана» // Trend. 2010. 6 сент. URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/society/1746285.html> (дата обращения 07.06.2017).

26. Указ «О дополнительных мерах в области обеспечения свободы слова, мнения и информации в Азербайджанской Республике» от 6 августа 1998 года // Справочно-правовая система «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru/>.

27. Указ Президента Азербайджанской Республики от 5 октября 2002 года № 795 «Об утверждении Положения о Национальном совете телевидения и радио» (в редакции Указов Президента Азербайджанской Республики от 23.03.2005 г. № 215, 11.04.2005 г. № 220, 03.10.2008 г. № 829, 18.02.2009 г. № 65, 15.03.2010 г. № 238, 11.02.2015 г. № 456, 16.09.2015 г. № 606) // Справочно-правовая система «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru/>.

28. Azerbaijan defence site “removes” Armenia flag from parade photo // BBC News. 2015. 11 May. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-32698480> (дата обращения: 04.06.2017).

29. Freedom on the Net 2016: Azerbaijan // Freedom House. URL: <http://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/azerbaijan> (дата обращения 04.06.2017).

30. Freedom of the Press 2016: Azerbaijan // Freedom House. URL: <http://freedomhouse.org/report/freedom-press/2016/azerbaijan> (дата обращения: 06.06.2017).

31. Internet Usage in Asia // Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm> (дата обращения: 07.06.2017).

32. Population of Azerbaijan: stat. bul. 2016. URL: http://www.stat.gov.az/source/demography/ap/az/population_2016.zip (дата обращения: 29.05.2017).

33. Telecommunication and Post in Azerbaijan: stat. yearbook. 2016. URL: http://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/communication_2016.zip (дата обращения: 29.05.2017).

34. The World Factbook: Azerbaijan // Central Intelligence Agency. 2017. 19 July. URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html> (дата обращения: 29.05.2017).

С. И. Тастулекова

Казахский Национальный ун-т им. аль-Фараби

ЦИФРОВОЕ ВЕЩАНИЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье показано, что полное переключение на цифровое и отказ от аналогового вещания на евразийском пространстве связаны со сложным

переходным процессом, требуют изменения привычек аудитории, решения проблем финансирования и правового регулирования нового цифрового пространства в Евразии.

Ключевые слова: дигитализация, аудитория, цифровое пространство, вещание.

S. I. Tastulekova

Kazakh National University. al-Farabi

DIGITAL BROADCASTING IN THE EURASIA SPACE

The article shows that the complete switching to digital and the refusal of analog broadcasting are associated with a complex transitional process, requiring changes in the habits of the audience, solving the problems of financing and legal regulation of the new digital space in Eurasia.

Key words: digitalization, audience, digital space, broadcasting.

Эпоха цифрового вещания. Переход с аналогового на цифровое вещание сегодня является главной задачей в развитии технологий аудиовизуальных СМИ. Дигитализация – перевод содержания СМИ в цифровой формат – делает его в своем роде универсальным, позволяет преодолевать пространственные и временные ограничения традиционных СМИ. Переход на цифровое вещание также позволит использовать частоты более эффективно, сделает предложение телерадиокомпаний более разнообразным, обеспечит более высокое качество изображения и звука.

XXI в. называют эпохой цифровизации. Всемирная цифровизация телевидения, начавшаяся в 90-х годах XX в., шагнула и на территорию Казахстана. Уже в 2000 г. в нашей стране заговорили о переходе с аналогового вещания, как более устаревшего формата телевидения, на цифровой, более совершенный и экономически выгодный. Во все мире цифровой формат постепенно стал вытеснять аналоговый. Эпоха аналогового телевидения приблизилось к своему логическому завершению. Идея цифрового хранения информации начала витать в гениальных умах ученых еще в начале XX в. У истоков идеи цифровизации стоял Клод Элвуд Шеннон, американский инженер и математик, отец кибернетики и теории информации. Будучи еще молодым

инженером, он написал в 1948 г. «Великую хартию» информационной эры – «Математическую теорию связи». Клод Шеннон, чудака и фантазер, написавший теорию жонглирования, создавший первую радиоуправляемую игрушку в мире, и вместе с тем великий ученый, который изменил мир телевидения [8]. Цифровое телевидение неизбежно, как это было в 50-х годах XX в. с внедрением цветного телевидения. Меняется мир, совершенствуются технологии, гений человеческой мысли совершает головокружительные открытия.

Пройдут тысячелетия, прежде чем безумные фантазии древнегреческого философа Аристотеля обретут реальные черты. Гений мысли великого ученого древнего мира предвидел одно из самых великих творений человечества. Телевидение стало главным источником информации, позволяющим узнать, что происходит в мире, оказывающим весомое влияние на формирование представления о происходящем вокруг. Одна из самых фантастичных идей цивилизованного мира – создание телевидения стала не просто реальной, но и перешла в не менее фантастичное качество, совершив путь от механического телевидения, с полуразмытыми силуэтами на экране, до цифрового телевидения высокого качества.

За плечами телевидения – вековая история. Эволюция телевидения прошла этап от сканирующего диска немецкого ученого Пауля Нипкова, иконоскопа-приемной телевизионной трубки, Владимира Зворыкина, до цифровых технологий XXI в.

Телевидение крепко стоит на ногах, его уже не называют пасынком киноиндустрии или ответвлением радиовещания; его позиция как никогда крепка. Благодаря технологическим новшествам, телевидение превратилось из ремесла в искусство.

Являясь синтезом креативности и технологий, телевидение и видео стали главным проводником информации: развлекательные шоу, новости в прямом эфире, полный спектр политических мнений, первоклассные образовательные программы сегодня доступны широкой аудитории зрителей.

Мировые тенденции внедрения цифрового вещания. Обсуждения общеевропейской платформы для эфирного цифрового телевещания начались в 1991 г. Тогда же с этой целью было организовано сообщество, в которое вошли крупные заинтересованные игроки – телеведущие, операторы и разработчики аппаратуры. Сообщество поначалу не имело официального статуса и называлось European Launching Group (ELG) [3].

К 1993 г. был разработан Меморандум о развитии цифрового телевидения, и в сентябре того же года ELG было переименовано в Digital Video Broadcasting Project (DVB). Рабочие группы сообщества начали разработку стандартов для цифрового телевидения. Первым был разработан стандарт для спутникового телевидения – DVB-S. Он получил одобрение в 1994 г., и уже в 1995 г. первый оператор – Canal Plus – начал вещание в этом стандарте. В 1997 г. получил одобрение эфирный стандарт DVB-T. А первое вещание началось годом позже – в 1998 г., в Швеции и Великобритании. В Германии начали цифровое эфирное вещание несколько позже – в 2002 г., но уже в 2003 г. в Берлине – впервые в Европе – было отключено аналоговое телевидение.

Начиная с 1995 г. во всех странах мира началось активное внедрение цифрового спутникового и кабельного телевидения, и сейчас в мире используется более 30 миллионов цифровых приемников. С 1998 г. началась цифровая технологическая революция в сфере телерадиовещания и связи. В мире, начиная со «старой консервативной» Великобритании, началось внедрение новейших эффективных цифровых технологий стандарта DVB-T в эфирном (наземном) телерадиовещании. Активно продвигается DVB-T в других странах мира.

Модернизация сетей наземного эфирного вещания путем перехода на цифровые технологии – общая мировая тенденция. США можно отнести к странам, занимающим лидирующую позицию в переходе на цифровое эфирное телевидение. Отключение аналогового телевидения произошло в июне 2009 г. В Европе более 80 % стран запустили DVB-T вещание. К началу 2010 г. процесс отключения аналогового вещания был полностью завершён в Австрии, Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурге, Финляндии, Латвии, Германии, Швейцарии, Бельгии, Испании, Мальте, Словении, Швеции, Японии и Эстонии. Первыми европейскими странами, затеявшими переход на «цифру», стали Великобритания (1998) [4].

Когда цифровое телевидение прочно войдет в нашу жизнь, каналов станет больше. И проблема их наполнения еще более обострится. Ключевым фактором цифровой революции в телевидении станут вопросы управления контентом.

Клиент всегда хочет получить за те же деньги товар или услугу лучшего качества. Цифровые системы позволяют зрителю получить идеальные копии аудио- и видеопрограмм. Главное, что сейчас необходимо понять в медиаиндустрии – это то, что завтрашний рынок вещания будет коренным образом отличаться от сегодняшнего.

Если сегодня побеждает тот, кто доставляет программы максимальному количеству зрителей, то завтра выиграет тот, кто сумеет обеспечить адресную доставку конкретных программ конкретным зрителям. Фактически на рынке цифрового телевидения продают не новую аппаратуру и не новые услуги, здесь продают новый стиль жизни.

Важно отметить, что за более чем полувековое развитие ТВ-вещания произошли значительные его преобразования. Однако ни одно из них не может сравниться по значимости и воздействию на социальное и экономическое положение общества с цифровым интерактивным ТВ-вещанием. Последнее становится одной из важных информационных структур. Такой прорыв цифрового ТВ-вещания дал основание развить определение глобального информационного общества, считая, что его характерной чертой станет возможность передачи и получения информации в любой точке Земли, в любое время, в покое или движении, на любом языке при обеспечении экологической защиты потребителей и передаваемой ими информации.

Цифровое телевидение – это новый способ кодирования и передачи сигнала. Звук и картинка, полученные от телеканала, превращаются в биты информации и посылаются через спутник, эфир, телефонную линию или кабель. Потом с помощью цифрового сет-топ бокса этот сигнал раскодируется и снова превращается в изображение и звук. Причём вопрос качества сигнала снимается раз и навсегда: картинка либо есть, либо нет. А её качество всегда будет неизменно высоким.

Телевизионные цифровые каналы имеют намного большую пропускную способность, чем аналоговые. В каждом таком канале, а всего их окажется около десяти, в свою очередь, будет по восемь-десять программ. То есть, говоря языком привычных технологий, каждый зритель сможет спокойно выбирать из сотни программ.

Цифровое телевидение даст толчок для развития новых рынков услуг и новый виток маркетинговой борьбы каналов. Например, кроме увеличения количества программ, зрители получат возможность смотреть фильмы «под заказ», любимые передачи в удобное время, пользоваться высокоскоростным Интернетом, заказывать товар в электронных магазинах, не отходя от телевизора и т. д. И те, кто успеет лучше других подготовиться к переходу на цифру, выиграют не только в рейтингах, но и в деньгах.

Качественная передача изображения и звука – гораздо более четкое изображение, отсутствие шумов и помех, свойственных аналоговому телевидению. Возможность использовать различные форматы экрана

и изображения. Например, широкоэкранный формат 16:9 и Высокое Разрешение (так называемое телевидение высокой четкости HD – High Definition).

Большая экономия эфирного пространства: в спектре частоты одного аналогового телеканала можно при помощи одного цифрового передатчика (DVB-T) транслировать одновременно до 12 различных цифровых телеканалов и всевозможную дополнительную информацию и услуги (электронную программу передач (EPG), супертекст, Интернет, электронную почту, мультимедийные приложения, радио и т. п.) [7].

Переход на цифровое вещание – неизбежен. Кто-то хочет приблизить срок перехода, кто-то – желает отдалить. Но все понимают его необходимость. Наступает эпоха цифрового вещания.

Социальные аспекты перехода на цифровое вещание. Переход на «цифровое вещание» связан с обеспечением конституционного права граждан на информацию. Социальное значение перехода на «цифру» огромно. К тому же, общенациональный частотный ресурс для любой страны не менее важен, чем, скажем, нефтегазовый или золотовалютный, и распорядиться им надо для пользы страны и его народа. Во всем мире, первой и важнейшей задачей, решаемой с переходом на цифру, является ликвидация информационного неравенства между периферией и центром, между крупными городами и отдалёнными селами. Это неравенство называется в международных документах «цифровым разрывом». Цифровизация охватывает не только теле и радиовещание, но всю систему телекоммуникаций. И телекоммуникации, и телевещание очень важны для любой страны. Телевидение – источник общественно значимой информации, совершенно необходимый любому правительству, необходимый всем гражданам для принятия важных и осознанных решений для демократического самоуправления. Смотрит ТВ подавляющее большинство населения, а телекоммуникации предлагают полезные услуги и являются очень прибыльным и эффективным бизнесом.

Переход на цифровое вещание – это не только технический, а важнейший социальный, культурный, экономический и политический вопрос. В июне 2006 г. было подписано соглашение «Женева 2006», разработанное Международным союзом электросвязи (МСЭ). Согласно жевенскому соглашению отключение аналогового телевидения в Европе и части Центральной Азии произойдет не позднее 2015 г. Необходимость цифровизации вытекает из международных обязательств (практически все государства в мире входят в МСЭ),

но как организовать этот процесс в установленных параметрах, каждая страна определяет самостоятельно.

Самой первой страной в мире, отказавшейся от «аналога», стал Люксембург. Это произошло 1 сентября 2006 г., всего через пять месяцев после начала перехода страны на цифровое эфирное вещание. А одной из последних европейских стран, завершившей выключение аналогового эфирного телевидения, стала Италия. 4 июля этого года, последние службы аналогового вещания были отключены в городах Палермо и Мессина на Сицилии. На этом был завершён процесс, который начался в 2008 г. на острове Сардиния. Рекордсменами по самой длительной реализации программы цифровизации являются Испания – 10 лет и Великобритания – 13 лет.

США можно отнести к странам, занимающим лидирующую позицию в переходе на цифровое эфирное телевидение. Отключение аналогового телевидения произошло в июне 2009 г.

Несомненно одно – наш мир всё больше и больше оцифровывается. Страны, одна за другой, сообщают о намерении перейти с аналогового телерадиовещания на цифровое вещание. Одно справедливо для всех – рано или поздно цифровое вещание полностью заменит аналоговое во всём мире.

Цифровое телевидение стран СНГ. Азербайджан первым на пространстве СНГ в 2015 г. перешел на цифровое телевидение.

С 1 ноября 2016 г. в Республике Молдова началась трансляция цифрового эфирного телевидения. Уже 80 % населения могут принимать сигнал в цифровом качестве у себя дома.

Процесс перехода Армении на цифровое эфирное телевидение идет с 2009 г. Раньше сообщалось, что аналоговое телевидение в Армении будет отключено 1 января 2016 г. Но этого не произошло. По словам директора ЗАО «Телевизионная и радиовещательная сеть Армении», республика не готова предоставить приемные устройства нуждающимся. И поэтому было принято решение все праздники транслировать эфир в двух стандартах вещания.

Россия начала переход на цифровое вещание в 2009 г. Первоначальная версия Федеральной целевой программы (ФЦП) развития телерадиовещания предусматривала полное отключение аналога еще в 2015 г. Но в прошлом августе постановлением правительства этот срок был отодвинут на 2018 г.

На Украине наземное цифровое вещание в стандарте DVB-T (пакет из 10 телепрограмм) началось в тестовом режиме с сентября 2008 г. по

74 зоне одночастотного синхронного вещания в Одесской области (7 телевизионных передающих средств работающих на одном телевизионном канале), а с 16 марта 2009 г. постоянное вещание уже обеспечивалось по двум зонам одночастотного синхронного вещания Одесской области. С 1 апреля 2009 г. вещание осуществлялось в Киеве, Житомирской, Киевской и Одесской областях [9].

Украина переходит на цифровизацию 30 марта 2018 г. В 2015 г. страна перешла исключительно на цифровое вещание, но по состоянию на июнь осталось несколько аналоговых передатчиков, вещающих только в диапазонах частот 1-5 ТВК, не подпадающих под международные соглашения. С 4 января 2016 г. было полностью прекращено аналоговое телевизионное вещание, отключены последние аналоговые телепередатчики и завершён полный переход на цифровое вещание [9]. С 1 июня 2010 г. в Латвийский государственный центр радио и телевидения (LVRTC) эфирное вещание ведёт только в цифровом формате MPEG-4 (DVB-T2). В настоящий момент доступны 47 телеканалов, из них 3 – высокой чёткости.

30 октября 2012 г. Литва перешла полностью на цифровое вещание (формат MPEG-4), отключив аналоговые передатчики.

В Эстонии также есть цифровое ТВ, доступно ETV по всей стране [10].

Переход на цифровое вещание ведется в Таджикистане, Туркмении, в Киргизии, то есть практически повсеместно. Но в отличие от Европейских стран цифровизация еще не завершена.

Дискуссия. В основе – конвергенция media. Элдар Разроев, генеральный директор ОАО «Система Масс-медиа», признавая безусловную важность таких параметров, как качество сигнала и количество каналов, уверен, что ключевым фактором перехода на цифру все-таки является нечто другое. «Сейчас такое конвергентное время, когда различные media фактически сливаются, – пояснил Э. Разроев свою позицию. – Соответственно, нельзя говорить о телевизионной среде – наверное, нужно говорить о медийной среде. Вот эта миграция на цифру позволяет, во-первых, достичь слияния всевозможного контента; во-вторых, сделать эту медийную среду интерактивной; и, в-третьих, обеспечить персонализацию (что особенно важно), когда пользователь смотрит что хочет и когда хочет. В кабельной среде переход на цифру предполагает достижение этих трех целей. В эфирном вещании это невозможно по определению – там ключевым фактором является, наверное, качество доставки сигнала и большее количество каналов. Мы идем разными путями и к разным целям» [5].

В основе – право на доступ к информации и... к зрителю. Такую позицию озвучила Елена Злотникова, вице-президент Национальной ассоциации телерадиовещателей и заместитель генерального директора ОАО «ТВ Центр»: «Я думаю, что основной целью цифровизации является выравнивание возможностей доступа к информации для населения. Переход на цифру в эфире приведет к увеличению ресурса и возможности предоставления населению и в удаленных районах гораздо большего пакета программ – того самого, который сейчас имеют жители больших городов. А это во многом и выравнивание возможностей для участников медиарынка прийти к населению» [5].

Цифровое телевидение Казахстана. Вопрос о переходе на цифровое телерадиовещание в Казахстане обсуждается с начала 2000-х гг. Данное новшество, бесспорно, изменит качество предоставляемых информационных услуг и создаст конкурентоспособность отечественного телевидения. 4 – 5 февраля 2010 г. в Астане в рамках международной конференции на тему «Внедрение и развитие перспективных технологий радиосвязи и цифрового вещания-основа дальнейшего развития телекоммуникационного рынка Казахстана» были обсуждены пути и возможности и сама необходимость перехода телерадиовещания на цифровой формат» [6].

Преимущества цифрового телевидения:

- Равноправный гарантированный доступ населения к информационным ресурсам.
- Предоставление качественно новых возможностей развития информационного пространства Республики Казахстан.
- Значительное увеличение количества транслируемых программ.
- Возможность приема программ регионального вещания на всей территории региона.
- Повышение эффективности использования радиочастотного ресурса.
- Высвобождение частотного ресурса для дальнейшего развития информационного пространства (частотный дивиденд).
- Повышение качества приема телевизионного сигнала стандартной четкости (SD) на простую антенну.
- Возможность организации телевидения высокой четкости (HD) и других перспективных технологий телевидения.
- Возможность организации полилингвистического (многоязычного) вещания и стереофонического (объемного) звукового сопровождения.

- Возможность передачи в едином цифровом потоке ТВ программ и дополнительных данных.
- Высокая скорость развертывания сети цифрового вещания со сравнительно низкой стоимостью распространения одного телевизионного канала.
- Возможность предоставления набора дополнительных услуг: справочной и социально значимой информации, рекламы, телешопинга, адресно-ориентированных передач и т. п.
- Возможность введения интерактивных услуг.

3 июля 2012 г. в Республике Казахстан с участием Главы государства Н. А. Назарбаева введена в эксплуатацию национальная эфирная цифровая сеть телевидения (ЭЦТВ), обеспечивающая трансляцию телеканалов в цифровом формате DVB-T2, MPEG-4. Церемония запуска состоялась в Медиа-Центре г. Астаны. Главный Центр управления и мониторинга сети ЭЦТВ организован в г. Алматы на телебашне «Кок-Тобе». В ходе республиканского телемоста Глава государства запустил систему эфирного цифрового телевидения. «Внедрение цифрового телевидения в Казахстане – это один из пунктов форсированной индустриализации нашей страны. К нам пришла новая техника, новая технология. Это повышает качество. И, наконец, вся территория Казахстана будет принимать сигналы национальных телевизионных каналов», – сказал тогда Нурсултан Назарбаев. В тот день цифровое телевидение появилось в 370 населенных пунктах [1]. «Наконец-то вся территория Казахстана будет теперь принимать сигналы национальных телевизионных каналов. Это важнейшее событие в нашей новейшей истории. Я всех поздравляю с этим событием», – обратился к казахстанцам Глава государства. С запуском цифрового телевидения европейского формата Президента страны из Женевы поздравил председатель Международного союза электросвязи Хамадун Турэ [1].

На сегодняшний день жители Алматы и Астаны, всех областных центров и пригородов уже получили доступ к просмотру цифрового эфирного телевидения. Полная цифровизация проведена в Мангистауской области. Данный регион – пилотный и именно он станет первым, где планируется полное отключение аналогового вещания. Процесс отключения аналогового вещания будет поэтапным и с обязательным уведомлением жителей. При этом отключение аналогового вещания осуществляется на основании решения Правительства страны.

В настоящее время для казахстанцев доступны услуги цифрового спутникового телерадиовещания «ОТАУ TV». Особенно актуально это для жителей сельской местности или владельцев частных домов.

Мы живем в век современных технологий, и переход к «цифре» это веление времени.

Примечания

1. В Казахстане запустили цифровое эфирное телевидение в 370 населенных пунктах 2012. 3 июля // Tengry. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstane-zapustili-tsifrovoe-efirnoe-televidenie-370-216791/ (дата обращения: 8.11.2017).

2. Колюбакин В. Развитие цифрового эфирного телевидения // Журнал Теле-спутник о цифровом телевидении. URL: <http://old.telesputnik.ru/archive/133/article/58.html/> (дата обращения: 8.11.2017).

3. Мадаминов Турсунали. Переход на цифровое вещание: Проблемы и пути их решения. URL: <http://medialaw.asia/boo> (дата обращения: 08.11.2017).

4. Мировая история ЦЭТВ // ТВ Ростовской области. URL: <http://telecom61.ru/mirovaya-istoriya-cetv/> (дата обращения: 08.11.2017).

5. Павлова Л. Зачем нужно цифровое телевидение? ИКС медиа. Все о Телекоме, ИТ, Медиа. 2008. 3 марта. URL: <http://www.iksmidia.ru/articles/551156-Zachem-nuzhno-cifrovoe-televidenie.html/>

6. Переход на цифровое вещание: Проблемы и пути их решения <http://medialaw.asia/book/export/html/3116/>

7. Право и СМИ Центральной Азии <http://medialaw.asia> (дата обращения: 08.11.2017).

8. Столетие Шеннона. URL: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/2459888.html> (дата обращения: 10.10.2017).

9. Украинское телевидение готовится стать полностью цифровым к 2015 году. URL: <http://newsukraine.com.ua/news/199402-ukrainskoe-televidenie-gotovitsya-stat-polnostyu-cifrovym-k-2015-godu> (дата обращения: 11.10.2017).

10. Цифровое эфирное вещание в странах Прибалтики // Теле-спутник. Меле-мульти. Медиа. URL: <http://www.telesputnik.ru/forum/viewtopic.php?t=44788&p=1218694/> (дата обращения 11.10.2017).

З. Ф. Хубецова

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС И ШОС В МЕДИАСФЕРЕ: ОЦЕНКИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье представлены результаты дискуссий молодых исследователей по проблемам и перспективам сотрудничества стран ЕАЭС и ШОС в

информационной сфере. Постоянной информационной площадкой для проведения дискуссий является секция на ежегодной студенческой научной конференции Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ «Медиа в современном мире. Молодые исследователи». В ходе дискуссий выявляются факторы, способствующие или препятствующие установлению доверительного отношения населения стран-партнеров к интеграционному процессу.

Ключевые слова: журналистика стран СНГ, медиапространство стран ШОС, сотрудничество в сфере массовой информации, Евразийская интеграция.

Z. F. Khubetsova

Saint Petersburg State University

PRACTIC AND PERSPECTIVES OF THE COOPERATION
OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND SCO
IN THE MEDIA SPHERE:
EVALUATION OF YOUNG RESEARCHERS

The article presents the results of discussions of young researchers on the problems and prospects of cooperation between the EEA and SCO countries in the information sphere. A permanent information platform for discussions is the section at the annual student scientific conference of the Institute «Higher School of Journalism and Mass Communications» of St. Petersburg State University «Media in the modern world. Young researchers». In the course of discussions, factors that contribute to or impede the establishment of a trusting attitude of the population of the partner countries to the integration process are identified.

Key word: journalism of the CIS countries, the media space of the SCO countries, cooperation in the field of mass information, Eurasian integration.

Вот уже несколько лет автор данных строк занимается разработкой вопросов развития информационного пространства Евразии с использованием разных форм научно-исследовательской работы (участвует с докладами на научных конференциях, публикует научные статьи и занимается организацией научных мероприятий по соответствующей исследовательской проблематике). На научных результатах, полученных им в ходе проведения публичных дискуссий по проблемам и перспективам сотрудничества стран ЕАЭС и ШОС в медиасфере, и будет

сосредоточено внимание в данной статье. Речь идет о специальной секции на ежегодной студенческой научной конференции Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ «Медиа в современном мире. Молодые исследователи».

Менее чем через год с момента создания Евразийского экономического союза было проведено первое дискуссионное мероприятие под названием «Медиапространство евразийского союза: стратегии развития» (март 2015 г.), на котором молодым исследователям из разных стран было предложено обсудить, насколько значима роль журналистики в формировании единого культурно-экономического и информационного пространства государств-участников союза; оказывают ли массмедиа реальное влияние на интеграционные процессы; нужны ли ЕАЭС союзные (наднациональные) СМИ и единое медиапространство; какие принципы должны быть заложены в основу согласованной политики в сфере массовой коммуникации. Участниками секции был поднят ряд проблем, которые зачастую считаются в академических кругах «неудобными» и редко затрагиваются. Так, в выступлении М. Румянцевой (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия) была актуализирована тема гуманизации контента медиапространства Евразийского союза как целенаправленной работы «по повышению уровня доверия аудитории к производимому в медийном поле контенту» [5, с. 300]. Факторами, препятствующими установлению доверительного отношения населения стран-партнеров к интеграционному процессу, по мнению исследователя, является доминирование в информационном пространстве России негативного стереотипа: «Россия – лидер в интеграции, остальные страны – на иждивении» [5, с. 300]; ориентация на интересы политических и экономических элит как получателей массовой информации и практически полное игнорирование «среднего медиапотребителя»; доминирование политической и деловой информации при минимальном интересе к личным историям рядовых граждан ЕАЭС.

Еще один неоднозначный аспект интеграционного процесса осветила А. Кагарманова (Международный университет информационных технологий, Алматы, Казахстан). По мнению казахстанского молодого исследователя, российские СМИ играют настолько значимую роль в формировании информационного пространства других стран-участниц ЕАЭС, что могут даже восприниматься как угроза национальной безопасности или фактор ценностного раскола в обществе – именно это произошло в Казахстане в 2014 г. «в связи с событиями

в Украине» [3, с. 295]. Также неоднозначны экономические последствия трансграничного взаимодействия российских и казахстанских массмедиа. Наиболее остро это ощущается с сегменте телевидения: «очевидно, что российское телевидение составляет серьезную конкуренцию национальным (казахстанским – З. Х.) СМИ» [3, с. 295].

Из значимых научных результатов первого заседания секции можно также выделить итоговую резолюцию, в которой участники предложили в будущем привлечь к дискуссии молодых исследователей всех заинтересованных в процессах евразийской интеграции государств.

Пожелание о расширении географии научного мероприятия было реализовано к следующему году. В 2016 г. на секцию «Массмедиа Евразийского союза: развитие гуманитарных контактов» были заявлены исследователи не только из государств-участников ЕАЭС, но и ШОС, в первую очередь из КНР. Доклады, посвященные сотрудничеству стран ЕАЭС и ШОС в медиасфере, были сгруппированы в специальный тематический блок. Самым информативным в этом блоке стало выступление Ван Вэйся (СПбГУ, Россия), которая рассказала об уникальном проекте «Время Евразии» шестого международного телеканала Центрального телевидения Китая ССТV–Русский. Проект, впервые вышедший в эфир 10 января 2014 г., создается в партнерстве с девятью медиаорганизациями из Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России. По оценкам Ван Вэйся, программа «Время Евразии» помогает зрителям телеканала ССТV–Русский воссоздать «полную картину происходящего на континенте» [2, с. 416], а также способствует налаживанию доверительных отношений между гражданами стран ШОС и ЕАЭС.

Еще один ключевой доклад был сделан участником из Казахстана Т. Карпыковым (Костанайский государственный университет). Оказалось, что сложности, с которыми сталкиваются СМИ в процессе денационализации (а именно о новой волне разгосударствления, с которой столкнулись региональные и местные медиаорганизации РК, шла речь в выступлении), близки и понятны всей аудитории — развитие национальных медиасистем всех стран ЕАЭС определяется одними и теми же закономерностями.

По традиции заседание секции завершилось составлением итогового резюме. Участники высказались за дальнейшее укрепление профессиональных контактов не только между журналистами-практиками стран ЕАЭС и ШОС, но и исследователями журналистики, а также за создание системы повышения квалификации для журналистов, специализирующихся на интеграционной проблематике.

Третье заседание секции «Массмедиа стран ЕАЭС и ШОС: стратегии развития» (март 2017 г.) было посвящено особенностям развития медиасфер стран Евразии в условиях подготовки соглашения о континентальном партнерстве. Впервые в конференции приняли участие молодые исследователи из Беларуси, что позволило расширить границы исследовательского дискурса евразийской интеграции. О белорусском опыте создания союзного медиапроекта (на примере приложения «Союз — Евразия», издаваемого республиканской газетой «Звезда») рассказала Н. Анисович (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь). Доклад содержал не только интересный фактологический материал, но и был заострен на двух концептуальных аспектах информационного сотрудничества в условиях евразийской интеграции. Так, по мнению А. Анисович, «большинство населения ЕАЭС не используют имеющиеся возможности многостороннего сотрудничества и даже не всегда знают о них. И в первую очередь это проблема распространения объективной и полной информации о Союзе» [1, с. 561]. Сложившаяся в настоящее время практика систематического освещения интеграционной проблематики преимущественно российскими СМИ породила проблему информационного дисбаланса, решением которой могло бы стать создание единого СМИ, «которое бы имело специальных корреспондентов в каждом государстве-члене ЕАЭС и стремилось к объективному и всеобъемлющему освещению тематики сотрудничества» [1, с. 562].

Примечательно то, как молодые исследователи из стран ШОС и ЕАЭС оценили итоги развития наднациональных и/или национальных медиасистем в 2016 г.

По ощущениям белорусских исследователей, самым значительным изменением медиасферы стало значительное «потепление» отношения зарубежных журналистов к Республике Беларусь после снятия со страны экономических санкций.

Для Казахстана самым ощутимым явлением стала угроза политической стабильности государства, связанная с использованием технологий конструирования негативной информационной реальности.

Россия и Китай, по оценкам молодых исследователей, за прошедший год интенсифицировали информационный обмен и углубили сотрудничество на уровне журналистских сообществ. Участниками дискуссии были возложены большие надежды на мероприятия, запланированные на перекрестные годы сотрудничества России и Китая в области СМИ.

Таким образом, трехлетняя работа по организации научных дискуссий, посвященных исследованию современного состояния и перспективам развития сотрудничества стран ЕАЭС и ШОС в медиасфере, позволяет сделать ряд основанных на результатах рефлексии молодых исследователей журналистики выводов, значимых для качественного роста интеграционного медиадискурса.

Во-первых, страны ЕАЭС и ШОС постепенно наращивают сотрудничество в информационной сфере путем создания партнерских проектов (подобно программе «Время Евразии» телеканала «ССТV-Русский»). Работа по развитию инфраструктуры наднациональных массмедиа только начата. И можно в ближайшем будущем ожидать появления крупных международных медиаорганизаций, полностью ориентированных на проблематику евразийской интеграции. Запуск 1 ноября 2017 г. русскоязычного телеканала с китайскими субтитрами «Катюша», организованного совместными усилиями Первого канала и дочерней структуры Центрального телевидения Китая СTV-Satellite TV Program, Co., Ltd., – это первый, но не последний инфраструктурный прорыв в данной области.

Во-вторых, предстоит адаптировать производимый для жителей ЕАЭС и ШОС медиаконтент под потребности разных групп целевых аудиторий. С политических и экономических элит фокус внимания должен быть смещен в сторону рядового жителя государств Евразии. Политическая и экономическая информация не должны доминировать над информацией о повседневном бытии человека.

В-третьих, необходимо выработать баланс национальных и наднациональных интересов в процессе обмена массовой информацией.

В-четвертых, требуется серьезная работа по нивелировке негативных имиджевых стереотипов стран-участниц евразийского интеграционного процесса (о важности преодоления стереотипа «китайской угрозы» заявляли многие китайские участники дискуссий).

В-пятых, налаживание профессиональных контактов в среде журналистов-практиков и исследователей журналистики Евразии может стать важным фактором оптимизации процессов массово-информационного и академического обмена.

Примечания

1. *Анисович Н. А.* Интегрирующий фактор СМИ (на примере приложения «Союз – Евразия») // Медиа в современном мире. Молодые исследователи : материалы 16-й междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (15–17 марта

2017 года) / под ред. А. С. Смоляровой; сост. А. Н. Марченко. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2017. С. 561–563.

2. Ван В. Сотрудничество Китая и России в сфере массовой коммуникации // Медиа в современном мире. Молодые исследователи : материалы 15-й междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (9–11 марта 2016 года) / под ред. М. А. Бережной; сост. А. Н. Марченко. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2016. С. 415-417.

3. Кагарманова А. Т. Роль российских СМИ в формировании информационного пространства стран-участников Евразийского союза (на примере Казахстана) // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: материалы 14-й междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (11–13 марта 2015 года) / под ред. М. А. Бережной; сост. А. Н. Марченко. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. С. 295-298.

4. Мельник Г. С. Концепции евразийства в современной теории политической психологии и практике массовой коммуникации // Научн. труды Сев.-Зап. ин-та управления РАНХиГС Т. 6. Вып. 1 (18). СПб.: РАНХиГС, 2015. С. 68–75.

5. Румянцева М. А. Гуманизация контента в медиaprостранстве Евразийского союза как способ повышения доверия к проекту // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: материалы 14-й междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (11–13 марта 2015 года) / под ред. М. А. Бережной; сост. А. Н. Марченко. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. С. 300-302.

И. А. Щербо

Санкт-Петербургский ин-т внешнеэкономических связей, экономики и права

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДА И КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье анализируется коммуникационный потенциал социальных сетей как среды и инструмента интеграционных процессов. На основании результатов мониторинга социальных сетей «Вконтакте» и «Одноклассники» делается вывод об их слабом использовании для продвижения идей евразийства и необходимости изменения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: социальные сети, интеграция, сообщество, группа, евразийство.

I. A. Shcherbo

Saint-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law

SOCIAL NETWORKS AS A FIELD AND INSTRUMENT OF INTEGRATION PROCESSES

The article analyzes the communication potential of social networks as a field and instrument integration processes. Based on the results of monitoring of social networks “Vkontakte” and “Odnoklassniki” a conclusion on their weak use for promoting the ideas of Eurasianism and the need to change the current situation.

Key words: social network, integration, public, group, Eurasians.

В современном мире социальные медиа в целом и социальные сети в частности играют важную роль и как среда и как инструмент реализации коммуникационных процессов, формируя информационное пространство по значимым общественно-политическим и социально-экономическим проблемам и вопросам.

В целях исследования коммуникационных возможностей социальных сетей для продвижения идей евразийства был проведен сравнительный анализ результатов мониторинга двух популярных социальных сетей, «Vkontakte» и «Одноклассники» на 1 ноября 2017 г.

В социальной сети «Vkontakte» по поисковому запросу «интеграция» было найдено 270 сообществ, отражающих различные трактовки искомого понятия. Полученные результаты условно можно разделить на три группы: 1) сообщества, посвященные техническим аспектам, и в этом случае понятие «интеграция» трактуется как процесс соединения каких-либо элементов, программ и технологий, например, сообщество «Интеграция с Twitter» (6037 участников); 2) сообщества, в которых обсуждаются психологические характеристики жизни человека, и в этом случае «интеграция» понимается как соединение различных сторон человека в гармоничную личность или вхождение в полноценную жизнь в обществе лиц с физическими или психическими нарушениями, например, сообщество «Психология/Селф-интеграция/Тренинги» (5284 участника); 3) сообщества, в рамках которых «интеграция» рассматривается как процесс политического объединения различных образований как на региональном, так и на национальном уровне, в том числе и на евразийском пространстве.

Проблематика евразийской интеграции представлена в пяти сообществах, и только одно относится к России. Самыми масштабными по количеству участников являются сообщества «Евразийская интеграция Кыргызстана» [1] и «Таджикистан за евразийскую интеграцию» [5], 2281 и 2298 человек соответственно. Оба сообщества имеют схожую структуру: опрос на тему евразийской интеграции (сопостави-

мые результаты, 65,4 % и 64,4 % за вариант «это правильный шаг»), 2–3 темы обсуждений, прежде всего дискуссия по поводу аргументов «за» и «против». К сожалению, анализ материалов сообществ выявил проблему актуальности представленной информации, самый свежий пост датируется мартом 2014 г., не намного лучше обстоит ситуация и в обсуждениях.

Сообщество, представляющее дискуссию по вопросам евразийской интеграции в рамках российского информационного пространства, «Интеграция России» насчитывает всего 189 человек и подтверждает проблему актуальности размещаемой информации, последний пост датируется декабрем 2013 г. [3].

В социальной сети «Одноклассники» по поисковому запросу «интеграция» было найдено 342 группы. Полученные данные позволяют построить классификацию групп, которая во многом повторяет результаты по социальной сети «Вконтакте» и отражает технический, психологический, собственно политический евразийский аспекты понятия «интеграция». Особенностью социальной сети «Одноклассники» является присутствие групп, отражающих жизнь выходцев из республик с постсоветского пространства в странах Западной Европы и их интеграцию в новую систему ценностей, новую культурную среду, вхождение в новый общественный уклад, например, группа «Integrationswerk Deutsche aus Russland e.V Leipzig» (229 участников).

Дискурс по различным вопросам формирования Евразийского пространства и продвижения идей евразийства представлен в шести группах. Самой многочисленной является группа «Молдова с Россией! Молдова в Таможенном Союзе» и насчитывает 176 человек. Девиз сообщества гласит: «Эта группа поддержки интеграции Молдовы в Таможенный Союз. Группа, которой не безразличен миллион наших соотечественников за рубежом. Группа, которая не хочет вражды с Россией». Дискуссии в группе отражают актуальные проблемы в политической, экономической и социальной жизни Молдовы. Свежий пост от 1 ноября 2017 г. рассказывает о проблемах со статусом молдавского языка и решении Конституционного суда Молдовы по данному вопросу [4].

Таджикистан в социальной сети «Одноклассники» представлен группой «Евразийское развитие» (20 участников). «Евразийское развитие» – это группа, интегрированная с сайтом и созданная по инициативе Центрально-Азиатского экспертного клуба в рамках одноименной программы. Цель программы в рамках общественной инициативы –

сделать евразийское развитие главной повесткой в международных отношениях в Центральной Азии.

Партнерами Клуба по реализации программы в России являются Институт демографии, миграции и регионального развития и международное общественное «Движение развития», в республике Беларусь – экспертно-аналитическое сообщество «Белорусская группа развития». Участники программы рассматривают процесс евразийского развития как главную цель евразийской интеграции, посредством взаимного улучшения экономического потенциала ее участников, повышения уровня и качества жизни евразийских народов, укрепления мира и безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Программа евразийского развития реализуется через создание, продвижение и внедрение совместных проектов как в индустриальной области, сфере аграрного производства, развития социально-экономической инфраструктуры, так и в социогуманитарных областях [7]. Актуальный пост датируется 9 февраля 2015 г., что ставит вопрос об интересе к данной проблематике в настоящее время.

Группа «Деловая Евразия» (9 участников) является дискуссионной площадкой и связана с деловыми кругами республики Кыргызстан. Главный акцент сделан на экономическое развитие на евразийском пространстве, что подтверждается размещением актуальной информации, сообщающей последние новости сферы бизнеса. В посте от 25 октября 2017 г. представлено интервью Тиграна Саркисяна журналисту Самюэлю Рамани, представляющему журнал «The Diplomat» о деятельности ЕАЭС [2].

Российский сегмент социальной сети по вопросам евразийской интеграции представлен группой «Евразийская интеграция» (40 участников), связанной с деятельностью одноименной автономной некоммерческой организации. Основным направлением информационной политики группы является освещение мероприятий, проводимых АНО «Евразийская интеграция» на территории постсоветского пространства (отчет о строительстве школы в городе Рыбницы в Приднестровской республике от 8 сентября 2017 г.) [6].

Результаты сравнительного анализа сообществ в социальных сетях «Вконтакте» и «Одноклассники», найденных в рамках поискового запроса – «интеграция», свидетельствуют о слабом использовании их информационно-коммуникационного потенциала и в количественном (число участников), и в качественном выражении (актуальность размещаемой информации) как среды и инструмента продвижения идей

евразийства. Учитывая популярность социальных сетей, целесообразно осуществлять информационную политику и проводить коммуникационные кампании с более широким их привлечением для формирования единого информационного евразийского пространства.

Примечания

1. «Евразийская интеграция Кыргызстана». URL: <https://vk.com/club64611661>.
2. «Евразия». Аналитический портал «Деловая Евразия». URL: <http://www.dea.kg/1/evraziya> (дата обращения 22.10.2017).
3. «Интеграция России». URL: <https://vk.com/club39356> (дата обращения: 23.11.2017).
4. «Молдова с Россией! Молдова в таможенном союзе!» URL: <https://ok.ru/group/53400985665766> (дата обращения: 07.11.2017).
5. «Таджикистан за евразийскую интеграцию». <https://vk.com/club64619583>
6. АНО «Евразийская интеграция». URL: <https://ok.ru/anoyei> (дата обращения 22.10.2017).
7. О программе «Евразийское развитие». URL: <http://eurazvitiye.org/o-programme> (дата обращения: 23.11.2017).

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ И МЕДИАКУЛЬТУРА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С. А. Ахметова, Ф. Ф. Ишкинеева

Казанский (Приволжский) федерал. ун-т

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

В условиях интенсификации международных интеграционных процессов актуализируется проблема владения языком обучения иностранных студентов в российском вузе. В статье анализируются языковые практики различных групп иностранных учащихся в поликультурном университетском сообществе. Степень владения русским языком, адаптация к культуре страны пребывания определяют возможность получения востребованного конкурентоспособного образования.

Ключевые слова. Иностранные учащиеся, интеграционные процессы, языковые практики, университетское сообщество.

S. A. Akhmetova, F. F. Ishkineeva

Kazan (Privolzhsky) federal university

LANGUAGE PRACTICES OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-06-01064 «Воспроизводство социального и физического здоровья студенчества в институциональной среде вуза»).

In the context of the intensification of international integration processes actualized the problem of ownership of foreign students learning Russian language in high school. The article analyzes the language practices of various groups of foreign students in a multicultural university community.

The degree of knowledge of the Russian language, adapting to the culture of the host country determines the possibility of obtaining sought after competitive education.

Key words: international students, integration processes, language practices, university education.

В концепции интеркультурного образования в фокусе внимания – идея о том, что не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми в условиях погружения в языковую среду. С целью выявления языковых практик студентов – выходцев их разных стран – Лабораторией социологических исследований Казанского федерального университета проведена серия полуформализованных интервью.

Студенты из стран СНГ – самая благополучная среди иностранцев группа по успешности обучения благодаря достаточно высокому уровню знания русского языка, который позволяет легко контактировать как с россиянами, так и с другими иностранцами, как в процессе обучения, так и в повседневной жизни. Наиболее успешны в процессе обучения студенты из Украины, Белоруссии, Казахстана. Обучение в российском вузе студентам из Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана дается труднее, они чаще других отмечают, что качество их обучения и проблемы взаимодействия в повседневной жизни связаны именно с языком: с одноклассниками они общаются обычно только в процессе учёбы, свободное время предпочитают проводить со своими земляками.

Китайская студенческая диаспора отличается контактностью и открытостью, студентам нравится жить в Казани и учиться в КФУ. Образование за рубежом, в частности в России, считается весомым преимуществом на китайском рынке труда. При этом студенты понимают, что основным условием успешности освоения учебной программы является уровень владения русским языком. Они указывают на эффективность языковых курсов для иностранцев, вместе с тем предпочли бы чаще применять живую разговорную лексику, в том числе связанную с будущей специальностью, легко общаются как с россиянами, так и с учащимися из других стран. При этом они предпочли бы жить в

общезитиях с русскоговорящими студентами для более оперативного овладения русским языком.

Студенты из стран дальнего зарубежья (Индия, Бангладеш, Турция, африканские страны) являются группой со значительными проблемами в обучении. Понимание престижности российского образования, наличие мотивации к обучению недостаточны для успешного обучения, барьером служит слабое знание русского языка. Один год языковой подготовки совершенно недостаточен для овладения программой обучения: большинство студентов КФУ из стран дальнего зарубежья испытывают существенные трудности как с обучением на русском языке, так и с общением на нем, вследствие этого наблюдаются снижение успеваемости, депрессия. Основные проблемы – *«различия в культуре, языке, климате, к которым очень трудно привыкнуть»*.

Тривиальный вывод – успешность обучения и адаптивность иностранцев в российском вузе прежде всего зависят от степени владения языком обучения – русским. Именно язык является главным интегрирующим фактором. Образовательно-воспитательная среда российского вуза может и должна стать благоприятной площадкой для реализации образовательного, научного, интеркультурного потенциала студенчества.

Е. С. Дорощук

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНТЕГРИРУЮЩИЙ ФАКТОР ДЛЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Автор рассматривает проблемы интеграции в журналистском образовании в контексте сближения профессионально-практической и учебно-научной деятельности обучающихся. Интегративный подход представлен в свете личностно-развивающей парадигмы. Практическая направленность подготовки специалистов коммуникационной сферы трактуется как важнейший фактор интеграции, обозначаются её средства и формы, используемые при подготовке будущих журналистов.

Ключевые слова: медиасфера, интеграция журналистского образования, факторы интеграции, медиасобытие, медиапроектирование.

E. S. Doroschuk

Kazan (Privolzhsky) Federal University

PROFESSIONAL AND PRACTICAL ACTIVITY AS AN INTEGRATING FACTOR IN EDUCATION OF FUTURE JOURNALISTS

The author examines the problems of integration in journalistic education in the context of convergence of professional, practical and educational activities of students. An integrative approach is presented in the light of the personality-development paradigm. The practical orientation of the training of specialists in the communication sphere is interpreted as the most important factor of integration, its means and forms used in the preparation of future journalists are indicated.

Keywords: media sphere, integration of journalistic education, integration factors, media event, media projecting.

Переход в системе профессионального образования на компетентностную парадигму вызывает к жизни необходимость внедрения новых подходов к повышению качества подготовки специалистов в области коммуникаций. Журналист является представителем такого рода профессий – он коммуникатор в самом широком смысле слова: он осуществляет непосредственную коммуникацию, формируя и передавая смыслы и образы в медиапространстве; его творческие текстовые продукты в преобладающем большинстве решают целый ряд коммуникативных задач и создаются для решения такого рода задач; его личность формирует представление о социальном устройстве и перспективах развития общества посредством презентации и организации коммуникативных процессов в современном мультимедийном пространстве культуры. Подготовка такого специалиста требует разработки и внедрения обучения, которое бы позволило развить альтернативность и вариативность мышления; обобщенные умения, главными из которых являются мягкие навыки (soft skills) с опорой на коммуникативные; системные знания с компетенциями их комплексного применения и синтеза; способности к переносу идей и методик с одной сферы деятельности и науки в другую – все те качества и компетенции, которые характеризуют творческий подход к деятельности человека в современных условиях. Обозначенные задачи способно решить интегрированное обучение.

Интеграция рассматривается исследователями как сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов [1, с. 34]. Главная задача применения интеграции в образовательном процессе – поднять систему образования на качественно новый уровень. Интеграция образования, как считает А. Я. Данилюк, – это осуществление обучающимся последовательного перевода сообщений с одного учебного языка на другой, в процессе которого происходит усвоение знаний, регулирование понятий, рождение личностных и культурных смыслов [2, с. 143]. В этом контексте образование приобретает характеристику процесса становления человека, обретения им самого себя, своего человеческого образа, формирования неповторимости, проявляющейся в индивидуальных особенностях, личностном и творческом потенциале [5].

В журналистском образовании это видится как процесс интеграции знаний различных учебных дисциплин в процессе журналистского профессионального творчества. Таким средством интеграции при подготовке будущих журналистов является учебная и внеучебная практика, а интегрирующим фактором, в этом случае, – обучение и воспитание будущего журналиста через профессионально-практическую деятельность.

В широком спектре разновидностей интеграций, описанных в научных работах [6; 8], наряду с культурной (как ассимиляция различных культурных элементов в единой гомогенной культуре), моральной (как применение и совпадение различных моральных норм), языковой (как слияние языков) и пр. следует выделять *профессионально-творческую интеграцию*, представляющую собой процесс создания профессиональной базовой модели практической деятельности журналиста на основе взаимопроникновения знаний социогуманитарного и естественно-научного типа. Такая модель предполагает взаимозависимость этических и профессионально-производственных норм и гибкое сочетание методов и способов профессиональной деятельности журналиста.

Интегративное обучение, по мнению исследователей, – это путь к формированию интегрированной личности – такого человека, который способен ощущать единство мироздания, комфортно чувствовать себя в этом единстве и, в то же время, беречь свою индивидуальность [7].

Опыт подготовки работников коммуникационной сферы – журналистов – в Казанском федеральном университете насчитывает 55 лет. В течение этого времени апробированы и успешно применяются мно-

гочисленные методики подготовки будущего журналиста. В последние годы активно используется интегративный подход для создания образовательной системы личностно-развивающего типа. Эта система, как считает А. Ф. Данилюк, позволяет осуществлять систематический перевод учебной информации на языки разных наук и искусств [3]. Для будущего журналиста это означает возможность сочетания разных знаний, получаемых в ходе изучения учебных дисциплин, для овладения на их основе обобщенными способами профессионального поведения и профессионального действия в профессионально-значимых ситуациях, достигается путем создания разных по уровню и характеру образовательных пространств – интегральных пространств – на основе включения их в единое профессиональное медиапространство. Как базисная используется идея о реализации личностного развития будущего журналиста в процессе практико-направленной профессионально-обучающей деятельности [4].

Интегральные пространства содержат разнопредметные знаниевые области, позволяющие создать системный конструкт для овладения обобщенными способами профессионального журналистского действия. К ним относятся:

- сквозные курсы-практикумы, предусматривающие знакомство с реальной медиасредой. Например, учебная дисциплина «Средства массовой информации Республики Татарстан: Мастерство журналиста», преподавание которой длится все четыре года обучения для бакалавров и представляет собой интегрированный курс поступенчатого вхождения в профессиональную журналистскую культуру в режиме реального производственного процесса – в действующих СМИ и учебных студиях;

- мастер-классы, интегрированные в учебный процесс как творческие мастерские ведущих журналистов-практиков республики;

- медиасобытие как продуктивный творческий медиапроект, представляющий собой внедренный в дисциплины творческой направленности процесс создания творческого медиаобъекта: СМИ, рубрики, разбора, рецензии и т. д. Такие медиасобытия могут носить самостоятельный и «надучебный» характер, представлять собой междисциплинарные творческие студии, формируемые для создания одного или нескольких событий; осуществляться студентами самостоятельно или под руководством преподавателей. Одним из таких медиасобытий, созданных в рамках междисциплинарной творческой студии, стал в июне 2017 г. проект «Науруз хаберлере», в основу которого легло соз-

дание газеты XIII Международного театрального фестиваля тюркских народов «Науруз», проект оперативного реагирования на фестивальные будни, мобилизирующий все полученные знания по различным дисциплинам. Он был организован в рамках творческой студии под руководством преподавателей и объединял студентов различных курсов и профилей – как бакалавров, так и магистров;

– проектная деятельность позволяет реализовать идею сближения трудовой и учебной деятельности (Дж. Дьюи): на основе периодического производительного труда – создания и выпуска СМИ, подготовки медиаобзоров, мониторинга СМИ и т.д. – интегрировать разнопредметные знания вокруг наиболее значимых социальных и исторических проблем. В результате формируется мотивированная практическая активность будущего журналиста, основанная на возможности увидеть результат своего труда, целостность картины мира и представления о профессии – образ профессии.

Таким образом, интеграционные процессы в образовательной деятельности будущих журналистов являются важнейшим фактором интенсификации профессионально-творческой деятельности работника коммуникационной сферы, систематизируют и объективируют ее, позволяя сблизить профессионально-практическую и учебно-научную деятельность и универсализировать приобретаемые будущим журналистом компетенции.

Примечания

1. Грегуль Л. К. Муниципальное образовательное пространство как среда гражданского воспитания детей: дис. ... канд. пед. н. Ростов н/Д, 2002. 188 с.
2. Данилюк А. Я. Теоретико-методологические основы проектирования интегральных гуманитарных образовательных пространств.: дис. ... докт. пед. н. Ростов н/Д, 2001. 347 с.
3. Данилюк А. Ф. Теория интеграции образования. Ростов н/Д, 2000. 440 с.
4. Дорошук Е. С. Индивидуализация обучения студентов-журналистов культуре творческой деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. 258 с.
5. Полянкina С. Ю. Понятие интеграции в категориальном аппарате философии образования // Философия и образование. 2013. № 2. С. 67–75.
6. Пузанкова Е. Н. Современная педагогическая интеграция, ее характеристики / Е. Н. Пузанкова, Н.В. Бочкова // Образование и общество. 2009. № 1. С. 9–13.
7. Савенкова Л. Г., Никитина А. А. Современное понимание проблем интеграции в образовании [Электронный ресурс] // Учительская газета. 2016. 6 июня. URL: http://www.ug.ru/method_article/1092 (дата обращения: 24 августа 2017).
8. Савенкова Л. Г. Воспитание человека в пространстве мира и культуры: интеграция в педагогике искусства. М.: МАНМУ-РАНХиГС, 2014. 234 с.

Л. П. Марьина

Санкт-Петербургский гос. ун-т

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Социокультурная динамика общества значительно отразилась на журналистике, в которой наряду с информативностью доминируют развлекательность, игровое отношение к действительности, эклектика и мозаичность в подаче информации. Глобальные технологии меняют формы коммуникации, а стремительное развитие Интернета вносит существенные изменения в современную информационно-коммуникативную среду. Одно из ведущих направлений реализации новой эпистемологии в СМИ – использование игры как способа познания мира.

В изучении журналистики как культурного феномена переплетаются такие теоретико-методологические научные подходы, как философские, социологические, политологические, культурологические, коммуникационные, литературоведческие, лингвистические, технические. Мы остановимся на тех концепциях, которые расширяют и углубляют образовательную парадигму журналистской деятельности, ее аксиологический дискурс, оказывающий влияние на формирование моделей поведения в современном обществе.

Ключевые слова: аксиология, глобальное информационное пространство, информация, медиасистема, образование, социокультурная динамика, социокультурная коммуникация, социальное знание, теория игры, эпистемология.

L. P. Maryina

St.-Petersburg State University

CULTUROLOGICAL ASPECTS OF JOURNALISTIC EDUCATION: EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS

Social-cultural dynamics of society has reflected on journalism, which, along with informativeness, is dominated by entertainment, game attitude to reality, eclecticism and mosaic in the submission of information.

Global technologies are changing the forms of communication and the rapid development of the Internet makes significant changes in the modern information and communication space. One of the main directions of realization of the new epistemology in mass media is the use of the game as a way of perception of the world.

In the study of journalism as the culture phenomenon which consists of such theoretical and methodological research approaches as philosophical, sociological, political, cultural, communication, literary, linguistic and technical.

We will focus on those concepts which extend and deepen the culture paradigm of journalism, its axiological discourse that affects the formation of patterns of behavior in modern society.

Keywords: axiology, global information space, information, media system, education, social and cultural dynamics, socio-cultural communication, socio-cultural dynamics, game theory, epistemology.

Журналистика как часть культуры обеспечивает функционирование социокультурной динамики общества, изучение которой позволяет определить место журналиста в современном мире, проанализировать особенности современного журналистского образования и место журналистской деятельности в структуре межкультурных коммуникаций. Дискурс межкультурного взаимодействия ученые исследуют комплексно, применяя сравнительный, антропологический, интерактивный подходы. Итогом культурного взаимодействия становится признание культурного разнообразия. Практическое знание базовых черт других культур позволяет свести к минимуму культурный шок [9, с. 3]. Сегодня с помощью средств массовой информации пытаются разобраться в усложняющейся картине мира, обнаружить единые основы традиций и обычаев разных стран и народов, а посредством этих элементов выстроить современную модель их взаимодействия. В условиях глобализации важно искать те пути межкультурного взаимодействия, которые способны стать мостиками взаимопонимания людей, народов, государств. Нельзя недооценивать, например, роль СМИ в формировании этнических стереотипов, которые отражают представления, возникшие в результате воспитания, образования, восприятия различных видов искусства, усвоения информации, почерпнутой из средств массовой коммуникации. Мотивами к сотрудничеству все чаще становятся культурные потребности [7, с. 6]. Журналисты уча-

ствуют в социализации личности, способствуют формированию установок, ценностных ориентаций, приобщают к социальному опыту, культуре [6, с. 85]. СМИ расширяют знания в межкультурной области, способствуют осознанию особенностей межкультурной коммуникации, формированию правильного отношения к межкультурному взаимодействию и формированию того или иного типа поведения по отношению к представителям других культур. Активными носителями данной аксиологии выступают журналисты [8, с. 151].

Таким образом, современные культурные коммуникации все ярственнее демонстрируют, что журналистика занимает особое место в системе материального, духовного и художественного общения. Этнометодология предлагает механизмы достижения доверия между участниками социального действия: общепринятые схемы коммуникации, наличие фоновых ожиданий, документальный метод интерпретации и кризисные эксперименты, связанные с выявлением, прежде всего, трудностей межкультурных коммуникаций. Интервьюируя своих героев, журналист должен учитывать специфику повседневности других культур [3, с. 42–44].

В социокультурном пространстве журналист конструирует политическую, эстетическую, нравственную, экономическую культуру. Востребованность данных направлений журналистской деятельности требует новых подходов и к профессиональной подготовке специалистов СМИ. Сегодня в медийном пространстве продуктивны деятельность-ценностные методики, теории социального взаимодействия [5, с. 368]. Мы все чаще наблюдаем перенос содержания общественной и политической жизни в символическое пространство и разыгрывание виртуального спектакля, режиссерами которого становятся журналисты [2, с. 159]. В данном контексте для журналистской деятельности важную роль играет социально-драматургический подход Ирвинга Гофмана. Метафору театра он дополняет игровой теоретической интерпретацией реальности и вводит в категориальный аппарат понятие фреймы как формы организации повседневного взаимодействия. Журналисты транслируют картину дня и создают впечатление о событиях. «Наше понимание мира складывается до новостных историй, и именно оно определяет, какие сюжеты отберут репортеры и как они о них расскажут...» [4, с. 74–75]. Игра как универсальный инструмент современной журналистской деятельности представлена в исследованиях ученых Санкт-Петербургского государственного университета И. Н. Блохина, С. Н. Ильченко, Г. С. Мельник, В. Г. Осинского. В контек-

сте перформативности познания теория театральной коммуникации распространяет закон театра на любые социальные процессы, в том числе на научные и образовательные сферы деятельности. Журналист нынешнего тысячелетия конструирует социокультурные смыслы действительности [1, с. 8]. Таким образом, внешние цивилизационные факторы предъявляют новые требования к профессии журналиста, а значит, и к подготовке специалистов. Новая эпистемологическая парадигма, а именно перформативность знания, побуждает к использованию инновационных образовательных технологий в педагогике высшей школы. Например, в системе образования актуальна теория игры, использование цифровых технологий, мозаичность в подаче информации. Данные приемы находятся в арсенале и журналиста, и преподавателя, занимающегося подготовкой специалистов для средств массовой информации. В Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета активно используют новые средства коммуникативного и информационного взаимодействия, реализующиеся через образовательную систему, среди которых: экскурсии как способ эмоционально-психологического и деятельностно-ценностного познания действительности; занятия (аудиторные и внеаудиторные) в интерьерах учреждений культуры, где проводятся мастер-классы и зачеты по спецдисциплинам культурологического направления; встречи с представителями творческой интеллигенции; посещение генеральных репетиций и премьерных спектаклей.

Перечисленные формы педагогической деятельности расширяют диапазон знаний студентов об искусстве и помогают в написании рецензий, лучшие из которых публикуются на сайте Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ в рубрике творческой организации Арт-клуб. Одно из направлений в обучении журналистов, которое позволяет освоить методологию межкультурных коммуникаций, – это участие в медиафорумах и фестивалях, среди которых Международный театральный фестиваль «Александринский», Международный музыкальный фестиваль «Серебряная лира», медиафорум «Диалог культур». Культурная семантика Санкт-Петербурга как эффективное средство коммуникации – один из деятельностно-ценностных методов познания мира, формирующий профессиональную культуру специалиста.

Перформативный поворот в социальном знании привел к активному использованию в образовательной журналистской практике

теории социального действия, в частности, социальной драматургии, конструктивистского структурализма, теории институционализации и социального обмена.

Примечания

1. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.

2. *Бурдьё П.* О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. 160 с.

3. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

4. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

5. *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. СПб.: Издательство «Петрополис», 2003. 383 с.

6. *Марьина Л. П.* Журналистика и культура: динамика взаимодействия: учебное пособие. Львов: ПАИС, 2013. 174 с.

7. *Рябова Е. Л., Терновая Л. О.* Межкультурное взаимодействие в современном мире: учеб. пособие. М.: Междунар. изд. центр «Этносоциум», 2011. 374 с.

8. *John Hartley.* Communication, cultural and media studies. The key Concepts. London, 2002. 272 p.

9. *Michael Clyne.* Inter-cultural communication at work. Cultural values in discourse. Cambridge, Monash University, 1994.

Т. М. Смоликова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассматриваются особенности развития медиаобразования в рамках евразийского образовательного пространства. На основе анализа современных технологий и белорусского медиапространства автор прогнозирует развитие опережающей педагогики и появление профессий будущего.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, куратор онлайн-платформы, веб-психолог, разработчик образовательных траекторий, брейн (brain, intellect, understanding) – тренер по нейротехнологии, геймификация.

T. M. Smolikova

Academy of Management under the President
of the Republic of Belarus

VECTORS OF DEVELOPMENT OF MEDIA EDUCATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN EDUCATIONAL FIELD

The peculiarities of the development of media education in the eurasian educational space. Based on the analysis of modern technologies and the Belarusian media space, the author predicts the development of advanced pedagogy and the emergence of the jobs of the future.

Key words: transdisciplinarity, curator of the online platform, the web psychologist, the developer of educational trajectories, brain (brain, intellect, understanding) – the coach, Neurotechology, gamification.

Сегодня можно говорить о евразийском информационно-образовательном пространстве как о перспективном направлении, для которого характерен поиск оптимального соотношения и баланса между сложившимися традициями в образовании для каждой из стран и спецификой интеграционных процессов, в рамках которых создается многофункциональная научно-образовательная инфраструктура, обеспечивающая решение трансдисциплинарных проблем.

Трансдисциплинарная форма производства знаний состоит из трансдисциплинарной матрицы и трансдисциплинарного сообщества. Научные и общественные механизмы развития и воспроизводства трансдисциплинарного познания поддерживаются не только «научкой учебника», «журнальной» или «популярной» наукой, но и материальной и финансовой помощью государства, частного капитала [13] или межвузовской кооперации.

Трансдисциплинарность воспринимается как способ синтеза ресурсов дисциплинарной и внедисциплинарной сфер, итогом которого оказывается познавательная модель, не сводимая ни к одной из составляющих ее частей. Результаты ее теоретической экспликации раскрывается в трех взаимосвязанных перспективах: переоценке представлений о гносеологической ценности знания, новых представлениях о субъекте познания и предпосылках формирования теорий [14, с. 488].

Евразийское образовательное пространство отличается противоречивыми поликультурными особенностями, глобализацией, объединением систем разных типов и уровней, но имеет свои философские, социальные, исторические, геополитические и культурные векторы развития.

Глобализация для евразийского пространства создает противоречия и вызовы в сложившемся мироустройстве. С одной стороны, ей присуща локализация (сохранение самоидентичности, появление локальных социокультурных групп, символы социальной идентичности, сохранение национального языка), а с другой – глокализация (процесс социокультурного развития, где сосуществуют разнонаправленные тенденции, развивается идея децентрализованного мира, преобладают модели, опирающиеся на сетевые формы организации и межкультурную коммуникацию). Это пространство объединяет сферы сотрудничества и соперничества, идеи, ценности и проекты будущего. В рамках Евразийской площадки реализуются совместные исследовательские и социальные проекты, организовываются форумы, круглые столы, конференции и т.д.

Так, например, на базе НАН Беларуси успешно организован Евразийский форум молодых ученых, в рамках которого была проведена в 2015 г. XII Международная научная конференция «Молодежь в науке», объединившая молодых ученых из 12 стран мира. На форуме демонстрировались достижения в разных областях – от охраны окружающей среды до медицины. Также фокус мероприятия был сконцентрирован на результатах научных прорывных исследований по экономическим и социальным направлениям, которые были получены в рамках евразийской интеграции [5].

В конце 2015 г. в Риме состоялась Европейская встреча Глобально-исследовательского совета (Global Research, GRC), на которой присутствовали представители 40 крупнейших европейских организаций из 27 стран, осуществляющих поддержку научных исследований. Это обсуждение стало первой попыткой найти потенциальные точки взаимодействия в области фундаментальных исследований между Европой и Евразией, что привело к договоренности о подготовке и организации совместных конкурсов научных проектов на постсоветском пространстве [7].

Вопросы межвузовского сотрудничества обсуждали 28 января 2016 г. в Минске в штаб-квартире СНГ. В работе форума принимали участие ректоры ведущих управленческих вузов стран СНГ, известные

ученые и деятели науки. На форуме обсуждалась важность интеграции в управленческом образовании, которая обеспечит качественную подготовку специалистов в сфере государственного управления в условиях современных тенденций и вызовов времени. Межвузовское сотрудничество на таком высоком уровне позволило, используя зарубежный опыт, дать новые импульсы развитию национальных управленческих школ, а также сделать шаг вперед по вопросам образовательных процессов в странах СНГ [8].

Евразийской тематике в 2017 г. было посвящено достаточно мероприятий, проведенных в Республике Беларусь. Среди них можно выделить:

1. Заседание Совета постоянных полномочных представителей государств – участников Содружества состоялось 12 января 2017 г. в Минске, где обсуждалось создание единого образовательного пространства.

2. Международную научную конференцию «Ценности евразийской культуры: духовность, традиции, экономические приоритеты сотрудничества: ЕХРО 2017 Astana, организованную в г. Минске 21 марта 2017 г.

3. Обсуждение пилотного проекта «Эврика», организованного российско-белорусским экспертным клубом в рамках Евразийского соглашения [10].

4. Заседание Совета Евразийской ассоциации университетов в рамках VIII Форума творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ, 23 – 25 сентября 2017 г. в городе Минске.

На всех перечисленных мероприятиях специалистами акцентировалось внимание на роли использования информационных технологий в образовательном процессе. На современном этапе они помогают решать не только образовательные, но и кадровые, научные задачи.

В этой связи необходимо отметить положительный опыт Сетевого университета СНГ, в состав Консорциума которого вошли 27 ведущих университетов из 9 стран-участниц СНГ. Образовательные проекты, реализованные Сетевым университетом, в том числе и в дистанционном режиме, способствуют укреплению международного сотрудничества в области подготовки специалистов высшей квалификации, оказывают содействие по обмену аспирантами, способствуют появлению совместных научных исследований с целью подготовки кандидатских диссертаций.

Актуальной задачей для эффективного сотрудничества, обеспечения оптимального использования потенциальных дополнитель-

ных возможностей является создание межвузовской кооперации, исключающей формализм и бюрократические проявления. Многоаспектность Евразийского информационно-образовательного пространства в условиях межвузовской кооперации подразумевает:

- усиление информационной интеграции на основе непрерывного внедрения и совершенствования информационных технологий;

- создание инновационных моделей в сфере науки и образования с учетом культурно-исторического наследия;

- использование индивидуализации образовательных траекторий обучающихся, дуальных образовательных программ, предполагающих параллельную подготовку по различным специальностям на одном и том же образовательном уровне с использованием модульных технологий;

- координацию образовательной, научной и инновационной деятельности применения ступенчато-последовательной исследовательской составляющей (с нарастающей сложностью тематики и видов работ) с целью комплексного развития системы компетенций кадров;

- реализацию многоуровневых программ подготовки научных кадров (как правило, междисциплинарных), позволяющих решать задачи развития целевой подготовки высококвалифицированных кадров по перспективным направлениям науки;

- увеличение академической мобильности, организация стажировок профессорско-преподавательского состава и научных работников разных стран с целью обмена опытом и проведения совместных исследований по актуальным вопросам;

- усиление интеграции в мировую систему образования с целью повышения рейтинга вузов Евразийского пространства [11, с. 168].

В настоящее время созданы условия для широкомасштабного внедрения инновационных моделей информационно-коммуникационного обеспечения системы образования, основанных на «облачных» и грид-технологиях [1; 2]. Построена высокоскоростная коммуникационная научно-образовательная среда, основу которой составляет Единая научно-информационная компьютерная сеть Республики Беларусь (НИКС) [9]. Базовыми элементами здесь являются сети Министерства образования Республики Беларусь UNIBEL, Национальной академии наук Беларуси BASNET и Белорусского государственного университета BSUNET [3, с. 17].

Ожидаемым результатом информатизации образования и реализации подпрограммы три «Цифровая трансформация» в рамках Госу-

дарственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., разработанной в соответствии со Стратегией развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., относится обеспечение широкомасштабного использования электронных коммуникаций для информационного взаимодействия всех участников образовательного процесса. Такой уровень коммуникаций и взаимодействия могут обеспечить целостные обучающие системы, представляющие собой синтез достижений современной педагогической науки и средств информационно-вычислительной техники, внедряемые в системы обучения и организационного управления образованием, предполагающие научные подходы к организации учебного процесса с целью оптимизации и повышения эффективности, а также отражающие закономерности среды, в которой они развиваются. К подобным технологиям можно отнести дистанционные технологии, под которыми понимают «совокупность способов и технических средств сбора, организации, хранения, обработки, передачи и представления информации, расширяющей знания людей и развивающие возможности по управлению техническими и социальными процессами» [4].

Параллельно с развитием технологий в медиаобразовании появляется спрос на специалистов, способных разбираться в межпредметных областях педагогики, медицины, техники. Система медиаобразования формирует опережающую педагогику – педагогику будущего, в которой заложена междисциплинарная методика целеполагания, основанная на индивидуально-корректирующей траектории развития отдельной личности, мотивирующая на самосовершенствование и саморазвитие, включающая надпрофессиональные навыки и умения.

Специалисты предсказывают, что в ближайшие 20 лет педагогика благодаря активному внедрению технологий кардинально изменится, в связи с чем появятся новые профессии [6], например, такие как:

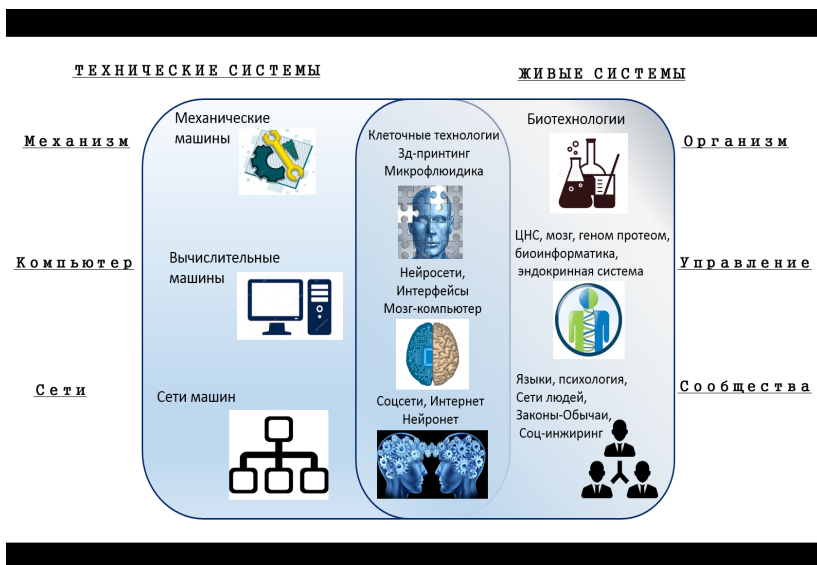
1. *Куратор онлайн-платформы* – администратор работы платформы дистанционного обучения, организует и продвигает конкретные курсы или «типичные образовательные траектории», является координатором процесса обучения, составляет при необходимости индивидуальные онлайн-курсы, является модератором в общении между учителем и учеником. Такой специалист по прогнозам может быть востребован уже до 2020 г. в центрах образовательных технологий учреждений образования.

2. *Веб-психолог* – формирует критическое и логическое мышление, учит медиаграмотности и сетевой безопасности, способен сформировать интернет-социализацию, интернет-инкультурацию детей и подростков, информирует и разбирает проблемы, связанные в Интернет-среде: интернет-травля, кибербуллинг (кибер-буллинг (*cyber-bullying*), подростковый террор, происходит от английского слова *bull* – бык и связан со значениями: агрессивно нападать, бередить, задирать, придирается, провоцировать, донимать, травить, то есть в молодежном сленге употребляется как быковать). Такой специалист, разбирающийся в детской и подростковой психологии, может быть полезен при тестировании различных товаров и сервисов (игрушек, игр, мультфильмов, видео- аудио-материалов и др.) на предмет угроз для психики и потенциального вреда развитию ребенка. Такие специалисты востребованы уже сейчас. Кроме этого, он должен сопровождать образовательный маршрут, корректировать образовательную программу с учетом потребностей и таланта, участвовать в формировании образовательной программы, совместно с родителями выбирать перспективные для ученика направления и рекомендовать область карьерного развития.

3. *Разработчик образовательных траекторий* – представитель педагогической профессии, способный скорректировать индивидуальный вектор развития личности, при соблюдении баланса между разными интересами обучающегося. Участвует в организации педагогической системы коммуникаций между учителями разных учебных дисциплин, которые сконцентрированы в рамках одной траектории подготовки отдельного ученика; разрабатывает образовательный трек с учетом психотипа, способностей и целей обучающегося.

4. *Брейн (brain, intellect, understanding)* – «тренинг для ума и понимания», который заставит ваш мозг работать на полную мощность. Это специалист по концентрации и психофизиологии, развитию скорости мыслительной деятельности и интеллекта. Отвечает за владение и умелое использование в образовательной деятельности нейротехнологии (Нейротехнология – 1. Совокупность технологий созданных на основе принципов, функционирования нервной системы; 2. Основа для создания нового класса глобально конкурентоспособных технологий, необходимых для развития новых рынков, продуктов, услуг, в том числе направленных на увеличение продолжительности и качества жизни [12]) (см. рис.).

Брейн-тренинг с помощью нейротехнологий поможет скорректировать когнитивные способности обучающегося (внимание, восприятие,

Структура направлений использования нейротехнологий

память, интеллект, речь), с учетом способностей и задач, поставленных перед пользователем, разработать программу индивидуального развития, с промежуточным контролем развития обучаемого. Применение интерфейса – мозг-компьютер позволит создать инклюзивную среду для участия в образовательном процессе людям с ограниченными возможностями. Представили данной профессии – это специалисты междисциплинарных знаний на стыке медицины, психологии, физиологии, программирования, педагогики.

5. *Специалист по геймификации* – с помощью игровых технологий помогает заинтересовать и освоить новые знания в игровой форме, моделировать и испытывать разные ситуации в процессе игры. Гейминг рассматривают как дополнительный инструмент в образовании, а не замену обучению. Здесь возможно использовать различные дистанционные технологии дополненной и виртуальной реальности, смешанного обучения, Uber-технологии и т.д. Однако геймификация предполагает серьезную систематизацию образовательных игр, соблюдение тематического соответствия, а также анализ процесса адаптации к учебной программе квестов, социальных игр, сценариев событий и кейсов.

Такие специалисты должны владеть *надпрофессиональными* навыками и умениями – системным мышлением, междотраслевой коммуникацией, мультиязычностью, мультикультурностью и клиентоориентированностью. Знать основы программирования и робототехники, понимать как работает искусственный интеллект, управлять проектами, разбираться в новейших технологиях, владеть навыками художественного творчества.

Таким образом, образование будущего неразрывно связано с медиaprостранством. В современных условиях можно говорить о возникновении новой отрасли производства – производства знаний, идей, открытий, появлении иерархических структур подачи информации (расширение иллюстративного материала, увеличение структурированного объема усваиваемой информации, синтез виртуальной и реальной геймификации). Среди новых тенденций, связанных с достижениями научно-технического прогресса возникли новые формы труда, которые предъявляют более высокие требования к образовательному цензу населения, формированию специалистов, способных идти в ногу с современными достижениями в области знаний. Для общества в целом новейшие технологии принятия решений и планирования становятся важнейшим фактором успешного развития экономики и повышения ее конкурентоспособности.

Развитие медиaprостранства Республики Беларусь необходимо рассматривать в рамках развития общего мирового образовательного пространства, с учетом изменений роли образования в культурном, геополитическом и социально-экономическом развитии современного мира, возросших требований к уровню образованности и профессиональной компетентности руководящих кадров, в частности молодых руководителей, необходимости развития и внедрения технологий. На современном этапе развития белорусского общества реализуются цели и задачи по созданию информационно-образовательной среды, которая должна представлять собой совокупность аппаратных, программных и телекоммуникационных средств, а также информационных и образовательных технологий, обеспечивающих возможность доступа к информационно-образовательным ресурсам и организующих деятельность всех участников образовательного процесса по накоплению, систематизации и обмену информацией.

В этом векторе развития многоуровневый и многоаспектный характер медиaprостранства опирается, прежде всего, на информационные технологии, которые в свою очередь способны модернизировать про-

странства национальных культур, усилить международный обмен, расширить амплитуды социально-политических, региональных, этнических, возрастных и иных мировоззренческих позиций.

В основе евразийского информационно-образовательного пространства заложен принцип объединяющего триединства: образование – исследования – инновации, где ключевым фактором является трансдисциплинарная форма производства знаний. В этих условиях важно ориентироваться на созидательный, креативный социально-культурный характер евразийского информационно-образовательного пространства, способный удовлетворить и возвысить духовные интересы социума, сыграть существенную роль в формировании активной, творческой личности информационной эпохи.

Примечания

1. *Абламейко С. В.* «Облачная» концепция информатизации системы образования Республики Беларусь / С. В. Абламейко [и др.] // Информатизация образования. 2012. № 3. С. 13–29.

2. *Абламейко С. В.* Национальный образовательный грид-сегмент: стратегия развития и приложения / С. В. Абламейко, В. В. Анищенко, Ю. И. Воротницкий // Суперкомпьютерные системы и их применение : доклады Третьей Междунар. науч. конф., в 2-х т. (Минск, 25-27 мая 2010 г.). Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2010. Т. 1. С. 19–27.

3. *Абламейко С. В.* Основные направления и технологии развития беспроводной инфраструктуры научно-образовательных сетей / С. В. Абламейко, Ю. И. Воротницкий, В. П. Кочин // Развитие информатизации и государственной системы научнотехнической информации (РИНТИ–2015) : доклады XIV Междунар. конф. Минск, 19 ноября 2015 г. Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2015. С. 17–24.

4. *Абламейко С. В.* Перспективы применения «облачных» технологий в системе образования / С. В. Абламейко, Ю. И. Воротницкий, Н. И. Листопад // Суперкомпьютерные системы и их применение: доклады Четвертой Междунар. науч. конф. (Минск, 23-25 окт. 2012 г.). Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2012. С. 29–36.

5. *Андреев А. А.* Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии [Электронный ресурс] / А.А. Андреев, В. И. Солдаткин // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. 2013. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/distantcionnoe-obuchenie-i-distantcionnye-obrazovatelnye-tehnologii> (дата обращения: 15.04.2017).

6. Более 100 участников приедут в Минск на первый Евразийский форум молодых ученых // Кадровый портал Spok.by. URL: http://spok.by/novosti/vsya-lenta/bole-100-uchastnikov-priedut-v-minsk-na_naana0002189-189 (дата обращения : 13.04.2017).

7. *Загрядская А.* Педагогические профессии будущего // Образовательный портал NEWTONNEW. URL:<https://newtonew.com/school/future-professions> (дата обращения: 18.07.2017).

8. Конвергенция дисциплин и пространств. РФФИ призывает к интеграции евразийского научно-исследовательского // Рос. фонд фундамен. исследований. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/press_about/o_1944318 (дата обращения: 13.03.2017).

9. Международный форум «Интеграционные процессы в управленческом образовании» // портал Академии управления при Президенте Республики Беларусь. URL: http://www.pac.by/ru/news-feeds/actual-information/mezhdunarodnyj-forum-integratsionnye-protsessy-v-upravlencheskom-obrazovanii-sostoitsja-28-janvarja-v-minske_i_0000005848.html (дата обращения: 13.02.2017).

10. Проблемы развития образовательного пространства в союзном государстве Беларуси и России // Рос.-Белорус. экспертный клуб. URL: <http://eurasia.expert/upload/Obrazovanije-v-Soyznom-gosudarstve.pdf> (дата обращения : 11.08.2017).

11. Смоликова Т. М. Многоаспектность евразийского информационно-образовательного пространства в условиях межвузовской кооперации // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении Кыргызстана: культура, философия, экономика : материалы Международной научной конференции, Минск, 17 марта 2016 г. / Белорус. нац. технический ун-т; ред.: А. И. Лойко. Минск, 2016. С. 164–168.

12. Что такое нейротехнологии? [Электронный ресурс] / Нейротехнологии. РФ. URL: http://www.neurotechnologies.ru/about_neuroscience (дата обращения : 15.07.2017).

13. Этнос и парадигма // Трансдисциплинарные исследования. URL: <http://transstudy.ru/filosofiya-transdisciplinarnost.html> (дата обращения: 02.02.2017).

14. Lawrence R.J. Housing and health: From interdisciplinary principles to transdisciplinary research and practice. Futures, 2004. Vol. 36. №4. P. 488-489.

В. В. Решетникова

Российский ун-т транспорта

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ СМИ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Вопросы медиаобразования и практического использования материалов СМИ на уроках русского языка как иностранного как средства наглядности, активизации познавательного интереса и интереса к русской культуре занимают свое определенное место в методике преподавания РКИ. Материалы СМИ способствуют расширению уже имеющихся у студентов страноведческих, лингвострановедческих и этносоциокультурных сведений о России, знакомству учащихся с закономерностями массовых коммуникаций, формированию умений ориентироваться в информационно-образовательном пространстве на русском языке, развитию умений интерпретировать, анализировать и оценивать медиainформацию.

Ключевые слова: медиа, медиатекст, медиакультура, массовые коммуникации, лингвострановедческий, этносоциокультурный, русский язык как иностранный.

V. V. Reshetnikova

Russian University of Transport

THE USE OF MEDIA MATERIALS IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The issues of media education and practical use of media materials in the lessons of the Russian language as a foreign language as a means of presentation, the activation of cognitive interest and interest in Russian culture occupy their a definite in the methodology of teaching RFL. The materials of the mass media contribute to the expansion of the existing regional, linguistic and ethnosociocultural information on students in Russia, the acquaintance of students with the regularities of mass communications, the formation of skills in navigating in the information and educational space in Russian, the development of skills to interpret, analyze and evaluate media information.

Key words: media, media text, media culture, mass communications, linguistic, Russian as a foreign language.

Термин «медиа» происходит от латинского «media», что означает «средство», и употребляется как аналог термина СМИ (средства массовой информации): пресса, фотография, радио, кино, телевидение, аудио и видео, специальные компьютерные программы, сеть Интернет [1, с. 16].

Медиаобразование – уникальное направление в педагогике, выступающее за изучение учащимися массовых коммуникаций и их закономерностей, главной целью которого является создание оптимальных условий для саморазвития, самообразования, самовоспитания грамотного и культурного пользователя медиа.

В концепциях медиаобразования в целом преобладают воспитательные, обучающие и креативные подходы к использованию возможностей медиа. В обобщенном виде главные этапы реализации большинства медиаобразовательных подходов выглядят следующим образом:

– получение знаний об истории, структуре, языке и теории медиа (образовательная составляющая);

– развитие восприятия медиатекстов, «чтения» их языка, активизация воображения, зрительной памяти, развитие различных видов мышления (в том числе – критического, логического, творческого, образного, интуитивного), умений для понимания идей (нравственных, философских проблем и пр.), образов и т. д.;

– развитие креативных практических умений на материале медиа.

Медиапедагоги определили критерии и показатели уровня владения знаниями и умениями в области медиаобразования и уровня развития учащихся по отношению к медиакультуре:

– «понятийный» критерий (знание основной терминологии в области медиа, теории медиакультуры, конкретных медиатекстов);

– «сенсорный» критерий (частота общения с медиаинформацией, умение ориентироваться в ее потоке, т. е. выбирать любимые жанры, темы и т. д.);

– «мотивационный критерий» (эмоциональные, гносеологические, нравственные, эстетические мотивы контакта с медиакультурой);

– «оценочный» или «интерпретационный» критерий (уровень восприятия, способность к аудиовизуальному мышлению, анализу и синтезу пространственно-временной формы повествования медиатекстов, к «отождествлению» с героем и автором, к пониманию и оценке авторской концепции в контексте структуры произведения);

– «креативный» критерий (творческое начало в различных аспектах деятельности: перцептивном, художественном, исследовательском, практическом, игровом) [2, с. 36].

Материалы современных СМИ могут быть с успехом использованы на занятиях по русскому языку с иностранными студентами как средство наглядности, активизации познавательного интереса и интереса к русской культуре, создания благоприятного эмоционального климата на занятиях.

Неадаптированный, аутентичный материал вызывает неизменный интерес у учащихся, хотя при понимании текстов СМИ они и сталкиваются с определенными трудностями, связанными с отсутствием необходимых фоновых знаний. Однако их можно преодолеть с помощью комментария преподавателя, подбора наглядных материалов, а также использования ряда специфических методов и приемов работы.

При отборе конкретного материала для занятий преподавателю следует учитывать следующее:

– актуальность проблем, обсуждаемых в статьях, эссе или лентах новостей Интернета,

- наличие в них национально-культурного компонента,
- конкретные интересы группы студентов,
- их мотивацию и уровень коммуникативной и культурной компетенции,
- этап обучения и возраст обучаемых;
- социально-политические и бытовые реалии их родной страны;
- особенности национального характера и менталитета.

Работа с текстами СМИ позволяет сообщить новые и активизировать уже имеющиеся у студентов страноведческие, лингвострановедческие и этносоциокультурные сведения о России. При работе с текстами СМИ на занятиях по русскому языку как иностранному очень важно комментирование преподавателя, снимающее трудности, связанные с отсутствием у студентов необходимых языковых и экстралингвистических знаний. Комментарии могут быть как предтекстовыми, так и послетекстовыми. В зависимости от типа комментируемой информации комментарии делятся на языковые (фонетические, грамматические, лексические, словообразовательные, стилистические) и экстралингвистические (лингвострановедческие, страноведческие, этносоциокультурные).

При обучении иностранных студентов русскому языку преподаватель не должен пользоваться только частотными словарями, так как они составлены на материалах кодифицированного литературного языка, не несущего в себе лексику публицистических текстов, например, газетных и журнальных статей, в определенной мере содержащих разговорные и даже жаргонные элементы.

Необходимо знакомить учащихся с закономерностями массовых коммуникаций, формировать умение ориентироваться в информационно-образовательном пространстве на русском языке, развивать умение интерпретировать, анализировать и оценивать медиаинформацию, развивать коммуникативные способности с помощью и на материалах СМИ.

На занятиях по русскому языку как иностранному наиболее эффективным является использование текстов различных жанров, объединенных по тематическому признаку. Эти тексты могут использоваться в качестве дополнительного материала на уроках по разговорной практике, стилистике, языку газеты, лингвострановедению. Темы выбираются с учетом интересов студентов. Можно предложить следующие темы: «Проблемы молодежи в России и в стране, из которой приехали студенты», «Безработица», «Бедность и богатство», «Феномен новых русских», «Российские СМИ», «Бедность и богатство», «Черный пиар», «Реклама».

Устойчивые словосочетания, фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, речевые клише в материалах СМИ («Политика и социальные реформы в современной России», «Американская мечта и национальная русская идея в СМИ и классической литературе», «Физическая культура и спорт», «Здоровый образ жизни»).

Работа над этими темами с использованием материалов СМИ направлена на повышение мотивации изучения русского языка, активизацию познавательного интереса, повышение уровня лингвистической, этно- и социокультурной компетенции учащихся. Темы расширяют фоновые знания и лексический запас, развивают умение анализировать тексты различных жанров.

Методы и приемы работы с материалами СМИ включают:

- культуроведческий и языковой комментарий преподавателя;
- предкоммуникативные упражнения;
- коммуникативные упражнения;
- учебную и эвристическую беседу;
- учебные аналогии, моделирование, коллажирование.

Основная часть информации о мире, получаемая нами извне нашего непосредственного опыта, – это новости, которые мы узнаем из газет, радио- и теленовостей, сети Интернет. Студентам предлагаются следующие вопросы:

- что попало в новости?
- почему это попало?
- кто принимает решения?
- каким образом это преподносится нам?
- каково значение новостей в нашем обществе?

Работа может осуществляться индивидуально и в группах. Студенты обсуждают события, происходящие в данное время в университете, Москве, России, их родной стране. Затем переходят к способам получения и содержанию информации (как и где мы получаем информацию; что мы читаем, слушаем и смотрим; как мы используем новости). Для работы в малых группах можно предложить задание дать определение понятию «Новости», а затем сравнить и обсудить полученные определения. На следующем этапе сравниваются выпуски новостей в определенный день, чтобы сравнить, каким образом массмедиа передают одинаковые новости, в чем сходство и различие новостей.

На заключительном этапе работы студенты составляют свой собственный блок новостей, беря за основу местные, национальные или

мировые события, при этом следует побудить учащихся использовать свой стиль презентации и дать свои собственные оценки этим событиям. Затем следует представление собственных новостей.

Результатом таких занятий является повышение уровня коммуникативной компетенции, а именно:

- лингвистической – в области лексики, грамматики, орфографии, фонетики и орфоэпии;

- социолингвистической – умение осуществлять выбор и правильно использовать формулы-показатели социальных отношений, формулы речевого этикета, выражения народной мудрости (поговорки, поговорки), клише и речевые регистры;

- прагматической – речевой (способность управлять речью, структурировать ее, обеспечивая логичность, связность, риторическую эффективность) и функциональной (умение сообщать и узнавать информацию, выражать и понимать отношение к полученной информации, устанавливать контакты и отношения в обществе).

Учащиеся расширяют возможности широкой практики в аудировании, чтении, письме, говорении (диалогической и монологической речи), знакомятся с реалиями России, приобретают определенные знания и умения в области медиа, при этом формируется теоретическая и практическая готовность к саморазвитию, самообразованию, самовоспитанию и самосовершенствованию.

Примечания

1. Федоров А. В., Новикова А. А. Медиа и медиаобразование // *Alma Mater*–2001. № 11. С.15–23.

2. Федоров А. В., Чельшьева И. В. Медиаобразование в современной России: основные модели // *Высшее образование в России*. 2004. № 8. С. 34–39.

Хуан Сюэфэн

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ПРОДВИЖЕНИЕ СПОРТА В СМИ КИТАЯ

В данной статье рассматривается связь между спортивной журналистикой и спортом. Описывается, как специализированная журналистика влияет на продвижение спорта в Китае.

Ключевые слова: спорт, спортивная журналистика, установление повестки дня, эффект аудитории.

Huang Xuefeng

St. Petersburg State University

PROMOTION OF SPORTS IN THE MEDIA OF CHINA

This article explores the links between sports journalism and sports. Also describes how sports journalism affects the promotion of sports in China.

Key world: sport, sports journalism, Agenda-setting, Social facilitation.

В 1932 г. всего один китайский спортсмен принял участие в международных X Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. Никто не ожидал, что через 74 года Китай выйдет на лидирующие позиции во многих видах спорта на международных соревнованиях. В 2008 г. уже 639 китайских спортсменов участвовали на играх XXIX Олимпиады в Пекине и получили 100 медалей (золотых: 51, серебряных: 21 бронзовых: 28) [5; 6; 9]. Такой успех был удивителен для многих. Анализируя итоги Олимпиады, В. Franz выявил 14 факторов, повлиявшие на успех [8, с. 48-51]:

- государственный контроль, поддержка и финансирование успешного развития спорта;
- большие людские и финансовые ресурсы;
- целевое распределение финансовых средств;
- целевое использование позитивного опыта спортивных систем СССР и ГДР;
- концентрация сил;
- поддержка общества;
- централизованная, спланированная, целеустремленная и централизованная подготовка спортсменов;
- большое значение детского и юношеского спорта;
- жесткая система отбора;
- подключение науки и многочисленных научных институтов;
- использование сверхсовременного спортивного оборудования;
- физическая и морально-волевая подготовленность китайских спортсменов;
- подключение иностранных экспертов;

- целенаправленная подготовка к Олимпиаде 2008 г. в Пекине как национальная и политическая задача.

Кроме этих факторов, еще есть один важный фактор, который действительно стимулировал успех и продвижение китайского спорта – пропаганда спортивных достижений в СМИ. С этого момента спортивная журналистика начинает играть важную роль в продвижении спорта Китая.

В 1922 г. известный Американский спортивный эксперт Макклой основал журнал «Тиюйцзикань» («Спортивный трехмесячник») в Юго-Восточном университете. Этот профессиональный спортивный журнал сыграл важную роль в становлении современного спорта в Китае, а особенно в развитии спортивной журналистики [5, с. 69–73]. В период, когда Олимпийские игры стали одним из важных спортивных движений в мире, в Китае появилось много специальных спортивных изданий, например: «Тиюйбао» («Спортивная газета»), «Шанхайтиуйцзе» («Спортивный круг в Шанхае») и т. д.

Перспективными направлениями спортивной журналистики в Китае стали: пробуждение у аудитории интереса к здоровому образу жизни, пропаганда физкультуры и спорта, поддержка общенациональных программ по развитию спортивного движения. Руководством страны ставится задача поднятия престижа Китая как одного из мировых спортивных лидеров и повышение внимания к проблеме по обновлению и повышению качества подготовки и переподготовки спортивных журналистов [6].

Спортивная журналистика становится перспективной областью деятельности, тесно связанной с продвижением спорта, благодаря которой аудитория узнает о развитии разных видов спорта, вовлекается в физкультурное движение.

В современном Китае спортивная журналистика играет масштабную роль в популяризации различных видов спорта, которые отражают положительные и отрицательные стороны спортивного поведения и отношение общества к спорту [7; 8; 10].

Рост спроса на спортивную информацию объясняется профессионализацией спорта, а также журналистского корпуса, освещающего спортивные события. Интерес к спортивным мероприятиям нередко вызывается особой подачей материала, основанного на принципе инфотеймента, сочетающего информацию и развлечения. Налаживая диалог с массами, СМИ ищут новые способы удовлетворения их информационных потребностей в спорте. Теперь в Китае существуют

два спортивных канала CCTV, хотя такая ситуация необычна. Канал CCTV5 и CCTV5+, первый - для важных спортивных игр, а второй - для освещения бытовых спортивных игр, в том числе сугубо китайских национальных видов спорта [1].

Эта модель вначале ориентируется на огромное количество разнообразных видов спорта. С 2004 г. по 2008 г., чтобы массы больше узнавали информацию о олимпийских играх, на канале CCTV5 + давали спортивную информацию, которая раньше никогда не сообщалась. Например, Китайская батутная команда была создана в 1998 г., но в 2008 г. спортсмены уже получили 2 золотые медали в международных соревнованиях, это широко обсуждалось в СМИ [4]. На канале CCTV5+ можно посредством прямого эфира демонстрировать международное батутное соревнование. Можно сказать, массы получают информацию о батутном спорте через «установление повестки дня».

Американский ученый Уолтер Липпман считает, что «СМИ являются основным связующим звеном между событиями и людьми, и СМИ определяют то, как события влияют на мнение общественности» [3]. Такое влияние не только оказывалось на массы, но также на спортсменов. С точки зрения китайского ученого Ван Вэньцзэн, «активная положительная саморегулируемость может повышать и улучшать способность спортсменов» [2]. Медиа создают активность в сфере спорта, и ряды спортсменов увеличиваются. Благодаря «установлению повестки дня», появляется больше информации о непопулярных и нераспространенных видах спорта, и широкие массы начинают не только узнавать о них, но пробовать ими заниматься.

Благодаря СМИ, спортсмен получает возможность привлечь к себе всеобщее внимание. Китайский спортсмен Линь Дань считает, что выиграл приз чемпиона в 2013 г. во многом благодаря CCTV. В подобной ситуации «эффект аудитории» играет важную роль. Так, немецкий психолог Strauss Bernd утверждает, что «производительность растет, когда люди действуют в присутствии других, как правило, они лучше выполняют простые или репетируемые задачи» [10, с. 237].

Спортивная журналистика может создавать ценности и формировать мировоззрение и у аудитории, и у спортсменов. Каждый спортсмен хочет выиграть соревнование для себя и своей родины, особенно на Играх XXIX Олимпиады.

Таким образом, спорт тесно связан с журналистикой, обществом, культурой и т. д. Спортивная журналистика в современном Китае быстро развивается, становится необходимым источником информации

для аудитории о спорте высоких достижений, и играет важнейшую роль в функционировании спортивного движения, в обеспечении коммуникации между субъектами спортивной деятельности.

Примечания

1. Ван Вэйдун. CCTV5 + Официальная трансляция. Исследование телевидения. 2013.
2. Ван Вэньцзэн. Влияние самовнушения на психику теннисиста. Пекин: Национальная спортивная конференция, 2015.
3. Липпман У. Общественное Мнение. Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
4. Лю Син. Бегут и навыки, 2008 (3). URL:<http://ru-wiki.org/wiki>.
5. Сао Фэйху. Исследование состояния и развития спортивной газеты Китая: дисс. канд. ист. наук – Нанчанский университет, 2007. С. 69-73.
6. Спорт в Китае: история развития и современное состояние // Наука в Олимпийском спорте. URL:<http://sportfiction.ru/articles/sport-v-kitae-istoriya-razvitiya-i-sovremennoe-sostoyanie> (дата обращения 09.11.2017).
7. Спортивная журналистика. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1638910>.
8. Franz B. (2008). China. In Deutscher Olympischer Sportbund (Hrsg.), XXIX. S. 48-51.
9. Olympische Spiele Peking, 2008 // Porta Asia. China club. URL: <http://www.portaasia.de> (дата обращения: 10.12.2017).
10. Strauss Bernd (July 2002). "Social facilitation in motor tasks: a review of research and theory". Psychology of Sport and Exercise. V.3 (issue 3): С.237-156.

А. Н. Тепляшина

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ БАКАЛАВРИАТА ПО ЖУРНАЛИСТИКЕ

В статье рассматриваются образовательные технологии, акцентируются активные формы обучения как приоритетные в реализации целей подготовки бакалавров журналистики. Обосновано условие успеха университетской подготовки журналистов, которая осуществляется на основе методики активных форм, развивающих различные виды умений: коммуникативно-познавательные, коммуникативно-этикетные, коммуникативно-регулятивные, ценностно-ориентационные и социокультурные.

Ключевые слова: образовательные технологии, знание, компетентность, компетенции, активные формы обучения.

A. N. Teplyashina

St. Petersburg State University

EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF IMPLEMENTATING THE BACHELOR'S DEGREE IN JOURNALISM

The article discusses educational technology, the emphasis on active forms of learning. Active learning has become a priority in the implementation of the objectives of the bachelor of journalism. University preparation for journalistic work is successful if it is based on the technique of active forms that develop different types of skills: communicative-cognitive, communicative-etiquette, communicative and regulatory, value-orientation and socio-cultural.

Key words: educational technology, knowledge, competence, competences, active forms of learning.

Согласно индексу готовности стран к сетевому миру, Россия среди 75 наиболее развитых стран переместилась с 66 места по информационно-коммуникационной структуре, с 62 места по программно-аппаратному обеспечению, с 71 по использованию ИКТ в учебном процессе и по человеческому капиталу (уровень образования населения, специалисты в области ИКТ, навыки и опыт использования ИКТ, информационность и мотивация) на 41 место [5]. Шкала прогресса свидетельствует о расширяющихся возможностях использования информационных и коммуникационных технологий в образовательной среде.

Развитие образовательных технологий способствует тому, что образование рассматривается уже не только в контексте функции передачи знаний от поколения к поколению, но становится фактором, оказывающим критическое влияние на общественное развитие, экономический рост государства, становление личности и гражданского общества. В настоящее время роль высшей школы состоит в том, чтобы подготовить личность, умеющую актуализировать свой потенциал, проявлять компетентность, связывать свои действия с ожидаемым результатом, видеть проблемы, моделировать профессиональное мастерство. Новая философия образования отражена в документах и рекомендациях европейских гуманитарных организаций, в частности Совета Европы [2], который предлагает общие критерии для оценки уровня компетентности профессиональной личности.

Современное журналистское образование характеризуется практической направленностью. Формируя компетенции обучающихся, следует учитывать, что современный журналист работает в условиях стремительно развивающейся технологии поиска, приема, обработки и передачи информации, вследствие чего профессия журналиста высокотехнологична по своему характеру, а это требует усиления и постоянной модернизации данного компонента обучения. Журналистское образование сегодня меняется вместе с самой высшей школой и, безусловно, с журналистикой и современными медиасистемами. Значимая причина современных изменений связана с разнонаправленными векторами творческого характера журналистики и её бытованием на рынке СМИ. Преодоление диссонанса связано с освоением широкого комплекса знаний и навыков, закладываемых еще в процессе образования. Задача формирования компетентности будущего журналиста и блоковая организация учебного плана давно вошла в практику журналистских вузов страны, но сейчас такой подход требует дополнения новыми формами.

Интерактивные формы обучения отнесены к классу образовательных технологий, обозначенных как технологии модернизации обучения на основе активизации и интенсификации деятельности обучающихся. Активные формы обучения – это методы, которые побуждают студентов к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом. В качестве основных неоспоримых достоинств выступают высокая степень самостоятельности, инициативности, развитие социальных навыков, сформированность умения добывать знания и применять их на практике, развитие творческих способностей. Чувство свободы выбора делает обучение сознательным, продуктивным и более результативным.

Активные формы обучения включают в себя технологию проблемного обучения, технологию проектного обучения, игровые технологии, интерактивные технологии.

Технология проблемного обучения – такая форма, в которой процесс познания учащихся приближается к поисковой, исследовательской деятельности. Успешность проблемного обучения обеспечивается совместными усилиями преподавателя и студентов.

Основной дидактический прием – создание проблемной ситуации, имеющей форму познавательной задачи. Познавательные задачи должны учитывать возможности студентов, находиться в русле изучаемого предмета и быть значимыми для усвоения нового материала.

Функция обучающихся – не просто переработать информацию, а активно включиться в открытие неизвестного для себя знания. Основная задача преподавателя – не столько передать информацию, сколько приобщить учащихся к объективным противоречиям развития научного знания и способам их разрешения. В сотрудничестве с преподавателем студенты открывают для себя новые знания, постигают теоретические особенности отдельных тем дисциплины. Эффективными проблемными методами являются диалогические методы: побуждающий и подводный диалоги.

Активные формы обучения все более явно ориентируют образовательные технологии на творческую инициативу, самостоятельность, конкурентоспособность, мобильность не только будущих бакалавров и магистров, но и преподавателей. Активные формы обучения нашли отражение в Федеральном законе «Об образовании», Концепции модернизации отечественного образования. В структуре новых компетентностно-ориентированных учебных планов на них отведено времени в объеме не менее 33 процентов от аудиторных часов.

Развитие активных форм обучения как вида образовательных технологий соотносится с глобальной задачей обеспечения вхождения человека в социальный мир, его продуктивной адаптации в этом мире, вызывает необходимость постановки вопроса обеспечения образованием более полного, лично и социально интегрированного результата. В качестве общего определения такого интегрального социально-лично-поведенческого феномена как результата образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих и выступило понятие «компетенция/компетентность».

В работе Дж. Равена «Компетентность в современном обществе» [3], дается развернутое толкование компетентности. Виды компетентности – это и есть способности. Например: тенденция к более ясному пониманию ценностей и установок по отношению к конкретной цели; тенденция контролировать свою деятельность; вовлечение эмоций в процесс деятельности; готовность и способность обучаться самостоятельно; поиск и использование обратной связи; уверенность в себе; самоконтроль; адаптивность: отсутствие чувства беспомощности; склонность к размышлениям о будущем: привычка к абстрагированию; внимание к проблемам, связанным с достижением поставленных целей; самостоятельность мышления, оригинальность; критическое мышление; готовность решать сложные вопросы; готовность работать над чем-либо спорным и вызывающим беспокойство; исследование

окружающей среды для выявления ее возможностей и ресурсов (как материальных, так и человеческих); готовность полагаться на субъективные оценки и идти на умеренный риск; отсутствие фатализма; готовность использовать новые идеи и инновации для достижения цели; знание того, как использовать инновации; уверенность в благожелательном отношении общества к инновациям; установка на взаимный выигрыш и широта перспектив; настойчивость; использование ресурсов; доверие; отношение к правилам как указателям желательных способов поведения; способность принимать решения; персональная ответственность; способность к совместной работе ради достижения цели; способность побуждать других людей работать сообща ради достижения поставленной цели; способность слушать других людей.

Обращает на себя внимание присутствие в различных видах компетентности категорий «готовность», «способность», а также фиксация таких психологических качеств, как «ответственность», «уверенность», благодаря таким активным формам обучения, как инновационные образовательные технологии.

Таким образом, целью высшего образования на современном этапе является развитие тех способностей личности, которые необходимы ей самой и обществу в целом; включение социально-ценностной активности личности; обеспечение возможностей эффективного самообразования за пределами институционализированных образовательных систем [4]. Развитие ИКТ, формирование информационного общества способствует тому, что образование рассматривается уже не только в контексте функции передачи знаний от поколения к поколению, но становится фактором, оказывающим критическое влияние на общественное развитие, экономический рост государства, становление личности и гражданского общества. Образование становится фактором, обеспечивающим национальную безопасность.

Основной смысл Болонского процесса состоит в том, чтобы вузы, готовя грамотных и компетентных специалистов, больше удовлетворяли требования современного рынка труда. Однако модель двухуровневого образования вызвала серьезные дискуссии. Дебаты в научной среде, споры между руководителями вузов о том, приживется ли в Российской Федерации Болонская система, привлекли внимание общественности к проблеме перехода на новую модель образования в начале 2000-х годов.

Среди тех, кто не отрицал позитивное значение трансформации образовательного процесса, была декан факультета журналистики МГУ

Е. Л. Вартанова. В одном из интервью она высказала следующее суждение: «Болонская система студенту предоставляет определенные возможности для выбора, она менее унифицирована и нормативна, чем специалитет. В этом есть здравый смысл. На мой взгляд, система «4+2» для журналистики сравнима с пятилетним образованием. Однако важнейшим условием для России должно стать то, что все бакалавры получают возможность продолжить обучение в магистратуре на бюджетных местах» [1]. К 2009 г. стало ясно, что двухуровневая подготовка в высших учебных заведениях – вопрос решенный, поскольку Россия подписала Болонскую декларацию, европейский проект, который, прежде всего, отвечает на вызовы глобального рынка образования.

Первым среди факультетов журналистики, перешедших на двухуровневую систему подготовки, был факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Концепция подготовки бакалавров стала ориентироваться на запросы рынка труда, то есть на запросы практической журналистики. Обучающимся Болонский процесс дал определенные плюсы. Университет, сохранив за собой гарантию качества по всем предметам, дал возможность каждому студенту выбрать наиболее интересный курс из предлагаемых элективных предметов, отвечающий его интересам. Другой плюс – увеличение контактных часов преподавателей и обучающихся, в режиме которых происходит формирование практических навыков. Практика не только входит в процесс обучения, но и становится своего рода критерием образования.

Подготовка журналистов-бакалавров в университете предопределила усиление цикла профессиональной подготовки. Для этого факультет организовал мастерские и активно привлек к преподаванию творческих дисциплин журналистов-практиков, представителей медиаиндустрии и экспертного сообщества. Для того, чтобы сохранить академические традиции и ответить на вызовы рынка труда, для постоянного сотрудничества с работодателями был создан экспертный совет. В него вошли известные петербургские журналисты и менеджеры СМИ, чей опыт оказался востребованным руководством факультета в планировании учебного процесса. Кроме того, обновилась учебная инфраструктура, открылись новые компьютерные классы, была осуществлена дигитализация телевизионной студии, оборудован мультимедийный ньюс-рум. Факультет закупил программное обеспечение, чтобы обучающиеся могли получить навыки работы с современными цифровыми технологиями верстки, монтажа, фотографии.

Бакалавриат как ступень подготовки репортеров и корреспондентов редакций СМИ стимулировал высшие школы журналистики организовать учебный процесс так, чтобы он соответствовал важнейшим характеристикам первой ступени образования, среди которых – фундаментальность; глубокая теоретическая подготовка; овладение современными технологиями сбора, обработки и хранения информации; формирование готовности к продолжению обучения на следующем уровне.

Примечания

1. Елена Вартанова: «Влияния кризиса мы пока не ощутили – наоборот, абитуриентов стало больше!» // Частный корреспондент. 2009. 7 сент.
2. Проект «Совет образования для Европы». Берн, 1996.
3. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002. 396 с.
4. *Рожина Л. В., Карпунова А. Л., Сладков А. В.* Современные педагогические технологии. Иркутск: Иркутский ун-т, 2006. 167 с.
5. Экспертный центр электронного государства. URL: <http://d-russia.ru/rossiya-ostalas-na-41-meste-v-rejtinge-setevoj-gotovnosti-vsemirnogo-ekonomicheskogo-foruma-2016.html>.

О. И. Трохинова

Санкт-Петербургский гос. ун-т

СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ОДНА ИЗ ФУНКЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ

В статье представлен обзор коммуникационных процессов, сопровождающих евразийскую интеграцию. Социальное признание является одной из основ легитимации власти. Уникальный опыт Евразийского экономического союза открывает широкие возможности для разработки практико-ориентированных технологий, обеспечивающих легитимность на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: Евразийский союз, легитимность, непопулярное политическое решение, профессиональные коммуникаторы, коммуникационные стратегии, GR.

O. I. Trokhinova

Saint-Petersburg State University

SOCIAL RECOGNITION OF POLITICAL DECISION ON THE EURASIAN SPACE AS ONE OF THE FUNCTION OF PROFESSIONAL COMMUNICATORS

The article presents the overview of the communication processes for Eurasian integration. Social recognition is one of the foundations for the legitimization of the political power. The unique experience of the Eurasian Economic Union opens wide opportunities for the development of practice-oriented technologies for provide legitimacy at the national and international levels.

Key words: Eurasian Union, legitimacy, unpopular political decision, professional communicators, communication strategy, GR.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве представляют собой различные формы взаимопроникновения. Одна из них – проект Евразийского союза. Приступая к анализу сопровождающих его коммуникационных процессов и политического дискурса, необходимо разобраться в существующих проектах евразийской интеграции.

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учреждённая соответствующим договором [1]. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

Евразийский Союз – предполагаемое название проекта конфедеративного союза государств постсоветского пространства. Термин «Евразийский Союз» некорректно отождествляют с ЕАЭС, необходимо понимать: эти проекты различны по степени интеграции. Проект Евразийского союза остается лишь идеей – в 2013 г. политические лидеры сообщают, что они выступают исключительно за экономическую интеграцию, предусматривающую сохранение национальных суверенитетов.

Одна из декларируемых целей ЕАЭС – создание условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов сообщества. Также, по словам В. В. Путина,

ЕАЭС должен стать эффективной связкой между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом [3]. Президент Белоруссии А. Г. Лукашенко выразил готовность тесно взаимодействовать с руководством России и Казахстана, допустив формирование наднациональных органов, в том числе политических. Глава Казахстана Н. А. Назарбаев, в свою очередь, выделил важнейшие черты Евразийского Союза как «мегапроекта будущего», среди которых конкурентоспособность экономического объединения, добровольный характер интеграции, необходимость широкой общественной поддержки и др. [5]. Остановимся на последнем факторе: в общественном поле ситуация характеризуется явными противоречиями: интеграция в рамках ЕАЭС против явных процессов дезинтеграции в рамках СНГ. При этом нет официального центра, но в медиадискурсе часто фигурирует идея о том, что союз – еще один метод усиления российского влияния. Критика проекта в целом не нова: Ж. Тощенко еще в 1997 г. писал о том, что концепция Евразийского союза не проработана [4, с. 53].

Современные эксперты также обращают внимание: «То, что сегодня происходит под названием «построение Евразийского союза», является разработкой нагромождения нескольких двух- и более сторонних документов, регулирующих отношения между отдельными государствами» [5].

Противоречие обостряется и становится абсолютно очевидным в области публичных коммуникаций. Если в 2011 г. лидеры государств подчеркивали необходимость прочной социально-политической надстройки, то уже в 2013 г. тональность резко меняется и речь идет только об экономическом сотрудничестве. Таким образом, очевидно отсутствие поддержки идеи широкой общественностью, включая экспертное сообщество. Для населения идея во многом непонятна из-за отсутствия её перехода в практическое поле.

В этом контексте стоит поговорить о так называемых непопулярных политических решениях. Непопулярность – качественная характеристика политического решения [2]. В общих случаях такой тип государственного публичного решения влияет на степень удовлетворения базовых потребностей граждан в пище, крове и т. д. Реализация непопулярного политического решения может стать причиной массовых протестов и поставить под угрозу государственную безопасность. Именно поэтому важно осмысление методов легитимации, которые связаны не только с юридическим, но и социальным признанием. Идея Евразийского Союза не всегда коррелирует с реальной повест-

кой дня, – часто остается за её рамками. Однако именно это предоставляет возможность вести практико-ориентированные исследования в области социального признания политических решений.

В исследовательской среде существуют критика коммуникационных основ, базовых идей ЕАЭС. Во многом они могут претендовать на звание факторов непопулярности. Несмотря на опровержение идеи построения союза на базе СССР, прослеживается преемственность пространственно-временных форм, которая сама по себе воспринимается неоднозначно. Также существует асимметрия участия и отсутствие признанного центра, а отсюда – не совсем ясный дальнейший курс.

Встает вопрос о необходимости скоординированных действий, разработки коммуникационной стратегии, включающей в себя работу с общественным мнением, с экспертным сообществом, а также формирование единого декларируемого курса на уровне первых лиц. С этой задачей могут справиться подготовленные специалисты, знающие специфику развития евразийского пространства, психологические и коммуникационные особенности.

Интеграция на базе учебных заведений ЕАЭС способна создать класс новых специалистов по связям с общественностью в политике и государственном управлении. Одной из их профессиональных задач станет поиск эффективных методов легитимации и обеспечения социального признания политических решений на национальном и международных уровнях. Таким образом, речь идет о создании некой профессиональной прослойки, играющей связующую роль сразу в нескольких плоскостях, различных по масштабам: между государствами-участниками, их лидерами, экспертами и элитой, широкой ответственностью. Создание подобного института на стыке дипломатии и GR способно стать новым и во многом уникальным шагом с точки зрения интеграции, а также академического интереса научного сообщества и представителей высшей школы.

Примечания

1. Евразийский экономический союз. Официальный сайт. URL: <http://www.eurasianunion.org> (дата обращения: 02.09.2017).

2. *Костина К. К.* Технологии принятия и реализации непопулярных политических решений. дис... канд. полит. наук. Саратов, 2007.

3. *Михайленко А. Н.* Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // *Вопр. политологии.* 2011. Вып. 4. С. 136–142.

4. Тоценко Ж. Т. Постсоветское пространство: Суверенизация и интеграция // Этносоциол. очерки. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. 212 с.

5. Яшкова Т. А. Евразийская интеграция как приоритетное направление российской внешней политики // Евразийский союз. 2014. Вып.1-2(6-7). С. 80–84.

В. В. Тулупов

Воронежский гос. ун-т

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена анализу проблем медиаобразования и медиапедагогики на постсоветском пространстве. Изучается опыт России, Белоруссии, Казахстана, Армении, Молдовы, Украины, Грузии.

Ключевые слова: медиаобразование, медиапедагогика, информационная эпоха, массовая коммуникация, информационные технологии.

V. V. Tulupov

Voronezh State University

MEDIA EDUCATION ON THE POST-SOVIET SPACE: EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to the analysis of the problems of media education and media pedagogy in the post-Soviet space.

Keywords: media education, media pedagogy, information age, mass communication, information technologies

Анализ состояния медиаобразования на постсоветском пространстве показал, что данное педагогическое направление развивается, хотя и не такими быстрыми темпами, как этого хотелось бы и как этого требует сложившаяся ситуация в нашу информационную эпоху. Но не следует думать, что медиаобразование – детище нового тысячелетия; оно стало активно развиваться уже в первой половине прошлого века как кинообразование, в т. ч. и в России. Одним из пионеров отечественного медиаобразования был воронежский ученый и практик

Сталь Никанорович Пензин, памяти которого факультет журналистики ВГУ посвятил работу специальной секции 25-й Всероссийской научной конференции «Проблемы массовой коммуникации», прошедшей в Воронеже в мае 2016 г., и выпустил межвузовский сборник с участием коллег из Казахстана и Украины.

Сегодня медиаобразование является частью общего образования школьников, оно реализуется как дополнительное образование в различных досуговых центрах, как дистанционное образование населения и, наконец, как самостоятельное, непрерывное медиаобразование каждого человека в течение всей жизни [1]. Но неверно под медиаобразованием понимать профессиональное образование журналистов, что является довольно распространенной ошибкой [2].

Далее представим обзор состояния медиаобразования в некоторых странах нашего ближнего зарубежья.

Армения. Медиапедагоги этой страны опираются на наследие профессора Д. Н. Абрамяна, учитывая при этом мировые тенденции медиапедагогики. Так, медиаобразовательное поле Армении представлено рядом интернет-сайтов (*www.dpir.mskh.am*, *www.mediaeducation.am* и др.), на которых активно и оперативно публикуется информация, связанная с деятельностью различных медиаобразовательных центров. Действует медийная библиотека им. Тиграна Айрапетяна (*www.gradaran.mskh.am*), интересен опыт школьного интернет-сайта общеобразовательной школы *www.mskh.am*.

Белоруссия. Белорусские медиапедагоги и исследователи медиа придерживаются теории развития критического мышления, а также культурологической, эстетической, практической и социокультурной теорий медиаобразования. Заметим, что понятие теории все же слишком ответственное понятие для обозначения какого-либо направления медиаобразования. Думается, логичнее говорить о подходах, концепциях, стратегиях медиаобразования, выделяя функции и задачи, принципы, методы и средства данной деятельности, а также исторический и актуальный контекст функционирования медиаобразования в конкретном государстве и обществе.

Среди электронных ресурсов, позволяющих расширять коммуникативное поле, выделим два: «Солнечный свет надежды» (*http://sunlight.iatp.by*) и «Белорусскую женскую сеть» (*http://belwomnet.iatp.by*).

Грузия. За последнюю четверть века развитие медиаобразования в Грузии было отмечено несколькими знаменательными событиями:

это открытие в 1992 г. Медиаобразовательного Центра Министерства образования и науки; запуск телевизионного канала «ЛТД», занимающегося производством образовательных фильмов для школьников и молодежи; старт в 2003 г. проекта «За развитие общего информационного пространства в Закавказье»; проведение в Тбилиси ежегодной международной выставки *ElcomCaucasus*, где были представлены современные разработки в области информационных технологий и телекоммуникаций; создание Компьютерного общества.

Казахстан. По мнению профессора Казахского Национального университета имени аль-Фараби Лайлы Ахметовой, в Казахстане на медиаобразование обратили серьезное внимание не так давно: в 2011 г. вопросы медиаобразования нашли отражение в документах, определяющих государственную информационную политику и деятельность гражданского сектора. Между тем, конкретно-социологические исследования в Казахстане показали, что, городские дети уже с 12 лет имеют сотовые телефоны, владеют интернет-технологиями, часами находятся в социальных сетях. При этом интернет для тинейджерской и молодежной среды остается лишь способом развлечения, средой для знакомств и т. п. Эксперты считают, что «Медиаобразование» должно стать таким же общим предметом в средней школе, как и «Информатика», введенная в Казахстане на рубеже веков. Для этого необходимо политическое решение. Тем более Казахстан переходит на 12-летнее образование, а значит, будут вводиться новые курсы и предметы.

Молдова. Переход к информационному обществу в Молдове – это постепенный и сложный процесс, важной и актуальной проблемой которого выступает включение информационных ресурсов в систему образования подрастающего поколения, обеспечения свободного доступа к информации. В 2001 г. в стране провели Национальную Конференцию «Образование для всех», в числе задач которой были проблемы построения в Молдове единого информационного пространства, организация национальной программы «Образование для всех». Своевременными оказались молдавские проекты, связанные с интернет-обучением населения.

Украина. Развитие украинского медиаобразования связано с именами Г. Г. Почепцова, Г. В. Онкович, В. Ф. Иванова, Л. А. Найдёновой и Б. В. Потятиника. Последний в 1999 г. создал во Львовском национальном университете Институт экологии массовой информации, и уже из названия понятно, что главной задачей ставилась защита от негативного влияния медиа.

В заключение обозначим общие подходы и проблемы, характерные для медиаобразования на постсоветском пространстве.

- Укрепляется понимание, что медиаобразование – это вопрос национальной безопасности страны.
- Существует острая необходимость в подготовке квалифицированных медиапедагогов.
- Выявилось нежелание многих руководителей вузов, средних профессиональных учебных заведений, школ, иных учебных учреждений включать интегрированные или специализированные медиаобразовательные курсы в качестве хотя бы факультативных в свои учебные планы.
- Настало время готовить учебную литературу по медиаобразованию для разных категорий слушателей.

Примечания

1. Медиаобразование: опыт и перспективы. Сб. матер. секции «Медиаобразование» XXV Всероссийской науч.-практ. конф. исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью «Проблемы массовой коммуникации». Вып. 1 / под ред. В. В. Тулупова. Воронеж, 2016. 148 с.

2. Федоров А. В. Медиаобразование в странах Восточной Европы / А. В. Федоров, А. А. Левицкая, И. В. Челышева и др. М.: МОО «Информация для всех», 2014. 140 с.

Г. В. Яновская

Балтийский федерал. ун-т имени Иммануила Канта

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена наиболее острым проблемам российской системы образования. Автор рассматривает признаки вирусных идей, этапы и последствия их внедрения на уровнях содержательного ядра, системы управления, принципов организации учебного процесса, научной деятельности и финансирования образовательных учреждений. Реконструируются цели псевдореформ и меры предотвращения реализации деградиационного сценария будущего России.

Ключевые слова: содержательное ядро, оперативное администрирование, финансово-административное давление, технократический вирус, кастовизация.

G. V. Yanovskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University

PROBLEM AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the most acute problems of the Russian education system. The author considers with viral ideas, the order of their implementation on the levels of content, the system of management, the basic principles of academic and research activity and financing of an educational institution. The authors reconstruct the aims of pseudo-reforms and preventing measures resulting in degrading scenario of the future in Russia.

Key words: educational content, operational administrating, administrative and financial pressure, technocratic virus, stratification in the educational system.

Для любого государства качественная система образования является фундаментом его безопасности. Очевидно, что в условиях многовекторной гибридной войны, в том числе информационной и психоисторической [3], развязанной мондиалистами против нашей страны, образование становится одной из основных мишеней, подвергающихся атакам со стороны противников целостности и государственного суверенитета России. Наивно полагать, что древняя китайская мудрость: «Хочешь победить врага – воспитай его детей» – с развитием телекоммуникационных технологий утратила свою актуальность.

В последние годы усилились дезинтеграционные процессы, направленные на разрушение единого образовательного пространства России. Периодически в профессиональную образовательную среду под предлогом реформ (инноваций) вбрасываются вирусные идеи, призванные якобы «улучшить» систему образования, но в действительности направленные на разрушение её фундаментальных оснований: содержательного ядра, системы управления, принципов организации учебного процесса и научной деятельности. Внедрение вирусных идей проходит в несколько этапов: заражение управленцев высшего звена, затем через них – управленцев среднего звена, и в итоге – скоординированная вирусная атака на учителей и профессорско-преподавательский состав. Характерным признаком вирусной атаки является её насильственный характер, основанный на подмене понятий и выра-

женный в бесцельности, необоснованности, тотальности, срочности, безальтернативности и бескомпромиссности внедряемых решений. Внешней оболочкой вирусных идей, защищающих их от конструктивной критики, выступают слова-симулякры: реформа, модернизация, инновация, эффективность, оптимизация, конкурентоспособность и др.

Под их прикрытием в многосерийных ФГОС ВО произведена подмена содержания гуттаперчевыми, ежегодно изменяемыми компетенциями. Под предлогом «практико-ориентированности» из учебных планов вытеснены или минимизированы фундаментальные теоретические дисциплины. Незаметно для многих участников образовательного процесса произведена подмена дедуктивного метода обучения, традиционного для России, индуктивным, органичным для образовательных систем западных стран и США. Как следствие – аналогичная подмена произошла и на уровне мышления подавляющего большинства учащихся (выпускников средних школ последних лет и нынешних студентов), не способных, по наблюдениям преподавателей, к самостоятельному построению развёрнутого понятийно-логического рассуждения и генерированию новых идей [4].

Синхронно с устранением содержания из образовательных стандартов педагогическая наука практически перестала разрабатывать методики, направленные на прочное и всестороннее освоение учащимися учебного материала и развитие у школьников и студентов навыков аналитического мышления. При отсутствии одобренного государством содержания образования каждое учебное заведение упражняется не в разработке и совершенствовании смыслового фундамента, содержательного каркаса и методики преподавания конкретных дисциплин, а в оформлении процедур и инструментов управления учебным процессом: в использовании технических средств, реформировании организационных механизмов и системы оценивания знаний, умений и навыков учащихся. В оболочке «эффективности» и «оптимизации» многими вузами подхвачены вирусы модульной организации учебного процесса, онлайнизации, тестовой и балльно-рейтинговой системы оценивания учебных достижений студентов. Созидательная энергия педагогических коллективов переориентирована с работы над содержанием дисциплин в сторону декорирования формы. Результат известен – катастрофическое повсеместное снижение уровня образованности подрастающего поколения. Если именно эта цель преследовалась «вирусными реформаторами», то она достигнута.

Кроме устранения содержания, а вместе с ним и знаниевой компоненты, в систему образования внедрены производственные подходы, школам и вузам фактически навязана модель функционирования бизнес-структур, основанная на безусловном приоритете финансово-экономических показателей. Как одно из препятствий на пути распространения вирусных идей, из системы управления образовательным учреждением изгнаны научные методы качественного эксперимента и наблюдения, необходимые для апробации и обоснования предлагаемых нововведений до их полномасштабного внедрения, осуществлена их подмена формальными статистическими и финансово-экономическими параметрами.

Коллегиальный принцип принятия решений в вузах фактически замещён оперативным администрированием. Достаточно взглянуть на состав учёных советов федеральных университетов, в которых удельный вес рядовых преподавателей (с учёными степенями и званиями, но без административных должностей разных уровней) исчисляется 6–30 %, чтобы убедиться в том, что под псевдонимом «учёного совета» функционирует обычный административный орган (на 70–94 % состоящий из администраторов разных уровней). При такой диспропорции принятие нужных административных решений, в том числе и имплементация вирусных идей, обеспечено по умолчанию. При этом наличие у администраторов учёных степеней и званий не должно вводить в заблуждение, поскольку присутствие в управленческом аппарате того или иного лица обусловлено не его персональной «учённостью», а соответствующей административной должностью.

Наряду с усилением административного давления и ограничением академической свободы внедрён механизм финансового давления на преподавателей с помощью квазистимулирующих выплат. Вирусно-спекулятивный характер «стимулирующей» системы очевиден: при известной величине фонда оплаты труда, зависящей от количества обучающихся, чем качественнее и результативнее работают все сотрудники, тем меньший размер стимулирующих выплат получает каждый из них. Снижение мотивации сотрудников компенсируется административным давлением. Для преподавателей вводятся жёсткие аттестационные параметры, одним из которых является индекс цитируемости не столько в отечественных, сколько в зарубежных изданиях (что само по себе дискриминирует отечественную науку и принуждает наших учёных работать на развитие научной отрасли зарубежных стран). Очевидно, что данный параметр не может выступать в

качестве показателя научной ценности, так как не способен измерять качество и уровень публикаций и научную состоятельность авторов. Широко цитироваться могут в том числе ложные, ошибочные, антинаучные работы, следовательно, индекс цитирования может быть высоким, а научная достоверность изысканий – отрицательной, но точно так же справедливо и обратное утверждение. Сам по себе параметр цитируемости нечувствителен к качеству публикаций, а следовательно, не может быть использован для оценки труда преподавателей, но идеально приспособлен для оказания давления на них.

В целом в сфере образования возобладала псевдонаучная технократическая тенденция оценивания какого-либо качественного свойства объекта по косвенным количественным параметрам, напрямую не зависящим от самого объекта. Так, один из критериев деятельности вуза – уровень подготовленности абитуриентов, зачисленных на 1 курс, – оценивается по количеству баллов ЕГЭ, выставленных не вузом и отражающих качество работы школы, а не вуза. К тому же 100-балльная шкала позволяет скрыть факт падения уровня образованности школьников. Научная состоятельность преподавателя «калькулируется» по закономерному или случайному количеству «репостов» его мыслей, часто зависящему от сопутствующих факторов: научного веса издания или соавторов, времени публикации, попадания / непопадания в тренд, доступности издания широкому кругу специалистов, а не от ценности суждения конкретного автора, процитированного в положительном или отрицательном контексте. Качество менеджмента оценивается по показателям деятельности подчинённых, а не по адекватности внедрённых управленческих методик или условий, созданных для успешной работы преподавателей. Фактически один объект оценивается по показателям, созданным другим объектом или группой объектов.

Предполагаемая цель внедрения технократического вируса наряду с квазистимулирующей системой оплаты труда – усиление чувства незащищённости, снижение самооценки и сопротивляемости деструктивным воздействиям, обесценивание уникальности индивидуального опыта преподавателя как главного субъекта образовательного процесса для повышения его внушаемости и управляемости, а в перспективе – ликвидация высокопрофессионального образовательного сообщества в целом. В последние годы усилилась поляризация разных страт внутри образовательных организаций: избранных «великих аутсорсеров» и «чернорабочих» преподавателей, господ – управ-

ленцев и рабов – преподавателей. Раскол проходит по линиям целей и средств их достижения, в том числе и по линии распределения финансов.

Следствием кастовизации самопровозглашённых «избранных» и уменьшения доли разнообразия в любой сложной социальной системе является сначала её фашизация, а затем энтропия. Обезличенный, безвольный и послушный преподаватель, превращённый в объект манипуляции, никогда не сможет сделать научное открытие, потому что для этого нужны не только знания и самостоятельность мышления, но и смелость; никогда не сможет вырастить из студента профессионала, потому что для этого нужно самому быть свободной, полноценной, самодостаточной личностью. А это значит, что с уничтожением субъектности преподавателя рухнет вся система образования, а вслед за ней и социальная структура, и государство. Тогда в контексте обострившейся мировой борьбы за будущее станет реальностью самый тупиковый сценарий общественного устройства нашей страны.

Будущее создаётся и «выигрывается» учителями и преподавателями, а не компьютерными технологиями и модераторами. Это хорошо понимают сторонники деградиационного сценария будущего России. Не случайно в последние годы активизировалась многоканальная кампания по дискредитации традиционного системного образования с целью его замены дистанционным псевдообразованием. Сверхцели регрессоров понятны: построение сословного общества, массовая инфантилизация психики, выращивание тотально контролируемого дебильного населения – подвида хомо сапиенс – служебного человека [2]. Над продвижением трансгуманистических идей трудятся многие институты [1].

Для предотвращения реализации деградиационного сценария будущего необходимо на государственном уровне принять стратегически важные решения:

- восстановить единое образовательное пространство;
- реанимировать прогрессивный опыт советской системы образования, основанной на дисциплинарном, наукоцентричном подходе;
- наполнить содержанием образовательные стандарты;
- обязать УМО разработать программы и учебно-методическое сопровождение дисциплин, внесённых в стандарты;
- отрегулировать систему оплаты труда преподавателей в сторону урезания полномочий руководства образовательных учреждений по распределению средств фонда оплаты труда;

- обязать руководство образовательных учреждений обеспечить широкое присутствие преподавателей (а не администраторов) в составе учёных советов;
- отказаться от грантовой формы финансирования научных исследований;
- пересмотреть критерии оценивания труда преподавателей в пользу качественных показателей;
- закрепить принцип академической свободы преподавателей.

Только после решения указанных задач в сфере образования Россия может стать полем притяжения для стран евразийского пространства, ключевым субъектом интеграционных процессов, гарантом будущего Евразии.

Примечания

1. Герман Греф в БФУ им. И. Канта: «Вы не сможете делать бизнес, не обладая цифровой платформой». URL: <https://www.kantiana.ru/news/142/211897/> (дата обращения: 06.08.2017); см. также видеозаписи выступлений Г. Грефа на разных площадках: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=60c42YSnNdl> (дата обращения: 06.08.2017); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KKBaey79LYQ> (дата обращения: 06.08.2017).

2. Ковальчук М. Стенограмма выступления в Совете Федерации. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (дата обращения: 06.08.2017).

3. Фурсов А. Как мы проиграли Холодную войну. URL: http://andreyfursov.ru/news/kak_my_proigrali_kholodnuju_voynu/2017-09-18-660 (дата обращения: 19.09.2017).

4. Ясюкова Л. А. Умные больше не нужны. К чему ведёт реформа школьного образования. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YSXgpMVR9Y0> (дата обращения: 10.09.2017).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

А. В. Забарин

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА РОССИИ У МОЛОДЕЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР И ТИТУЛЬНОЙ НАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В статье представлены результаты эмпирических исследований образов идеального и реального гражданина для представителей молодежи титульной нации и азербайджанской, еврейской и татарской национальных диаспор, проживающих в Санкт-Петербурге не менее пяти лет ($n = 120$). Использовался метод репертуарных решеток Д. Келли.

Результаты исследования. Согласованными оценками идеального гражданина являются его патриотизм, законопослушность, ответственность, независимость (свобода), справедливость, трудолюбие. Значительная часть молодежи Санкт-Петербурга в своем образе идеального гражданина и его отношений с государством приоритет отдают государству, а не личности. Государство воспринимается в роли устроителя жизни, от которого много ожидается и много спрашивается. Выявлена несогласованность оценок по таким качествам идеального гражданина, как неподкупность и социальная активность. Данный результат демонстрирует, что, во-первых, для определенных национальных молодежных групп существует противоречие между требованием закона и этническим пониманием справедливости; во-вторых, утрату идеалом свободы своих позиций абсолютной ценности для части молодежи. Идеальный гражданин России воспринимается в

неразрывной взаимосвязи, взаимозависимости с семьей, этносом, государством. В-третьих, жизненной философией части молодежи стала позиция самоустранения от решения социальных проблем, социальная пассивность. В-четвертых, определенной частью молодежи роль идеального гражданина воспринимается в контексте отношений «купи-продай».

Идеалам глобализации выразила свою приверженность часть азербайджанской молодежи Санкт-Петербурга. Для еврейской молодежи, напротив, оказались востребованными идеалы слабого национализма. Оценки идеального образа азербайджанской молодежи оказались смещены в сторону индивидуализма, а еврейской молодежи в сторону коллективизма. Азербайджанская и еврейская молодежь видит идеального гражданина в роли критика власти.

Русская молодежь оценивает себя как менее патриотичную и законопослушную в сравнении с образом идеального гражданина. Образ Я-реальный еврейской, русской и татарской молодежи демонстрирует достоверно меньшее трудолюбие и даже проявления лени в сравнении с образом идеального гражданина. Для еврейской молодежи Санкт-Петербурга достоверно более значима свобода и независимость идеального гражданина, а для русской молодежи – его неподкупность. Образ идеального гражданина – это направление вектора этнического развития гражданственности и демонстрация проблемных зон воспитательной и образовательной политики государства.

Ключевые слова: гражданская психология, образ идеального гражданина, гражданская культура, этническая культура

A. V. Zabarin

St. Petersburg State University

IMAGES OF THE IDEAL AND REAL CITIZEN OF RUSSIA AMONG YOUTH REPRESENTATIVES OF NATIONAL DIASPORAS AND TITULAR NATION OF ST. PETERSBURG

The article presents the results of empirical studies of the images of the ideal and real citizen for the youth of the titular nation and the Azerbaijani, Jewish and Tatar national diasporas living in St. Petersburg for at least five years ($n = 120$). The method of repertory grids of D. Kelly was used.

Results of the study. The coordinated assessments of the ideal citizen are his patriotism, law-abiding, responsibility, independence (freedom), justice,

diligence. A significant part of the youth of St. Petersburg in its image of an ideal citizen and his relations with the state give priority to the state, and not to the individual. The state is perceived as the organizer of life, from which much is expected and much is asked. The inconsistency of assessments for such qualities of an ideal citizen as incorruptibility and social activity was revealed. This result demonstrates that, firstly, for certain national youth groups there is a contradiction between the requirement of law and the ethnic understanding of justice; secondly, the loss of the ideal of freedom the positions of absolute value for a part of the youth. The ideal citizen of Russia is perceived in an indissoluble relationship, interdependence with the family, ethnic group, state. Thirdly, the position of self-elimination from the solution of social problems, social passivity has become the life philosophy of a part of the youth. Fourthly, a certain part of youth perceive the role of the ideal citizen in the context of the «buy-sell» relationship.

The ideals of globalization were expressed by a part of the Azerbaijani youth of St. Petersburg. For the Jewish youth, on the contrary, the ideals of slight nationalism were in demand. Estimates of Azerbaijani youth were biased towards individualism, and Jewish youth towards collectivism. Azerbaijani and Jewish youth perceive an ideal citizen as a critic of power. Russian youth values themselves as less patriotic and law-abiding than the image of an ideal citizen. The image of I-real of Jewish, Russian and Tatar youth demonstrates significantly less diligence and even displays some laziness in comparison with the image of an ideal citizen. For the Jewish youth of St. Petersburg, the freedom and independence of an ideal citizen is more significant, and for Russian youth – its incorruptibility. The image of an ideal citizen is the direction of the vector of ethnic development of citizenship and the demonstration of problem areas of the educational and educational policy of the state.

Key words: civil psychology, the image of an ideal citizen, civic culture, ethnic culture.

Введение

Формирование гражданского общества неразрывно связано с изменением представлений самих граждан о миссии, роли, предназначении гражданина, его правах, свободах и ответственности во взаимодействии с другими гражданами и государством, о категориях должного, необходимого, справедливого. Волна прокатившихся по России 26.03.2017 молодежных протестов еще раз подчеркнула всю серьезность и значимость этих представлений, требующих как изучения, так и мониторинга. Каким видится образ идеального гражданина

молодежи Санкт-Петербурга и насколько этот образ совпадает с самооценкой молодежью своих гражданских качеств? Различные исследователи [1–11] отмечают наличие взаимосвязей между категориями гражданской и этнической культуры. Именно этническая культура наполняет своими смыслами мироощущение, мировосприятие, миропонимание конкретного гражданина и задает вектор направленности его политического поведения. Цель исследования заключалась в выявлении этнической специфики образов идеального и реального гражданина для представителей молодежи разных национальностей, являющихся российскими гражданами. Гипотеза исследования предполагала, что специфика этнической культуры проявится и в образе идеального гражданина.

В исследовании приняли участие представители титульной нации и азербайджанской, еврейской и татарской национальных диаспор, имеющих российское гражданство и проживающих в Санкт-Петербурге не менее пяти лет. Евреи, татары и азербайджанцы – это самые многочисленные (по результатам переписи) национальные диаспоры в этническом составе населения Санкт-Петербурга. Состав выборки – молодые люди в возрасте от 20 до 25 лет, всего 120 человек (по 30 человек, идентифицировавших себя с каждой национальной группой, из них 50 % – девушки, и 50 % – юноши). Часть исследования проводилась на базе социальной сети «ВКонтакте» (группы «Объединение татарской молодежи Санкт-Петербурга», «Союз Азербайджанской молодежи Санкт-Петербурга», «Гилель Санкт-Петербурга»).

Для проверки гипотезы использовался метод репертуарных решеток Д. Келли. Оценка образа идеального гражданина и самооценка осуществлялись по 17 дескрипторам, отобранных нами для психолого-политического описания роли гражданина. Испытуемому предлагалось оценить, в какой мере (3 – сильно выражено, 2 – умеренно выражено, 1 – слабо выражено, 0 – не уверен, не знаю) представленные в дескрипторах полярные качества должны присутствовать у идеального гражданина и в какой мере они проявляются лично у него. Для оценки значимости результатов на основании критерия Лямбда Колмогорова-Смирнова проводился расчет статистической достоверности значимых событий. Статистически значимыми с вероятностью $P = 0,95$ можно рассматривать случаи равные или превышающие 35,14 %, с вероятностью $P = 0,99$ – случаи равные или превышающие 42,11 %. Достоверность различий между оценками производилась с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни. Иссле-

дование проводилось под моим научным руководством Л. Ф. Сорокиной.

Результаты и обсуждение

Представим итоговые результаты, демонстрирующие распределение полученных оценок идеального (идеал.) и реального (реал.) образа гражданина (в %).

1. Если для юристов сущностью гражданства является правовая связь человека с государством, то для психологов феномен гражданства в широком смысле раскрывается через идентификацию человека с той страной, которая воспринимается им как Отечество, идентификацию с ее народом, языком, культурой, историей, религией, традициями, предками, территорией. Патриотизм как любовь к своему отечеству – это мера этой идентификации. Патриотизм наполняет гражданство как формальную юридическую связь глубинным этническим, социально-психологическим и личностным смыслом.

Распределение оценок идеального гражданина («идеал») по дескриптору «патриотичный-непатриотичный» (табл. 1) показывает их смещение к полюсу патриотизма во всех 4 национальных группах молодежи Санкт-Петербурга. При этом восприятие идеального гражданина как ярко выраженного патриота является статистически значимой величиной ($p = 0.95$) для всех обследованных групп молодежи. Реальный образ («реал.») своей патриотичности наиболее выражен у

Таблица 1. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «патриотичный – непатриотичный»

(The distribution of assessments of the image of the ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «patriotic – unpatriotic»)

Дескриптор		Патриотичный				Непатриотичный		
		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	45%	10%	15%	30%	–	–	–
	идеал.	50%	30%	5%	15%	–	–	–
Евреи	реал.	70%	10%	10%	10%	–	–	–
	идеал.	60%	25%	15%	–	–	–	–
Русские	реал.	10%	15%	20%	25%	15%	10%	5%
	идеал.	45%	45%	10%	–	–	–	–
Татары	реал.	55%	25%	–	5%	–	–	5%
	идеал.	70%	15%	–	15%	–	–	–

еврейской (70 %), татарской (55 %) и азербайджанской (45 %) молодежи и статистически не значимым этот показатель оказался среди русской молодежи. Достоверные отличия между идеальным и реальным образом наблюдаются у русской молодежи. Русская молодежь Санкт-Петербурга оценивает себя как менее патриотичную в сравнении со своим образом идеального гражданина, что ставит исследовательскую проблему оснований, мешающих воплощению сформированного идеала.

2. Понятие национализма, исходно означавшее приверженность национальным интересам, сегодня обрело негативные коннотации, связанные с верой в превосходство нации. Должен ли идеальный гражданин отдавать приоритет своей нации, национальному государству или быть интернационален?

Самоопределение молодежи в плане выбора национализма-интернационализма (табл. 2) показало, что сильно выраженная приверженность идеалам интернационализма проявляется в среде азербайджанской молодежи (45 %). Оценки еврейской молодежи демонстрируют приверженность слабому национализму (65 %). Оценки русской и татарской молодежи по данному дескриптору статистически незначимы. В плане реального образа себя еврейская молодежь достоверно отличается от идеального образа в сторону более выраженного национализма, в остальных группах достоверных отличий нет.

Таблица 2. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «националист – интернационалист»
(The distribution of assessments of the image of an ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «nationalist– internationalist»)

1. Дескриптор		Националист				Интернационалист		
Степень выраженности		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	15%	5%	5%	45%	–	–	30%
	идеал.	20%	–	5%	30%	–	–	45%
Евреи	реал.	5%	80%	10%	5%	–	–	–
	идеал.	5%	25%	65%	5%	–	–	–
Русские	реал.	5%	25%	20%	20%	10%	15%	5%
	идеал.	10%	15%	20%	30%	5%	5%	15%
Татары	реал.	10%	10%	5%	25%	15%	10%	25%
	идеал.	10%	25%	15%	25%	–	–	25%

3. Гражданство в узком смысле слова обозначает производную от правового статуса социальную роль человека. Это роль подразумевает идентификацию себя с правами, свободами и обязанностями, возлагаемыми на гражданина данного государства. Это реализация этих прав, свобод и обязанностей и возникающие в связи с этим отношения с государственной властью и органами местного самоуправления, с другими гражданами и их объединениями. Это гражданская ответственность, гражданская честь, гражданское достоинство, составляющие психологическое содержание роли гражданина.

Анализ оценок ответственности идеального гражданина (табл. 3) показывает общую значимость этого фактора для всех 4 национальных групп молодежи Санкт-Петербурга.

Идеальный гражданин в представлении русской (85 %), азербайджанской (85 %), еврейской (80 %) и татарской (60 %) молодежи Санкт-Петербурга представляется лицом в высшей степени ответственным. Анализ Я-реального молодежи по данному дескриптору показал, что наиболее ответственной считает себя еврейская (90 %), татарская (55 %) и азербайджанская (45 %) молодежь. Для русской молодежи более комфортной является умеренная степень ответственности (45 %). Наиболее близка самооценка своей ответственности к ответственности идеального гражданина у еврейской и татарской молодежи, а достоверное различие по этим оценкам в сторону меньшей ответственности Я-реального наблюдается у русской и азербайджанской молодежи Санкт-Петербурга.

Таблица 3. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «ответственный – безответственный»

(The distribution of assessments of the image of an ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «responsible – irresponsible»)

Дескриптор		Ответственный				Безответственный		
		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	45%	20%	5%	5%	10%	5%	10%
	идеал.	85%	10%	–	–	–	–	5%
Евреи	реал.	90%	5%	5%				
	идеал.	80%	10%	10%	–	–	–	–
Русские	реал.	15%	45%	25%	10%	–	5%	–
	идеал.	85%	10%	5%	–	–	–	–
Татары	реал.	55%	20%	15%	–	–	–	10%
	идеал.	60%	30%	–	–	–	–	10%

4. Внешней стороной ответственности является законопослушность. Ответственность – это внутренний регулятор поведения гражданина: «сам не могу не сделать», связанный с исполнением своих обязательств, социального долга и норм, а законопослушность у некоторых граждан проявляется только под воздействием внешних напоминающих или принуждающих факторов. Законопослушность связана с исполнением юридических норм и законопослушным гражданином считается по факту отсутствия правонарушений.

Максимальной степенью законопослушности, как мы видим из табл. 4, идеального гражданина наделяет азербайджанская молодежь (80 % оценок сильной степени выраженности данного полюса), что в общем практически совпадает с показателями по дескриптору «ответственный». Также статистически значимо этот полюс выражен у татарской (65 %), русской (50 %) и еврейской (35 %) молодежи. Достоверные различия ($p=0.05$) по самооценке законопослушности наблюдаются у русской и еврейской молодежи. При этом русская молодежь оценивает себя как менее законопослушную в сравнении с образом идеального гражданина, в то время, как у еврейской молодежи показатель самооценки своей законопослушности, напротив, достоверно выше оценок образа идеального гражданина.

5. Одним из важнейших показателей гражданской ответственности выступает трудолюбие, как правило, коррелирующее с желанием гражданина быть полезным для других.

Таблица 4. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «законопослушный – незаконнопослушный»

(Rating distribution of the image of the ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) on a descriptor “law-abiding– unabiding”)

Дескриптор		Законопослушный				Незаконопослушный		
		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	65%	15%	5%	10%	5%	–	–
	идеал.	80%	10%	5%	5%	–	–	–
Евреи	реал.	10%	80%	5%	5%	–	–	–
	идеал.	35%	30%	5%	30%	–	–	–
Русские	реал.	30%	35%	10%	15%	10%	–	–
	идеал.	50%	45%	5%	–	–	–	–
Татары	реал.	55%	20%	15%	–	–	–	10%
	идеал.	65%	25%	–	–	–	–	10%

Полученное в результате исследования распределение оценок идеального образа гражданина (табл. 5) смещено в сторону полюса «трудолюбивый». При этом максимальный показатель трудолюбия идеального гражданина является статистически значимым для всех 4 национальных групп молодежи: 85 % оценок сильной степени выраженности – для еврейской молодежи, 75 % – для азербайджанской, 65 % – для татарской и 60 % – для русской молодежи. Статистически значима и оценка Я-реального как трудолюбивого в сильной степени гражданина среди азербайджанской (60 %), татарской (55 %) и еврейской (55 %) молодежи. При этом образ Я-реальный еврейской, русской и татарской молодежи демонстрирует достоверно меньшее трудолюбие и даже проявления лени. Стахановцы в среде современной русской молодежи не стали статистически значимой величиной. Русская молодежь оценивает себя как умеренно трудолюбивую (40 %). Трудоголизм стал исключением, наблюдается определенное снижение трудовой мотивации и девальвация ценности труда.

6. Обратной стороной ответственности является гражданская свобода, независимость.

Идеал свободы, независимости гражданина оказался статистически значимым для молодежи из всех 4 национальных групп (табл. 6). Свобода – это важная ценность для молодежи, но она не является абсолютным фетишем для российской молодежи: распределение оценок смещается в сторону восприятия идеала свободы как умеренной независимости. Можно предположить, что оторванный в 90-е гг. от от-

Таблица 5. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «трудолюбивый – ленивый»

(The distribution of assessments of the image of an ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «industrious– lazy»)

Дескриптор		Трудолюбивый				Ленивый		
Степень выраженности		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	60%	30%	5%	–	–	5%	–
	идеал.	75%	25%	–	–	–	–	–
Евреи	реал.	55%	45%	–	–	–	–	–
	идеал.	85%	10%	5%	–	–	–	–
Русские	реал.	10%	40%	25%	5%	10%	10%	–
	идеал.	60%	30%	5%	5%	–	–	–
Татары	реал.	55%	5%	–	5%	–	5%	30%
	идеал.	65%	10%	–	15%	–	–	10%

Таблица 6. **Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «независимый – зависимый»**

(The distribution of assessments of the image of an ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «independent-dependent»)

Дескриптор	Независимый (свободный)				Зависимый			
	3	2	1	0	1	2	3	
Азербайджанцы	реал.	30%	25%	5%	15%	15%	10%	–
	идеал.	60%	25%	–	10%	–	5%	–
Евреи	реал.	25%	–	15%	10%	20%	30%	–
	идеал.	40%	10%	10%	30%	10%	–	–
Русские	реал.	10%	15%	35%	5%	20%	10%	5%
	идеал.	35%	20%	30%	10%	5%	–	–
Татары	реал.	35%	35%	20%	–	–	–	10%
	идеал.	45%	35%	–	10%	–	–	10%

ветственности идеал свободы от всего и вся начинает обретать связь с семьей, этносом, государством.

При этом по реальному самоощущению свободы этот идеал проявился в максимальной степени только среди татарской молодежи (35 %). Русская молодежь констатирует слабую степень своей независимости (35 % оценок). Достоверные для всех 4 национальных групп различия между реальным и идеальным образом гражданина демонстрируют неизменное желание молодежи получения большей степени свободы.

7. Одним из измерений свободы, обретающим исключительную значимость в свете проблемы формирования коррупционно устойчивой личности, является неподкупность. Неподкупность должна стать одним из оснований, на которых выстраивается гражданская честь. Идеология рынка отводит гражданину роль товара, который должен быть озбочен лишь тем, как подороже себя продать.

Распределение оценок идеального гражданина по дескриптору «неподкупный-продажный» (табл. 7) показывает смещение оценок у азербайджанской (70 %), русской (45 %) и татарской (50 %) молодежи в сторону максимальной степени выраженности полюса «неподкупный» и еврейской молодежи в сторону позиции неопределенности (40 %). Можно предполагать, что за этим стоят культурные особенности еврейского этноса, рассматривающие торговлю исключительно в положительном контексте. Показательно, что молодежное сознание

Таблица 7. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «неподкупный – продажный»

(The distribution of assessments of the image of the ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «incorruptible – corrupt»)

Дескриптор		Неподкупный				Продажный		
Степень выраженности		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	45%	10%	–	45%	–	–	–
	идеал.	70%	10%	–	20%	–	–	–
Евреи	реал.	5%	–	75%	20%	–	–	–
	идеал.	5%	15%	10%	40%	20%	10%	5%
Русские	реал.	10%	25%	30%	30%	5%	–	–
	идеал.	45%	50%	5%	–	–	–	–
Татары	реал.	65%	5%	5%	5%	–	10%	10%
	идеал.	50%	25%	10%	5%	–	–	10%

дает разные оценки свободе, независимости и неподкупности. В частности, если сравнивать оценки по независимости (свободе) и неподкупности, то для еврейской молодежи Санкт-Петербурга достоверно более значима свобода и независимость идеального гражданина, а для русской молодежи – его неподкупность. При этом образ Я-реальный у азербайджанской и русской молодежи достоверно отличается от идеального в сторону меньшей неподкупности, а еврейской молодежи, наоборот, в сторону большей неподкупности.

8. Другим важнейшим основанием гражданской чести является следование гражданином в отношениях с другими принципу справедливости.

Распределение оценок по дескриптору «справедливый» (табл. 8) для всех 4 национальных групп молодежи смещено в сторону максимальной степени выраженности полюса «справедливый»: 95 % оценок – для азербайджанской, (90 % оценок – еврейской, 70 % – татарской и 65 % – русской молодежи. Представители азербайджанской, еврейской и русской молодежи достоверно оценивают себя как менее справедливых в сравнении со своим идеальным образом гражданина.

9. Психологическое содержание гражданства включает в себя особую роль в отношениях человека с государством.

Исследование образа идеального гражданина по дескриптору «ориентированный на приоритет государства» (табл. 9) показало, что в целом распределение оценок молодежи 3 национальных групп смещено в сторону ориентации на полюс «приоритет государства»: азерб-

Таблица 8. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «справедливый – несправедливый»

(The distribution of assessments of the image of an ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «fair – unjust»)

Дескриптор		Справедливый				Несправедливый		
		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	55%	25%	15%	–	5%	–	–
	идеал.	95%	5%	–	–	–	–	–
Евреи	реал.	10%	80%	10%				
	идеал.	90%	10%	–	–	–	–	–
Русские	реал.	25%	50%	15%	10%	–	–	–
	идеал.	65%	30%	–	5%	–	–	–
Татары	реал.	70%	10%	10%	–	–	–	10%
	идеал.	70%	–	15%	5%	–	–	10%

Таблица 9. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «ориентированный на приоритет государства – ориентированный на приоритет личности»

(The distribution of assessments of the image of the ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «priority-oriented state – priority-oriented person»)

Дескриптор		Ориентированный на приоритет государства				Ориентированный на приоритет личности		
		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	30%	–	10%	45%	10%	5%	–
	идеал.	35%	20%	10%	25%	–	10%	–
Евреи	реал.	5%	5%	60%	5%	5%	20%	–
	идеал.	10%	40%	30%	20%	–	–	–
Русские	реал.	10%	–	5%	20%	20%	25%	20%
	идеал.	35%	10%	25%	20%	–	–	10%
Татары	реал.	15%	10%	20%	5%	15%	5%	30%
	идеал.	20%	30%	–	15%	5%	5%	25%

байджанская молодежь – 35 % оценок сильной выраженности полюса; евреи – 40 % умеренной выраженности; русские – 35 % – сильной выраженности полюса. То есть образ идеального гражданина для азербайджанской, еврейской и русской молодежи Санкт-Петербурга – это в большей степени плод государственно ориентированного держав-

ного сознания, отказывающегося вопреки всем рыночным преобразованиям воспринимать государство в роли ночного сторожа. Такие приоритеты в оценках больше подходят для роли государства как защитника и устроителя жизни, на которого возлагаются большие ожидания. Но при этом, образ Я-реальный азербайджанской, еврейской и русской молодежи достоверно отличается большей ориентацией на приоритет личности. Статистически значимые оценки для татарской молодежи по данному дескриптору отсутствуют.

10. Другим измерением отношений гражданина и государства является выбор роли лояльного к власти гражданина или критика власти.

Анализ оценок по данному дескриптору (табл. 10) показывает, что идеальный гражданин с точки зрения представителей азербайджанской (50 % оценок сильной степени выраженности полюса) и еврейской (35 % – слабой выраженности) молодежи видится в роли критика власти. Для русской (40 % оценок) и татарской (35 %) молодежи статистически значимой является оценка неопределенности по данному дескриптору. Образ Я-реальный достоверно отличается от образа идеального гражданина в сторону большей лояльности к власти у татарской, азербайджанской и еврейской молодежи и наоборот, большей критичностью власти – у представителей русской молодежи.

11. Какой должна быть позиция гражданина в обществе? Априорно мы рассматриваем гражданскую позицию как позицию активную, заинтересованную, ответственную, готовую к проявлению инициативы.

Таблица 10. **Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «критикующий власти – лояльный к власти»**
(The distribution of assessments of the image of the ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «criticizing the authorities – loyal to power»)

Дескриптор		Критикующий власти				Лояльный к власти		
		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	10%	20%	20%	25%	5%	15%	5%
	идеал.	50%	10%	10%	20%	–	10%	–
Евреи	реал.	–	–	–	15	5	15	55
	идеал.	30%	5%	35%	30%	–	–	–
Русские	реал.	25%	10%	40%	10%	–	10%	5%
	идеал.	20%	5%	10%	40%	10%	10%	5%
Татары	реал.	–	15%	25%	30%	10%	10%	10%
	идеал.	20%	25%	20%	35%	–	–	–

Распределение оценок идеального гражданина по данному дескриптору (табл. 11) демонстрирует смещение оценок к полюсу социальной активности для представителей 3 национальных групп: азербайджанской (75 % оценок максимальной степени выраженности полюса), еврейской (60 %) и татарской (40 %) молодежи Санкт-Петербурга. Для русской молодежи статистически значимые оценки по данному дескриптору не выявлены. Статистически значимыми оценками социальной активности Я-реального как гражданина являются оценки еврейской (55 % оценок сильной степени выраженности полюса) и татарской (55 % оценок умеренной степени выраженности полюса) молодежи. Оценки Я-реальный показывают достоверно более социально пассивную позицию азербайджанской и русской молодежи в сравнении с их образом идеального гражданина.

12. Важнейшим аспектом гражданской позиции является и самоопределение в приоритетах, отдаваемых собственным интересам или интересам коллектива.

Распределение оценок идеального гражданина по дескриптору «индивидуалист-коллективист» (табл. 12) демонстрирует противоречивую картину. Наблюдается смещенность оценок идеального гражданина у азербайджанской молодежи (40 % оценок сильной степени выраженности) в сторону полюса индивидуализма, а еврейской (35 % слабой степени выраженности) молодежи в сторону полюса коллективизма. Среди татарской молодежи статистически значимой является оценка

Таблица 11. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «социально активный – социально пассивный»
(The distribution of assessments of the image of the ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «socially active – socially passive»)

Дескриптор		Социально активный			Социально пассивный			
		3	2	1	0	1	2	3
Степень выраженности		30%	30%	15%	15%	5%	–	5%
Азербайджанцы	реал.	30%	30%	15%	15%	5%	–	5%
	идеал.	75%	15%	10%	–	–	–	–
Евреи	реал.	55%	30%	10%	–	5%	–	–
	идеал.	60%	15%	10%	–	–	–	–
Русские	реал.	5%	5%	20%	25%	25%	10%	10%
	идеал.	30%	20%	15%	30%	–	5%	–
Татары	реал.	20%	55%	10%	–	–	–	15%
	идеал.	40%	35%	5%	10%	–	–	10%

Таблица 12. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «индивидуалист – коллективист»

(The distribution of assessments of the image of an ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «individualist – collectivist»)

Дескриптор		Индивидуалист				Коллективист		
Степень выраженности		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	30%	10%	20%	20%	–	10%	10%
	идеал.	40%	5%	–	25%	–	15%	15%
Евреи	реал.	10%	40%	20%	15%	15%	–	–
	идеал.	5%	–	–	20%	35%	15%	25%
Русские	реал.	5%	25%	20%	25%	20%	5%	–
	идеал.	10%	10%	–	30%	15%	15%	20%
Татары	реал.	20%	20%	25%	15%	10%	10%	–
	идеал.	20%	5%	10%	40%	25%	–	–

Таблица 13. Распределение оценок образа идеального гражданина (идеал.) и самооценки (реал.) по дескриптору «наглый – скромный» (The distribution of assessments of the image of the ideal citizen (ideal) and self-esteem (real) according to the descriptor «insolent – modest»)

Дескриптор		Наглый				Скромный		
Степень выраженности		3	2	1	0	1	2	3
Азербайджанцы	реал.	15%	20%	–	25%	10%	15%	15%
	идеал.	5%	–	25%	25%	5%	25%	15%
Евреи	реал.	–	25%	30%	25%	20%	–	–
	идеал.	5%	5%	15%	35%	15%	20%	5%
Русские	реал.	–	20%	20%	15%	20%	15%	10%
	идеал.	20%	–	20%	40%	10%	5%	5%
Татары	реал.	10%	20%	10%	15%	10%	5%	30%
	идеал.	–	25%	25%	15%	10%	15%	10%

неопределенности по данному дескриптору (40 %). Для русской молодежи статистически значимые оценки по данному дескриптору отсутствуют.

Не менее интересны и противоречия между образом Я-реальный и идеальным образом гражданина по данному дескриптору. Оценки Я-реальный достоверно отличаются от идеальных образов гражданина в сторону доминирования индивидуализма у представителей еврейской, русской и татарской молодежи.

13. Еще одной важной гранью гражданской позиции является выбор в пользу умеренности в своих требованиях, отсутствия стремления к роскоши, стремления первенствовать, демонстрировать свое я и ставить его выше других (то, что составляет содержание скромности) и противоположной позиции, составляющей содержание наглости (беззастенчивости, грубости, бесстыдстве, дерзости).

Распределение в целом демонстрирует высокую степень разброса в оценках (табл. 13). Добродетель «скромность» в своей максимальной степени выраженности не отождествляется ни одной из национальных групп с образом идеального гражданина, но при этом и ее антипод – наглость не попала в разряд статистически значимых оценок образа идеального гражданина молодежи. Статистически достоверными являются оценки неопределенности образа идеального гражданина по данному дескриптору для еврейской (35 %) и русской (40 % оценок) молодежи.

Выводы

Согласованными оценками идеального гражданина с точки зрения молодежных представителей 4 принявших участие в исследовании национальностей Санкт-Петербурга являются его патриотизм, законопослушность, ответственность, независимость (свобода), справедливость, трудолюбие. Значительная часть азербайджанской, еврейской, русской и татарской молодежи Санкт-Петербурга в своем образе идеального гражданина и его отношений с государством приоритет отдают государству, а не личности. То есть государство продолжает восприниматься молодежью в совершенно особой традиционной роли устроителя жизни, от которого много ожидается и много спрашивается. Можно констатировать воспроизводство традиционного для России этатистского сознания. Идеальный гражданин России воспринимается в неразрывной взаимосвязи, взаимозависимости с семьей, этносом, государством.

Неожиданным было обнаружить несогласованность оценок по таким качествам идеального гражданина как неподкупность и социальная активность. Данный результат демонстрирует, что, во-первых, для определенных национальных молодежных групп существует противоречие между требованием закона и этническим пониманием справедливости; во-вторых, нетождественность категорий независимости (свободы) и неподкупности для части молодежи. В-третьих, жизненной философией части молодежи стала позиция самоустранения от

решения социальных проблем, социальная пассивность. В-четвертых, определенной частью молодежи роль идеального гражданина воспринимается в контексте рыночных отношений.

Наиболее показательные отличия в национальных образах идеального гражданина выявлены по следующим характеристикам:

Идеалам глобализации (человек мира, интернационализм) выразила свою приверженность азербайджанская молодежь Санкт-Петербурга, для еврейской молодежи, напротив, оказались востребованными идеалы слабого национализма.

Оценки идеального образа азербайджанской молодежи оказались смещены в сторону индивидуализма, а еврейской молодежи в сторону коллективизма. Идеальный гражданин с точки зрения представителей азербайджанской и еврейской молодежи видится в роли критика власти.

Ожидаемым было обнаружить различия между идеальным и реальным образом гражданина. Достоверные для всех 4 национальных групп различия между реальным и идеальным образом гражданина демонстрируют неизменное желание молодежи получения большей степени свободы.

Интересным и этноспецифичным оказался их характер:

Русская молодежь Санкт-Петербурга оценивает себя как менее патристичную и менее законопослушную в сравнении со своим образом идеального гражданина. У еврейской молодежи показатель самооценки своей законопослушности, напротив, достоверно выше оценок своего образа идеального гражданина.

В плане реального образа себя еврейская молодежь достоверно отличается от идеального образа в сторону более выраженного национализма. Национальные чувства наиболее выражены в еврейской молодежной среде. Образ Я-реальный еврейской, русской и татарской молодежи отличается от образа идеального гражданина меньшим трудолюбием и даже проявлением лени.

Для еврейской молодежи Санкт-Петербурга более значима свобода и независимость идеального гражданина, а для русской молодежи – его неподкупность. При этом образ Я-реальный у азербайджанской и русской молодежи достоверно отличается от идеального в сторону меньшей неподкупности, а еврейской молодежи, наоборот, в сторону большей неподкупности.

Представители азербайджанской, еврейской и русской молодежи достоверно оценивают себя как менее справедливых в сравнении со своим идеальным образом гражданина.

Образ Я-реальный достоверно отличается от образа идеального гражданина в сторону большей лояльности к власти у татарской, азербайджанской и еврейской молодежи и наоборот, большей критичностью власти – у представителей русской молодежи.

Оценки Я-реальный достоверно отличаются от идеальных образов гражданина в сторону доминирования индивидуализма у представителей еврейской, русской и татарской молодежи.

Оценки Я-реальный показывают достоверно более социально пассивную позицию азербайджанской и русской молодежи в сравнении с их образом идеального гражданина.

Заключение

Нельзя, основываясь на оценке идеального образа гражданина, выстраивать прогноз гражданского поведения. Выявленные в ходе исследования многочисленные противоречия между образом идеального гражданина и самооценкой собственных гражданских качеств могут стать только основанием для прогноза предстоящих изменений либо в содержании гражданских установок (изменение идеала исходя из сложившихся поведенческих стереотипов), либо в содержании гражданского поведения (выработка новых стереотипов в соответствии с содержанием этнического идеала гражданина). Первый вариант, исходя из закона экономии усилий, более вероятен. Возможна и новая точка компромисса между содержанием идеального образа гражданина и привычным поведением.

Образ идеального гражданина – это направление вектора этнического развития гражданственности, отражение этнической культуры и демонстрация проблемных зон воспитательной и образовательной политики государства. В условиях сосуществования и взаимного развития этнических культур в многонациональном российском обществе этот вектор взаимно корректируется каждой из этнических культур. Представителям каждой из национальностей есть чему поучиться друг у друга, есть основа для взаимного интереса к своеобразию каждой из этнических культур и компенсации недостатков. Исторически Россия складывалась как многонациональная страна, в которой на основе взаимного уважения взаимодействуют между собой представители различных культур и религий, традиций и обычаев. Представляется, что основанный на взаимодополнении и взаимообогащении этнических смыслов поиск согласованного образа идеального гражданина должен стать одним из важнейших оснований гармоничных

отношений в полиэтничном, поликонфессиональном гражданском обществе России.

Примечания

1. Герасимова Н. Р., Комарова С. А. Проблемы взаимодействия гражданского общества и государства // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 93–95.

2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности и гражданина России. М., 2009.

3. Дробизева Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12–17.

4. Иванова Н. Л. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 83–93.

5. Карнышев А. Д., Винокуров М.А., Трофимова Е. Л. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009.

6. Никандров Н. Д. Образ жизни общества и самосознание гражданина // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 2. С. 8–21.

7. Перж Ф. Е. Сравнительный анализ реального и идеального образа государства в массовом политическом сознании граждан России // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). 2014. № 7. С. 27–35.

8. Трофимова Е.Л. Представления современных студентов о роли гражданина // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 1.

9. Усманова З. Р. Представления о стране в политическом сознании граждан российского Кавказа: федеральные и региональные образы // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2012. № 1. С. 10–14.

10. Цветкова И. В. Образ россиянина в контексте процессов модернизации моногорода // Научн.-метод. электрон. журнал «Концепт». 2013. № 2. С. 116–122.

11. Чернов В. В. Формирование гражданственности молодежи // Социология. 2008. № 2. С. 216–221.

А. Н. Гришанина

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ВОПРОСЫ МИРОПОНИМАНИЯ МЕДИАТЕКСТА ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА

В статье рассматриваются философско-психологические аспекты современного «прочтения» человека в евразийском пространстве, затрагивающие его духовную, социально-психологическую и мировоззренческую

жизнь. Автор делает попытку осмыслить проблемы функционирования в медиа этнических стереотипов, проанализировать практику экстремистских речевых проявлений в сетевой коммуникации и показать их влияние на эмоциональный настрой общества.

Ключевые слова: евразийское пространство, медиатекст, понимание, экстремизм, эмоциональный настрой, общество.

A. N. Grishanina

St. Petersburg State University

QUESTION OF WORLD VIEW IN MEDIA TEXT EURASIA: PREVENTION OF EXTREMISM

In the article philosophical and psychological aspects of the modern «perusal» of a person in the Eurasian space, affecting his spiritual, socio-psychological and world outlook, are considered. The author makes an attempt to comprehend the problems of the functioning of ethnic stereotypes in media, to analyze the practice of extremist speech manifestations in network communication and to show their influence on the emotional mood of society.

Key words: Eurasian Space, media text, world view, emotionality extremism, society.

В последнее время на страницах медиа (СМИ, Интернет и другие Сети) часто и подробно обсуждаются вопросы интеграции на пространстве Евразийского союза. Полноценный и эффективный для человека процесс не должен происходить только в политике и экономике, «важна ментальная близость народов ЕАЭС», – отмечает М. В. Дегтярев [3].

Постоянное усложнение политической и социальной обстановки, и не в последнюю очередь это связано с развитием событий на Украине и в Сирии, а также ухудшение межэтнических отношений с трудовыми мигрантами в центральных и западных регионах России, создают барьеры в процессах понимания на уровне взаимодействия Европы и Азии, стран Евразийского союза. Средства массовой информации реагируют на каждую новость, журналисты пытаются проанализировать обстановку, но нередко дают волю эмоциям и начинают воспринимать ситуацию крайне субъективно. Подобный эмоциональный

настрой копируют пользователи социальных сетей, чутко улавливая, «откуда ветер дует». В такой ситуации публицисты, пытающиеся убедить читателей в справедливости своей точки зрения, используют любые средства, как художественные, так и психологические для воздействия на аудиторию.

Многие проблемы понимания иномерного, «другого» в социуме возникают в результате упрощенного, стереотипного восприятия «соседей по планете», а также навешивания ярлыков. А ведь уникальная культура каждого этноса порождает специфическое мироощущение и манеру поведения его представителей. И, естественно, язык как часть культуры. Этническая психология указывает на особенности в сознании и поведении представителей различных этносов, рассматривает менталитет как на групповом, так на индивидуальном уровне.

Об особенностях миропонимания каждой отдельной этнической группы, национальности мы судим на основании некоей информации об этой группе и присущем ей менталитете. Так появляются этнические стереотипы, в которых содержится упрощенный, схематизированный образ этноса (на языке пользователей Сети – «хохол», «хачик», «чурка», «азер», «тупой ватник» и другие слова оскорбительной направленности, имеющие отрицательную коннотацию).

«*Хохол*» – так называют украинцев по признаку национальности и жителей Украины по социальному признаку, слово стало своего рода этническим стереотипом, пользователи Сети охотно употребляют его по отношению к жителям страны Украина. Толковый словарь С. Г. Кузнецова отмечает, что название украинца хохлом первоначально было уничижительным [1, с. 756]. Данное слово относится к этнофолизмам (экзоэтноним с отрицательной коннотацией), это может быть уничижительное, оскорбительное, иногда шутовское прозвище украинцев. Этнофолизмы включают в себя негативно коннотированные именованья представителей различных этносов в жаргонах-социолектах или арго и проникают оттуда благодаря экспрессивности как средства стилизации в литературный язык. Впервые слово «хохол» зафиксировано в словаре «Трязычный лексикон» Федора Поликарпова в 1704 г. Таким образом, слово хохол в современном русском языке вне контекста не имеет прямой оскорбительной коннотации. Слово существительное «*хохол*» может иметь функцию прозвища, а также относиться к пейоративам (от французского слова *réjoratif* или от латинского *rējōgāte* – «делать хуже»), то есть, к словам, выражающим негативную оценку чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание,

иронию или презрение. При помощи пейоративов выражаются негативные эмоции. Вроде ничего особенного. А не лучше ли указанное слово не употреблять в публичной речи?

Такая же история происходит с употреблением в комментариях и репостах слова «хач», «хачик», которое стало носить характер оскорбления после большого количества публикаций. В русском языке первоначально распространилась форма «хачик», произошедшая от распространённого армянского имени Хачик (уменьшительное от «Хачатур» («Данный Крестом», аналогично «Аствацатур» – «Богдан»), от которого происходит известная армянская фамилия Хачатурян. В процессе развития языка, в том числе и благодаря СМИ, слово было усечено до формы «хач», как это часто бывает с национальными прозвищами.

В ряде регионов России слово «хач» используется местными жителями как нарицательное для представителей всех народов Кавказа.

На страницах социальных сетей нередко можно встретить и слово «ватник», которым обозначают русских людей. Существительное «**ватник**» трактуется в переносном значении в качестве сленговой лексики. Словари указывают, что слово относится к интернет-мемам, которыми называют патриотов России и представителей русского народа их противники. Слово вошло в Интернет-общение и стало выполнять роль термина в 2011 г. для обозначения патриотов России как «патриотов-фанатиков». Данное слово может употребляться и без негативного оттенка, в значении «патриотически настроенный представитель русского народа», но, как правило, не употребляется без иронии либо сарказма.

Стереотипизация как способ познания является одним из наиболее удобных для индивида, т. к. она требует меньше усилий, чем глубинное распознавание и осмысление окружающего мира [2, с. 7].

В целом можно выделить несколько основных причин появления в обществе стереотипов: 1) потребность в экономии усилий (вместо глубокого, требующего затрат познания окружающего мира индивид может прибегнуть к использованию существующих шаблонов); 2) потребность в самоидентификации в контексте шаблона «мы-они» (индивид, принадлежащий к одной группе, принимает существующие в ней стереотипы о других группах); 3) потребность в объяснении и сохранении межгрупповых отношений (отношения строятся по принятому в обеих группах шаблону, что позволяет избежать конфликтных ситуаций) [2, 8]. Автор отмечает, что «социальные представления

включают индивидов в систему социального взаимодействия, заставляют индивидов интерпретировать события определенным образом».

Считается, что этнические стереотипы формируются на основе от-refлексированной и структурированной, но неточной и схематизированной информации, полученной в ходе межэтнических контактов. В таких случаях полученная участниками друг о друге информация далеко не всегда отражает полную картину, нельзя забывать и о субъективном восприятии этой информации. В результате рефлексии из полученной информации о поведении и ценностях представителей другой группы формируются ключевые понятия о ней, которые и представляют собой этнический стереотип.

Все вышеописанные процессы чаще всего отражаются в медиатекстах и комментариях на сетевых информационных платформах.

Интернет в последние годы становится причиной многочисленных изменений, происходящих с человеком: зависимость, агрессивность, эмоциональное напряжение, фрустрация и пр. На процесс изменений влияют события в мире, которые подаются часто в виде информации экстремистского либо угрожающего характера; специалисты говорят о необходимости изучения контента социальных сетей с целью разработки коммуникативных стратегий безопасности, партнерства, защиты.

В рамках исследовательской деятельности автором проанализировано 80 страниц социальных сетей (2016 г.), выявлены страницы и ссылки, на которых чаще всего встречаются агрессивно-деструктивные тексты, речевые угрозы, информация экстремистской направленности. Пользователи, выступающие в роли комментаторов на посты, не пытаются понять, что хотели сказать журналисты.

Возможно, авторы «порождают» неграмотного и некомпетентного читателя, а читатель агрессивным настроением («все плохо»), в свою очередь, «заставляет» автора нацеливаться на рейтинги и «жареные факты», а не на информирование и просвещение аудитории. Журналисты, освещающие вопросы сосуществования в евразийском пространстве, должны с большей внимательностью подходить к созданию материала, выбору способов и методов донесения информации.

Исследования медиаконтента показали: 1) пользователь подчиняется всем правилам игры; 2) одновременно «бунтует» против них, оказывает сопротивление новой социализации, проходящей с помощью интернет-приемов. У человека появляется иллюзия выбора: поддерживать языковое равновесие или сохранить свое «Я» вопреки принятым в данном сообществе правилам. Не все требования норм и правил мо-

гут быть достаточно обоснованы; не всегда осознаются теми, кто оказывается в интернет-контакте.

Большинство диалогов социальной сети «ВКонтакте», в которых можно встретить агрессивно-деструктивные высказывания, открыты всем, реплики являются источником возникновения диалогичной речи. Основные приемы: репост (как акт копирования записи к себе на страницу), также сама скопированная запись или новость; комментарий как авторское пояснение к тексту, рассуждение и развитие темы, замечания к посту или репосту. Психолингвистические исследования показали: формы контактов в Сети напрямую зависят от намерений автора информации. Анализ фраз авторов текстов, репостов и комментариев выявил их намерения: продемонстрировать мнение по поводу конкретного события, сделать собственные выводы и прогнозы, использовать некий текст как инструмент угрозы, выявлены и риски ее воплощения. Информация в большинстве случаев является оценочной: человек заявляет о себе, высказывает, что он думает по этому поводу. Среди авторов – пользователи с активной жизненной позицией, имеющие образование, знания по обсуждаемой теме, однако часто непонятые в своей среде или же ищущие новых контактов; во многом отвечающие характеристике современного сетевого читателя: анонимность, отсутствие внутренней цензуры, желание провоцировать (троллинг). Иногда процесс «взрослой» социализации проходит у пользователя путем эпатажного поведения в Сети (ирония, сарказм, сексизм, пародия).

Чаще всего экстремистские проявления в форме вербальной агрессии проявляются в комментариях, как попытке «поговорить». Авторы реплик рассчитывают не только на тех, кто вступил в переписку-диалог, но и на потенциального читателя («меня еще оценят»). Тематика и тональность диалога произвольно меняется в ходе его развертывания, например: тема войны, назначения на должности, экономическое положение страны или региона, оценка действий политиков, личная оценка качеств говорящего, просто вербальная и невербальная (картинки-репосты) эмоциональная реакция. Намерения авторов проявляются в использовании ими механизма заражения через личный пример путём трансляции своей готовности совершить какие-либо поступки (например, так называемые группы смерти «ВКонтакте» и др.); часто – в высказываниях (агрессивные слова, нецензурная брань, построение фраз с использованием повелительных конструкций и пр.), которые могут сформировать у пользователей ощущение иденти-

фикации с группой «избранных», противостоящей большинству обычных людей («рашка», «толпа», «быдло» и др.).

Пути профилактики экстремизма намечены самой жизнью и подкреплены исследованиями, размышлениями ученых и опытом практических журналистов, понимающих сложность процесса взаимодействия на новом пространстве. Они заключаются в разъяснении, просвещении, иногда – в уходе от агрессивного созерцания мира, тщательной работе с нормативными документами. А еще – это компетентный сбор информации, грамотное информационное сопровождение (компетентность журналистов).

Исследователь Ф. Ф. Саттарова отмечает: «Евразийское пространство – это единая Земля, единый человеческий дух в его вечном поиске; глубокое человеческое видение мира; культурное мировое пространство; целостность, объединяющая в смысловое единство различные аспекты жизни; культурно-исторически реконструированная модель мира» [4].

Примечания

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2008. 1536 с.

2. Бочкарева А. В. Этнические стереотипы: основные методологические подходы к исследованию и особенности использования психосемантических методов: автореф. дисс. ... канд. соц. н. М., 2014.

3. Дегтярев М. В. Важна ментальная близость народов ЕАЭС / Евразия. 2015. №2 // <http://www.eurasia-info.com/vazhna-mentalnaya-blizost-narodov-eaes> (дата обращения 01.11.2017)

4. Саттарова Ф. Ф. Логико-методологический смысл идеи евразийского пространства. Вестник КарГУ // <https://articlekz.com/article/5015> (дата обращения 01.11.2017).

В. А. Гуторов

Санкт-Петербургский гос. ун-т

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПЕРТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

В статье анализируются некоторые направления психологической интерпретации феномена терроризма. В общественном сознании терро-

ризм как важнейший фактор современной политики воспринимается, как правило, весьма поверхностно. Многие современные интерпретации терроризма, при всей их кажущейся внешней объективности, на самом деле постоянно воспроизводят трафаретную историческую логику, основанную на чисто внешнем восприятии терроризма как подрывных акций индивидов и небольших групп, руководствующихся самыми различными политическими мотивами. Данная тенденция постоянно используется средствами массовой информации, закрепляющими в политической памяти шаблонные образы террористов и тем самым ложное восприятие как истинных целей, которые они преследуют, так и тех реальных корпоративных структур, которые финансируют и направляют их деятельность.

Ключевые слова: психология, терроризм, социальная динамика, теоретическая интерпретация, современная политика, массмедиа.

V. A. Gutorov

St. Petersburg State University

ABOUT SOME TENDENCIES OF PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION OF THE MODERN TERRORISM

The article analyzes the main directions of psychological interpretation of the phenomenon of terrorism. In the public opinion terrorism as the most important factor of contemporary politics is often perceived very superficially. Many modern interpretations of terrorism, despite their apparent objectivity have consistently produced a stencil historical logic, based on purely external perception of terrorism as a subversive activity of individuals and small groups, guided by very different political motives. This trend is constantly reproduced by the media, creating conventional images of terrorists in political memory and thereby false perception of the true objectives they pursue and the real corporate structures that finance and direct their activities.

Key words: psychology, terrorism, social dynamics, theoretical interpretation, contemporary politics, media.

Представление о том, что «террористическая ситуация» [1, с. 203] и состояние «глобальной войны» [4, с. 13–54] являются наиболее характерными свойствами современного либерального миропорядка, что глобализация и терроризм – глубоко взаимосвязанные симпто-

мы всеобщего политического и экономического кризиса, в который мир погрузился на рубеже XX–XXI вв., становится на данный момент чрезвычайно устойчивым в гуманитарных науках, философской и политической публицистике [8, с. 320; 20, с. 153–160; 7, с. 61–64]. Оно предельно точно и одновременно метафорично было сформулировано Жаном Бодрийяром (также в качестве комментария к событиям 11 сентября 2001 г.) в знаменитом эссе «Дух терроризма»: «Акт возмездия развивается по принципу такой же непредсказуемой спирали, как и террористический акт, никто не знает, на чем он остановится, где повернет вспять и что за этим последует. Как на уровне образов и информации нет возможности различения между спектакулярным и символическим, так нет возможности различения между преступлением и возмездием. И в этом неконтролируемом развязывании реверсивности заключается настоящая победа терроризма. Победа ощущается в подспудном разветвлении и проникновении события по всей системе – не только в виде прямой экономической, политической, биржевой и финансовой рецессии, и как следствие – моральной и психологической рецессии, но также и в рецессии системы ценностей, всей либеральной идеологии, свободного движения капиталов, товаров, людей и т. д., рецессии всего того, что составляло гордость западного мира и чем он пользовался, чтобы оказывать влияние на весь остальной мир. Вплоть до того, что либеральная идея, еще новая и свежая, уже начинает умирать в сознании и нравах, и либеральная глобализация будет осуществляться в форме совершенно противоположной: в виде полицейской глобализации, тотального контроля и террора безопасности. Либерализация закончится максимальным принуждением и ограничением и приведет к созданию общества, которое будет максимально приближено к фундаменталистскому» [1, с. 117–118].

Главную причину взаимопроникновения терроризма и неолиберального фундаментализма современные философы обычно усматривают в формировании комплекса самопрограммирующей замкнутой циркуляции административной власти, в рамках которой сфера управления программирует саму себя, манипулируя поведением избирателей, предопределяя деятельность правительства и законодательных органов и инструментализируя обсуждение правовых проблем [3, с. 69; 6]. Анализируя формирование нового комплекса власти на уровне идеологического дискурса, Жан-Франсуа Лиотар пришел к выводу, что он несет в себе террористическую угрозу, затрагивая в том числе и сферу науки и образования [2, с. 134–135]. Охарактеризованные выше

моменты современного политического и научного дискурсов как никогда остро ставят проблему определения понятия «терроризм», равно как и вопрос об уровнях и критериях теоретического подхода к его интерпретации и специфике его исторических истоков.

Понятие «терроризм», благодаря гипертрофированному вниманию массмедиа к террористическим угрозам и бесконечному воспроизведению сценариев, связанных с насилием, превратилось для большинства людей в привычное слово. Само многообразие медийных образов террора часто делает проблематичным понимание реальной природы этого социального феномена и уровней исходящих от него угроз. Терроризм как фактор современной политики воспринимается чисто ситуативно, стремление к анализу исторических причин его возникновения блокируется сиюминутными реакциями, в основе которых лежат трафаретные стереотипы, циркулирующие в социальных сетях. Вместе с тем, глобальный масштаб террористической угрозы постоянно стимулирует в научном мире споры, характер которых иногда напоминает состояние, весьма близкое к когнитивному диссонансу. Так, например, как бы в противовес концепции глобальной гражданской войны и террора, развиваемой в работах М. Хардта и А. Негри, психологи Дж. Кипер и Р. Сосис утверждают (со ссылкой на работы Дж. Мюллера и М. Стюарта), что, «несмотря на политическую риторику и длину новостных передач..., предполагаемая угроза может оказаться не настолько смертельной, как это кажется». По сравнению с другими угрозами, такими как аварии или болезни, террористические атаки случаются не так уж часто и большинство из них не достигает цели. «Более того, в то время как терроризм каждый год причиняет ущерб в миллионы долларов, только США со времени событий 9/11 потратили на борьбу с терроризмом свыше одного триллиона долларов» [15, с. 116]. Кипер и Сосис задаются вопросом, почему же люди так склонны переоценивать возможности террористов, и отвечают на него следующим образом: это происходит «вследствие активации модуля страха, который, как и человеческая реакция на пауков или змей, усиленно реагирует на крайние признаки смерти или насилия, независимо от реального уровня угрозы, порождаемой стимулами. В самом деле, реакции такого рода, несмотря на всю реальность терроризма, подчеркивают важность нахождения адаптивных способов преодоления террористических угроз» [15, с. 116].

На наш взгляд, совершенно очевидно, что подобные психологические интерпретации террора почти всегда имеют ограниченный

характер и их «нейтральность» нередко выглядит несколько сомнительной [14, с. 278–280; 13, с. 40–60; 9, с. 1–2]. Ведь мало кто сегодня сомневается в том, что террористические акты, ущерб от которых был оценен Кипером и Сосисом в несколько миллионов долларов, представляют собой лишь небольшой сегмент обозначенной Ж. Бодрийаром «террористической ситуации». Остается только надеяться, что ее анализ рано или поздно побудит этих ученых и их сторонников хотя бы задуматься в порядке ретроспекции над следующим вопросом: какие именно суммы из триллиона долларов, израсходованных США на борьбу с терроризмом, пошли на финансирование террористических групп и организаций, воевавших в Афганистане, Ливии, Ираке и Сирии?

Но учитывать психологические факторы, конечно, необходимо, прежде всего, потому, что они обладают мощным символическим воздействием, направленным, в зависимости от конкретных ситуаций и обстоятельств, как на стимулирование, так и на подавление исторической памяти и ее вытеснение на периферию современной политики.

Обращение к проблеме исторической интерпретации может рассматриваться как один из наиболее существенных моментов современной «политики памяти», которая, как справедливо отмечал Ч. Тилли, одновременно относится «а) к процессу, посредством которого аккумулируемый, становящийся общим достоянием исторический опыт оказывает сдерживающее воздействие на современное политическое действие; б) к борьбе и принуждению, которые возникают в рамках непосредственной интерпретации этого исторического опыта» [23, с. 247]. Приведем лишь один из сравнительно недавних, весьма характерных примеров апелляции террористов к истории. Норвежский террорист Андерс Беринг Брейвик, убивший на маленьком острове Утёйа 69 и ранивший 151 ни в чем не повинных людей, утверждал в своем «манифесте», который он разослал 22 июля 2011 г. своим потенциальным единомышленникам (свыше 1000) менее чем за два часа до организованного им же взрыва бомбы в центре Осло: «Большинство людей сегодня будут обвинять нас как террористов. Однако сто лет назад нас бы чествовали как пионеров, как героев, которые отдали свои жизни в борьбе с тираном-угнетателем» [5, с. 170]. Комментируя данное откровение Брейвика, Т. Арчер, в частности, отмечает: «Ожидая смерть, он хотел быть уверенным в том, чтобы его политическая мотивация для осуществления столь гнусного преступления была понята... Конечно, существуют серьезные вопросы к психологам, психиатрам и

другим исследователям ментального состояния. Их можно спросить о том, страдал ли Андерс Беринг Брейвик во время нападения какой-либо формой умственного расстройства. И действительно, первоначальное заключение экспертов, назначенных судом, сводилось именно к данному предположению. Но это не тот вопрос, который часто задается в отношении палестинского или иракского самоубийцы-бомбиста, террористов-джихадистов по всему миру или этно-националистических радикалов – будь то баски, корсиканцы или тамилы. В этих случаях большинство на Западе склонны удерживать себя в своих оправдательных доводах, объяснениях, идеологических или теологических изысканиях на уровне номинальной стоимости, даже если все названные выше лица вызывают у нас моральное отвращение. Мы просто не называем их сумасшедшими и не гадаем дальше. Именно таким же образом надо поступать и с Брейвиком» [5, с. 170]. В соответствии с подобной логикой, все индивиды и группы, политические организации и государства, прибегающие к террору как к средству борьбы – боевики ИГИЛ, сапатисты, французские военные власти в Алжире, американцы во Вьетнаме, британцы в Индии эпохи восстания сипаев, полпотовцы, российские эсеры-бомбисты, якобинцы, большевики, нацисты и многие др. должны рассматриваться в соответствии с некими общими нейтральными (правовыми) критериями, находящимися за пределами идеологических и даже этических предпочтений.

Разумеется, такой подход вполне оправдан. Но одновременно следует признать: нельзя впадать и в другую крайность, связанную с недооценкой или отрицанием значения идейных факторов, порождающих террористическую деятельность [13, с. 2]. Такой подход предельно обедняет реальность, бросая при этом ложную тень на историческую традицию, которая свидетельствует о том, что идеи сами по себе всегда играли чрезвычайно важную роль в формировании «идеологии террора» и соответствующих институтов, практиковавших террор и насилие, особенно в периоды революционных трансформаций. Это подтверждает опыт большинства стран мира. Основываясь на этом опыте, можно, например, вполне определенно утверждать, что «феномен Брейвика» ясно указывает на возобновление традиции индивидуального террора в Западной Европе, который в XIX в. был значимым фактором формирования радикальных политических движений.

Террористические акты, совершенные Брейвиком, вполне вписываются в одно из общепринятых определений терроризма – «намеренное использование насилия или угрозы насилия для достижения целей –

политических, религиозных или идеологических – путем насаждения страха, использования запугивания или принуждения. Терроризм предполагает преступный акт, часто символический по природе, с целью воздействия на аудиторию помимо непосредственных жертв» [17, с. 42]. В современной научной и философской литературе существуют сотни дефиниций терроризма, которые нередко противоречат друг другу. А. Шмид, изучивший около 250 определений, установил, что ни одно из них не может считаться всеобъемлющим, выделив представленные в них наиболее общие элементы – насилие или его угроза, политическая мотивация и целенаправленное стремление к реализации политических и религиозных проектов, установка на страх и запугивание, особенно в тех случаях, когда имеется в виду аудитория, своим размером превышающая число непосредственных жертв [22, с. 39].

В настоящее время терроризм выступает во множестве форм и обличий [21, с. 8–11; 11, с. 2–10]. Данное обстоятельство обуславливает то, что далеко не всегда представляется возможным связать те или иные акты насилия и сопровождающие их политические декларации с какой-либо конкретной исторической традицией. Поэтому большинство современных аналитиков, как правило, ограничивается определениями, имеющими общий характер, редко пускаясь в исторические изыскания дальше XIX – начала XX вв.

Понимание того, что религия и конфессиональные противоречия не являются тем критическим пунктом, который должен превалировать в дискуссиях относительно определения характера современного терроризма, постепенно становится для ученых все более очевидным. «Сам факт, что многие из тех, кто несет ответственность за распространяющиеся повсюду в последние десятилетия волны терроризма, действовали во имя религии, – отмечают А. Педахзур и А. Перлигер, – породил академический спор, фокусирующийся на прямой ответственности религий в целом и ислама – в частности за увековечивание политического насилия. Изначальный подход, который недавно стал также называться культурным подходом, представлен в работах, утверждающих, что сами различия между религиями, а также нетолерантная и весьма специфическая природа религиозных структур привели их на путь насильственного конфликта. Теологические исследования, которые принимали данный подход и исследовали различные виды оправдания насилия в Ветхом и Новом Заветах, в Коране и других религиозных текстах, столкнулись с широкомасштабным критицизмом. В результате возник альтернативный подход, основывав-

шийся на той предпосылке, что реальные истоки терроризма следует искать в борьбе за ресурсы, территорию и политическое влияние и что религия не может считаться наиболее явной причиной терроризма. В соответствии с этим подходом, терроризм инициируется иерархическими организациями, руководители которых, осуществляя тщательный анализ затрат и выгод, используют насилие лишь постольку, поскольку оно помогает им достигать целей в их борьбе» [18, с. 9].

Источником ложных толкований проблемы террористических угроз нередко является часто притворное и конъюнктурное «принятие на веру» отдающих рекламой деклараций наиболее активных террористических групп. Другая серьезная причина aberrаций такого рода состоит в спонтанном, иногда не вполне осознаваемом стремлении проецировать вовне вполне реальные внутренние террористические угрозы. Как отмечал недавно Стюарт Векслер в книге «Тайный джихад Америки. Сокрытая история религиозного терроризма в США»: «Америка ведет войну против религиозного терроризма, но с далеко не полным знанием и пониманием своей собственной истории внутреннего религиозного терроризма. Но терроризм имеет много форм и с трудом поддается определению даже в кругу ученых» [24, с. 5].

Многие современные интерпретации терроризма, при всей их кажущейся внешней объективности или, наоборот, парадоксальности, на самом деле постоянно воспроизводят привитую со школьной скамьи историческую логику, основанную на чисто внешнем восприятии терроризма как подрывных акций индивидов и небольших групп, руководствующихся самыми различными политическими мотивами. Данная тенденция постоянно используется средствами массовой информации, закрепляющими в политической памяти искаженные, нередко карикатурные образы террористов и тем самым ложное восприятие как истинных целей, которые они преследуют, так и тех реальных корпоративных структур, которые финансируют и направляют их деятельность. Например, для многих американцев, незнакомых с собственной историей, терроризм вообще является «новинкой». «Некоторые люди, – отмечает американский политолог М. У. Нанс, – воспринимают террористов как некомпетентных трусов, которые не могут нам противостоять. В представлении других они – яркие, но суицидальные люди-пугала, которых нельзя остановить. До 11 сентября в умах многих людей преобладающий образ террориста – картонный паук, несущий большую бомбу с зажженным фитилем» [17, с. 6].

Невозможно отрицать, что в основе такого восприятия лежит некая, граничащая с трафаретностью, «метафизическая безликость» индивидуального террора как культурного феномена. «Мы все теперь знакомы, – отмечает Ф. Г. Мохамед, – с банальным афоризмом – „за одной личиной террориста скрывается другая – борца за свободу“, который мало что дает для понимания терроризма и приводит к невообразимому релятивизму... Однако затертый афоризм высвечивает в этой двойной принадлежности терроризма один важный момент: жизнь террориста уже всегда вписана и инкорпорирована в существующую демонологию и агиологию. В особенности это верно в отношении атакующего самоубийцы, чье финальное действие является не столько самовыражением, сколько радикальным самозатушевыванием (self-effacement), поверх которого накладывается очередной слой нарратива... Было бы неверным рассматривать бомбистов-самоубийц как индивидов, чьи действия выдают бесчеловечную субъективность, но, скорее, рассматривать такой взгляд по большей части как культурно опосредованное допущение, подтверждаемое всей мощью взаимодействий, которые являются типичными для культурно опосредованных утверждений» [16, с. 108].

Террористическая активность якобинцев, носящая отпечаток «метафизических порывов французского универсализма» (Т. Нэрн), русских террористов-народников или современных исламских джихадистов отмечена чертами сектантской узости и непримиримости, характерной для средневековых еретических движений и радикальных религиозных направлений мысли и практики эпохи модерна, в которых индивидуальное начало высвечивается, как правило, в их духовных лидерах и не распространяется на основную массу рядовых adeptов [16, с. 35]. Но данное обстоятельство не снижает эффективности террористических атак в плане их деструктивного воздействия на историческую память. Напротив, она многократно усиливается, когда акты насилия анонимных террористов направлены против индивидов, играющих ключевую роль в политике и олицетворяющих основы государственности. Так, похищение и убийство террористами из «красных бригад» премьер-министра Италии Альдо Моро весной 1978 г. «оказалось одним из наиболее травматических воспоминаний новейшей итальянской истории» [19, с. 235].

Одна из особенностей дискуссий о современном терроризме определяется тем, что они с трудом укладываются в научные рамки: водораздел проходит между крайней апологетикой, приравнивающей

террористов к «борцам за свободу», «революционерам» и т. п., и пост-модернистскими попытками исключить саму проблему из научной повестки дня на том основании, что представления о терроризме постоянно противоречат друг другу и не способны преодолеть «порог субъективности» [25, с. 4–6]. Повсеместно возникающие дилеммы в трактовках террористической активности в различных регионах мира связаны с господством в современном политическом дискурсе практик насилия, несвободы и чрезвычайных ситуаций, постоянно подпитывающих риторику «войны с террором». Эти практики сами по себе накладывают ограничения на субъективную свободу суждений, способствуя формированию структур «дисциплинарной власти», основные механизмы которой были в свое время всесторонне исследованы в политической философии М. Фуко [10].

Причины их распространения очевидны: терроризм подрывает безопасность и свободу, разрушает экономику, заставляя правительства многих стран перемещать ресурсы в военную и полицейскую сферы и сокращать инвестиции в образование, здравоохранение, жилищное строительство. В дискурсивном плане тенденции такого рода препятствуют пониманию и обсуждению «террористической ситуации» в ее специфических политических, психологических и исторических контекстах, стимулируя желание искоренить терроризм «раз и навсегда» с помощью силовых механизмов и ограничения гражданских свобод. При этом нередко забывается очевидная истина: уничтожить терроризм возможно только путем радикального изменения той международной среды, в рамках которой он воспринимается как одно из «прагматических средств» реализации стратегических и сиюминутных экономических и политических целей. Одним из предварительных условий поворота в антитеррористической политике является всеобщее распространение убеждения о неприемлемости и нелегитимности террора в сознании граждан как отдельных стран, так и на глобальном уровне.

Примечания

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик. 2016. 224 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Изд-во «АЛТЕЙЯ». 1998. 160 с.
3. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). М.: Наука. 1992. 176 с.
4. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

5. Archer T. Breivik' Mindset: The Counterjihad and the New Transatlantic Anti-Muslim Right // *Extreme Right Wing Political Violence and Terrorism*. Ed. by M. Taylor, D. Holbrook, P.M. Currie. L., New Dehli: Bloomsbury. 2013. P. 169-185.
6. *Baxter H.* Habermas. The Discourse Theory of Law and Democracy. Stanford, Calif.: Stanford Law Books. 2011. 335 p.
7. Boron A. A. Empire and Imperialism. A Critical Reading of Michael Hardt and Antonio Negri. L., N.Y.: Zed Books. 2005. 141 p.
8. Empire's New Clothes. Reading Hardt and Negri. Ed. by P. A. Passavant, J. Dean. N. Y., L.: Routledge. 2004. 345 p.
9. *Flannery F. L.* Understanding Apocalyptic Terrorism. Countering the Radical Mindset. L., N. Y.: Routledge. 2016. 242 p.
10. *Foucault M.* Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. London: Routledge. 2001. 324 p.
11. *Gupta D. K.* Understanding Terrorism and Political Violence. The Life Circle of Birth, Growth, Transformation, and Demise. L., N.Y.: Routledge. 2008. 283 p.
12. *Harmon Chr. C.* Terrorism Today. Second Edition. L., N.Y.: Routledge. 2008. 231 p.
13. *Horgan J.* The Psychology of Terrorism. L., N. Y.: Routledge. 2005. 185 p.
14. *Jackson R.* The Politics of Terrorism Fears. Ed. by S. J. Sinclair, D. Antonius. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 267-282.
15. *Kiper J., Sosis R.* Why Terrorism Terrifies Us // *Evolutionary Psychology and Terrorism*. Ed. by M. Taylor, J. Roach, K. Pease. L., N.Y.: Routledge. 2016. P. 103-123.
16. *Mohamed F. G.* Milton and the Post-Secular Present. Ethics, Politics, Terrorism. Stanford, Calif.: Stanford University Press. 2011. 167 p.
17. *Nance M. W.* Terrorist Recognition Handbook. Second Edition. L., N.Y.: CRC Press, Taylor & Francis Group. 2008. 463 p.
18. *Pedahzur A., Perliger A.* Jewish Terrorism in Israel. N.Y.: Columbia University Press. 2009. 243 p.
19. *Poggiolini I.* Translating Memories of War and Co-belligerency into Politics: the Italian Post-War Experience // *Memory and Power in Post-War Europe*. Ed. by J.-W. Müller. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. P. 223-243.
20. *Rogers P.* Global Security and the War on Terror. Elite Power and the Illusion of Control. L., N.Y.: Routledge. 2008. 230 p.
21. *Taylor R.* The History of Terrorism. Lucent Books. 2002. 96 p.
22. The Routledge Handbook of Terrorism Research / Ed. by A. P. Schmid. L., N.Y.: Routledge. 2011. 718 p.
23. *Tilly Ch.* Afterword: Political Memories in Space and Time // *Remapping Memory. The Politics of TimeSpace*. Ed. by J. Boyarin. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press. 1994. P. 241-256.
24. *Wexler S.* America's Secret Jihad. The Hidden History of Religious Terrorism in the United States. Berkeley, Calif.: Counterpoint. 2015. 390 p.
25. *Wilkinson P.* Terrorism versus Democracy. The Liberal State Response. Third Edition. London – New York: Routledge. 2011. 256 p.

Ю. Н. Клёнов

Научно-производственное объединение Специальных материалов
(Санкт-Петербург)

СТРАТЕГИИ АНТИТЕРРОРА: ГУМАНИТАРНАЯ И СИЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Любые формы экстремизма и терроризма являются одной из опаснейших проблем, с которыми человечество вошло в XXI в. Терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности для любого государства, причем, его формы постоянно меняются, а исполнители используют все более опасные и разрушительные методы.

Ключевые слова: евразийская интеграция, экстремизм и терроризм, антитеррор, технические средства защиты, нормы деятельности журналистов.

Y. N. Klenov

Scientific Production Association Special Materials (St. Petersburg)

STRATEGIES OF COUNTER TERROR: HUMANITARIAN AND FORCEFUL COMPONENTS

Any forms of extremism and terrorism are the most dangerous problems the humankind met XXI century. Terrorism is the real threat for national security of every state and the forms of terrorism are constantly changing as its agents use more dangerous and powerful means.

Key words: Eurasian integration, extremism and terrorism, counterterrorism, technical means of protection, the norms of journalists.

Нынешняя международная научно-практическая конференция проводилась в рамках совместной работы государственных учреждений и ведомств, учебных заведений, представителей науки и практики, СМИ, общественных организаций на всех уровнях. Не случайно на одной из панельных дискуссий рассматривались психологические аспекты интеграционных процессов на пространстве Евразии. В том числе, угрозы безопасности европейской интеграции, психология современного терроризма. Такая совместная, скоординированная рабо-

та способствует укреплению безопасности и личности, и общества, и государств в целом, она становится сдерживающим фактором в противодействии угрозам роста экстремизма и терроризма.

ЕАЭС, как известно, был создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. Нарушение стабильности развития как раз и есть одна из целей международного терроризма. Удар может быть нанесен в любой момент, по любому из членов союза. Он, без сомнения, нарушит равновесие всей формируемой новой евразийской экономической модели интеграции, а значит, и ее членов, подчеркивалось на прошедшем в июне в столице Киргизии Бишкекском антитеррористическом форуме стран-участниц Евразийского экономического союза «Антитеррористическая борьба государств ЕАЭС: совместный опыт, реалии и перспективы». С этой темой знаком не только по Киргизии, также в этом году в составе делегаций был в Армении, Казахстане. Приведу лишь некоторые выдержки из материалов форума [1].

Вопросы борьбы с терроризмом на евразийском пространстве обсуждались неоднократно: и в рамках встреч глав стран ЕАЭС, и в рамках форумов ОДКБ, и даже на саммите ШОС в столице Казахстана. Однако данный форум стал первым в формате экспертного сообщества.

Организаторами форума выступили: Совет безопасности Кыргызской Республики, Экспертный клуб «Сибирь-Евразия», Клуб региональных экспертов КР «Пикир», Международная Ассоциация ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», Фонд «Евразийцы – новая волна», Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск).

И все они были единогласны во мнении – рост террористических угроз для стран Центральной Азии и России продолжается, причем в данной ситуации очевиден недостаток рычагов сопротивления этому злу.

Например, вопрос трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию сам по себе является предметом многолетней и сложной дискуссии, а с распространением экстремистской, радикальной идеологии начинает оцениваться совершенно иначе. В этой связи, все чаще высказывается мысль о совершенствовании работы с населением, вплоть до выработки идеологии антитеррористической борьбы. Ведь

террористические структуры стратегическим направлением избрали борьбу за сердца и умы людей, применяя в этом наступательные, активные формы работы. Деструктивные действия террористов адаптируются к новым реалиям.

Поэтому активизируется блокирование интернет-ресурсов, сайтов, которые носят деструктивный элемент и содержат информацию радикального характера. Существует потребность координации действий пограничников на границах евразийского пространства. Остается острой проблема участия граждан стран ЕАЭС, завербованных террористами, в боевых действиях в Афганистане, Сирии, где они проходят военную и идеологическую подготовку, но могут вернуться.

Обеспечение высокого экономического уровня развития невозможно без соответствующего уровня антитеррористической безопасности, причем возникающие угрозы не могут быть решены только военными способами или силами отдельных государств. Проблема кроется не столько в социально-экономических трудностях, сколько в появлении в современном обществе опасного стереотипа: бедный человек – это несчастный неудачник, в то время как у террористов он – родной брат, друг, с которым нужно делиться последним куском хлеба.

Было бы вполне уместно, чтобы основой совместной информационной линии государств ЕАЭС на международной арене была Россия, как один из лидеров глобальной борьбы с международным терроризмом и страна, бесспорно, обладающая более широкими организационными, словыми и политическими ресурсами.

Как представляется, комплексный подход к феномену терроризма (с учетом исторических, политико-экономических, социально-психологических, психиатрических и информационных аспектов) только формируется, и мировой и российский опыт борьбы с терроризмом и ликвидации последствий террористических актов показал чрезвычайно важную роль гуманитарной составляющей в этой деятельности. Предложенный для обсуждения подход ни в коей мере не ставил под сомнение необходимость силового противодействия терроризму.

Необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности – надо оценивать угрозы на долгую перспективу.

Как практик, остановлюсь лишь на одном из аспектов – технических средствах антитеррора, призванных защищать и население, и объекты, места массового скопления людей.

В инновационном, известном далеко за пределами России объединении, которое возглавляет известный ученый, член-корреспондент

Российской академии наук Михаил Владимирович Сильников, такие средства выпускают свыше четверти века. Они хорошо известны в десятках стран мира.

У нас разработаны и постоянно совершенствуются комплексы индивидуальной и коллективной бронезащиты, средств активной обороны и защиты от взрыва. Среди них бронезилеты серии «Модуль», локализаторы взрыва «Фонтан», в том числе авиационные. Эксперты считают, что эти уникальные контейнеры, нейтрализующие взрыв до пяти килограммов взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте, должны быть в аэропортах, вокзалах, станциях метро, торговых центрах. Ведь мало задержать террориста с взрывчаткой или найти взрывное устройство, главное – безопасно транспортировать опасную находку для уничтожения на полигоне или подорвать на месте без ущерба для людей и окружающих сооружений.

Среди инновационных и высокотехнологичных средств специального назначения – комплекс, сочетающий пуле-, взломо-, взрывозащитные свойства с предельно высокой огнестойкостью, дымозащитой в сейсмостойком исполнении для АЭС. Созданы уникальные средства защиты воздушных судов от террористических взрывов, прошедшие многократные натурные испытания на борту пассажирских самолетов. Хорошо показали себя система «Лоза», защищающая объекты от кумулятивных боеприпасов, устройства принудительной остановки колесного автотранспорта «ПОКАТ», «Лиана».

Даже гражданским людям для работы в опасных районах, в том числе и журналистам, не помешает соответствующая экипировка, средства защиты, начиная от легких бронезилетов скрытого ношения до изделий высокого класса защиты с использованием кевлара, высокопрочной керамики и сверхвысокомолекулярного полиэтилена, защитные шлемы. Не помешает и «Ласка» – электрошоковое устройство, которое не является оружием в общепринятом смысле слова, но поможет защититься при нападении. Прекрасно показал себя «Парализатор» – служебное ЭШУ дистанционного действия.

По проблеме безопасности и физической защиты мы при поддержке МВД и МЧС проводим семинары, в частности, в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого, Санкт-Петербургском государственном университете, Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России, что свидетельствует о целенаправленной политике руководства силовых ведомств, направленной на обеспечение безопасности населения, оснащение

подчиненных структур современными техническими средствами антитеррора.

В содружестве с Российской академией ракетных и артиллерийских наук и Военно-морской академией Объединением двадцать лет ежегодно организуются Всероссийские научно-практические конференции «Актуальные проблемы защиты и безопасности», другие представительные форумы. На Всероссийские конференции «Проблемы обеспечения взрывобезопасности и противодействия терроризму», которые проходят в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС традиционно привлекается молодежь. Большинство ее участников составляют студенты, аспиранты, адъюнкты, слушатели, молодые ученые и практические работники, среди которых немало представителей силовых ведомств России и стран СНГ.

Теперь другая грань – у нас в объединении работа ведется и в рамках общественных организаций – Международного консультативного комитета организаций офицеров запаса и резерва, Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР), Общественного совета при Западном военном округе, а также советов других силовых структур города и области. В них входят представители руководства НПО Спецматериалов, которые сталкивались с международным терроризмом во время службы и рабочих командировок в Афганистане, на Северном Кавказе, в Таджикистане, при выполнении миротворческих задач в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Личный опыт как военного журналиста по образованию и ветерана боевых действий, советника генерального директора НПО Спецматериалов, помогает проведению семинаров для журналистов на базе Медиацентра правительства Санкт-Петербурга и Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, совместно с профессором кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Николаем Лукьяновичем Волковским. Раскрываем идеологию терроризма и роль, которая отводится в ней СМИ, правовым, этическим и профессиональным нормам деятельности журналистов в зоне антитеррористических операций. Говорим о важности формирования здоровой гражданской позиции молодежи, ее правильной ориентации в мире непростых взаимоотношений между представителями разных этносов и конфессий. Организуем показ индивидуальных средств бронезащиты и экипировки для журналистов. Такие средства неоднократно демонстрировались мною и на курсах экстремальной журна-

листики «Бастион», проводимых Союзом журналистов Москвы и Минобороны России в различных регионах страны.

Особая признательность профессору кафедры периодической печати Галине Сергеевне Мельник, взаимодействие с ней началось еще в пору моей армейской службы, когда с 1995 г. по 2009 г. был помощником командующего войсками Ленинградского военного округа по информации и общественным связям – начальником службы информации и общественных связей. Благодаря ей, а также при поддержке Межрегиональной общественной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Ассоциация специалистов по связям с общественностью» продолжают укрепляться связи между будущими журналистами и информационными структурами силовых ведомств, предприятий оборонно-промышленного комплекса. Немало дипломных работ студентов и кандидатских диссертаций аспирантов поднимают проблемы их деятельности, в том числе в рамках противодействия терроризму на всех уровнях.

Примечание

1. Ларин И. Проекты ЕАЭС и угрозы террористической корректиры, Центральноазиатский портал Регион / Безопасность. 2017. 23 июня.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЦЕНТР И ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПАРК
ПОЯВЯТСЯ В КРЫМУ
(EURASIAN CENTER AND PATRIOTIC
PARK APPEAR IN CRIMEA)

Региональное представительство «Мегапира» окажет содействие созданию в Крыму евразийского центра и патриотического парка при нём. Этот вопрос обсуждался в Крыму на международной научно-практической конференции, посвященной будущему Евразии. Идею открытия евразийского центра и патриотического парка при нём в Крыму поддержали ряд музеев Российской Федерации, в том числе военных. Среди них государственный мемориальный музей А. В. Суворова в Санкт-Петербурге. Такую поддержку окажет и представительство «Мегапира». Парк будет посвящен героям, оставившим славный след в многовековой истории Отечества. Фамилии этих героев планируется отбирать путем голосования. Международная научно-практическая конференция, проходившая в Симферополе и Алуште, собрала профессорско-преподавательский состав вузов стран СНГ, общественность, профильных специалистов. Среди новых и давних коллег «Мегапира» – заместитель председателя Союза промышленников и предпринимателей Республики Крым Михаил Красненков, ученые Валерий Таказов (Академия журналистики, Алушта), коллеги по Ассоциации специалистов по связям с общественностью Санкт-Петербурга и Ленинградской области – Галина Мельник (Санкт-Петербургский госуниверситет) и Анна Сосновская (Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и госслужбы).

В ходе конференции обсуждались и вопросы антитеррористической деятельности, безопасности государств Евразийского союза. В частности, проблемы информационной безопасности. Доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, профессор, капитан первого ран-

га Владимир Пыж поднял вопросы обеспечения военной безопасности государств. По его инициативе обсуждались тенденции современного терроризма, угрозы, исходящие из технологий «доктрины управляемого хаоса». На пленарном заседании конференции, которое прошло в администрации Симферополя, с докладом о гуманитарной и силовой составляющих стратегий антитеррора выступил председатель Совета представителей «Мегапира» в СЗФО и ЗВО полковник Юрий Клёнов. Также он рассказал о современных технических средствах антитеррора, используемых в интересах безопасности гражданского населения, средствах защиты журналистов, работающих в «горячих точках».

Жанна Коткова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аватисян Элеонора Геворгиевна студент-бакалавр 4 курса по направлению подготовки «Международные отношения» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)

Ахметова Симбуль Абдулловна, кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)

Ачкасова Вера Алексеевна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой связей с общественностью в политике и государственном управлении Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Барлыбаева Сауле Хатиятовна, доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени аль Фараби (Алматы)

Гарифуллин Васил Загитович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой татарской журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)

Гришанина Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Григорьев Святослав Иванович член-корреспондент РАО, ведущий научный сотрудник, доктор социологических наук, профессор Института художественного образования и культурологии Российской академии образования (Барнаул)

- Гуслякова Людмила Герасимовна**, доктор социологических наук, международный магистр социальной работы, профессор, ведущий научный сотрудник Алтайского государственного института культуры (Барнаул)
- Гуторов Владимир Александрович**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета, вице-президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), действительный член Российской Академии политической науки (Санкт-Петербург)
- Говорухина Галина Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного института культуры (Барнаул)
- Долгова Дарья Александровна**, студент-бакалавр 4 курса по направлению подготовки «Международные отношения» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)
- Дорошук Елена Сергеевна**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики электронных средств массовой информации Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)
- Забарин Алексей Владимирович**, кандидат психологических наук, доцент кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации (Санкт-Петербург)
- Ишкинеева Фарида Фалесовна**, кандидат социологических наук, доцент, заведующая лабораторией социологических исследований Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)
- Карапетова Ирина Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков Института международных отношений Пятигорского государственного университета (Пятигорск)
- Киселев Владимир Николаевич**, доцент кафедры журналистики факультета социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте России (Санкт-Петербург)
- Кленов Юрий Николаевич** полковник запаса, заслуженный работник культуры России, советник генерального директора Научно-производственного объединения Специальных материалов, член Национальной ассоциаций объединений офицеров запаса вооруженных сил (Санкт-Петербург)
- Красненков Михаил Александрович**, заведующий базовой кафедрой Санкт-Петербургского института бизнеса и инноваций «Управление

- государственными и социальными системами», заместитель председателя Союза промышленников и предпринимателей Республики Крым (Алушта)
- Лукин Владимир Николаевич**, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, ведущий научный сотрудник отдела информационного обеспечения населения и технологий информационной поддержки РСЧС и пожарной безопасности Центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности; действительный член Академии геополитических проблем, ассоциированный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- Маркелова Анна Александровна**, аспирант второго года обучения по специальности «Политические институты, процессы и технологии» Уральского федерального университета (Екатеринбург)
- Марьина Людмила Петровна** кандидат социологических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
- Мельник Галина Сергеевна**, доктор политических наук, профессор кафедры периодической печати Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
- Мусяенко Тамара Викторовна**, доктор политических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, член-корреспондент Академии геополитических наук (Санкт-Петербург)
- Олейников Сергей Викторович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Института языка и литературы, Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, директор Издательства (Тирасполь)
- Пыж Владимир Владимирович**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург)
- Решетникова Валентина Валентиновна**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Института транспортной техники и систем

управления Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II (Москва)

Руцин Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Экспертного совета Международного общественного движения «Гражданский мир» (Санкт-Петербург)

Сахранов Виктор Романович, студент магистратуры по направлению подготовки «история» Южно-Уральского федерального университета (Челябинск)

Сосновская Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте России (Санкт-Петербург)

Смоликова Татьяна Михайловна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра образовательных технологий НИИ Теории и практики управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск)

Свешникова Наталья Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Сюзэ́н Хуан студент магистратуры по направлению подготовки «Международная журналистика» Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Таказов Валерий Дзантемирович, доктор филологических наук, профессор, Президент Академии журналистики (Алушта)

Тастулекова Сауле Исаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики университета «ТУРАН» (Алматы)

Тепляшина Алла Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета

Трохинова Ольга Игоревна, менеджер по рекламе и связям с общественностью ООО «Инновационно-образовательный центр „Северная столица“», аспирант по направлению «Связи с общественностью» Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Тулупов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета (Воронеж)

Фарбер Вера Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и политики (Санкт-Петербург)

Хубецова Залина Федоровна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета

Чижиков Эдуард Николаевич, Начальник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, Член-корреспондент Академии геополитических проблем (Санкт-Петербург)

Щербо Игорь Анатольевич, заместитель декана факультета международных отношений и социальных технологий Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей экономики и политики (Санкт-Петербург)

Яновская Галина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Achkasova Vera Alekseevna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Public Relations in Politics and Public Administration of the Institute «Higher School of Journalism and Mass Communications» of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Akhmetova Simbul Abdullovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of General and Ethnic Sociology of the Kazan (Privolzhsky) Federal University (Kazan)

Avatisyan Eleonora Gevorgievna, bachelor 4-year student in the field of training “International Relations” Saratov National Research University. N. G. Chernyshevsky (Saratov)

Barlybaeva Saule Khatiyatovna, Doctor of Philology, Professor of Kazakh National University named after Al Farabi (Almaty)

Chizhikov Eduard Nikolayevich, Head of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, Corresponding Member of the Academy of Geopolitical Problems (St. Petersburg)

Dolgova Darya Alexandrovna, bachelor student 4 courses in the field of training “International Relations” Saratov National Research University named after N. G. Chernyshevsky (Saratov)

Doroshchuk Elena Sergeevna, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of theory and practice of electronic mass media of the Kazan (Privolzhsky) federal university (Kazan)

Farber Vera Aleksandrovna, PhD in Economics, associate professor of the Department of Economics and Management of the St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Politics (St. Petersburg)

Garifullin Vasil Zagitovich, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Tatar Journalism of Kazan (Privolzhsky) Federal University (Kazan)

Govorukhina Galina Vladimirovna, candidate of sociological sciences, associate professor of the Altai State Institute of Culture (Barnaul)

Grigoryev Svyatoslav Ivanovich Corresponding Member of RAO, Leading Researcher, Doctor of Sociology, Professor of the Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education (Barnaul)

Grishanina Anastasiya Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Theory of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Guslyakova Lyudmila Gerasimovna, Doctor of Sociology, International Master of Social Work, Professor, Leading Researcher of the Altai State Institute of Culture (Barnaul)

Gutorov Vladimir Alexandrovich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics of the St. Petersburg State University, Vice-President of the Russian Association of Political Science (RAPS), Full Member of the Russian Academy of Political Science (St. Petersburg)

Ishkineeva Farida Falesovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory of Sociological Research of Kazan (Privolzhsky) Federal University (Kazan)

Karapetova Irina Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of European Languages, Institute of International Relations, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk)

Khubetsova Zalina Fedorovna, candidate of political sciences, associate professor of the theory of journalism and mass communications at the Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of the St. Petersburg State University)

Kiselev Vladimir Nikolaevich, Associate Professor, Department of Journalism, Faculty of Social Technologies, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia (St. Petersburg)

Klenov Yuri Nikolayevich, reserve colonel, Honored Worker of Culture of Russia, Adviser to the General Director of the Scientific Production Association of Special Materials, member of the National Associations of Military Reserve Officers (St. Petersburg)

Krasnenkov Mikhail Alexandrovich, head of the basic department of the St. Petersburg Institute of Business and Innovation “Management of state and social systems”, deputy chairman of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of the Republic of Crimea (Alushta)

Marina Lyudmila Petrovna, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Theory of Journalism and Mass Communications at the Institute “Higher School

of Journalism and Mass Communications” of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Markelova Anna Aleksandrovna, post-graduate student of the second year of training in the specialty “Political institutes, processes and technologies” of the Ural Federal University (Yekaterinburg)

Melnik Galina Sergeevna, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Periodical Press of the Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Misonzhnikov Boris Yakovlevich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Periodical Press of the Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of St. Petersburg State University, Corresponding Member of RAE (St. Petersburg)

Musienko Tamara Viktorovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the St. Petersburg State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, Corresponding Member of the Academy of Geopolitical Sciences (St. Petersburg)

Oleinikov Sergey Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism of the Institute of Language and Literature, Transnistrian State University named after. T.G. Shevchenko, Director of the Publishing House (Tiraspol)

Pyzh Vladimir Vladimirovich, doctor of political sciences, professor, head of the department of social and humanitarian disciplines of the National State University of Physical Culture, Sport and Health P.F. Lesgaft (St. Petersburg)

Reshetnikova Valentina Valentinovna, senior lecturer of the Department of Foreign Languages of the Institute of Transport Equipment and Control Systems of the Emperor Nicholas II Moscow State University of Communications (Moscow)

Rushchin Dmitry Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the St. Petersburg State University, Chairman of the Expert Council of the International Civil Movement “Civil World” (St. Petersburg)

Sakhranov Victor Romanovich, a master’s student in the field of preparation “history” of the Southern-Ural Federal University (Chelyabinsk)

Shcherbo Igor Anatolyevich, Deputy Dean of the Faculty of International Relations and Social Technologies of the St. Petersburg Institute for Foreign Economic Relations of Economics and Politics (St. Petersburg)

Smolikova Tatyana Mikhailovna, candidate of cultural studies, senior researcher of the Center for Educational Technologies of the Institute of Theory and Practice of Management of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus (Minsk)

- Sosnovskaya Anna Mikhailovna**, Candidate of Philology, Associate Professor of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia (St. Petersburg)
- Sveshnikova Natalia Olegovna**, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Political Psychology of the Psychology Department of the St. Petersburg State University (St. Petersburg)
- Takazov Valeriy Dzantemirovich**, Doctor of Philology, Professor, President of the Academy of Journalism (Alushta)
- Tastulekova Saule Isaevna**, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism of the University "TURAN" (Almaty)
- Teplyashina Alla Nikolaevna**, Doctor of Philology, Professor of the Department of Periodical Press of the Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications" of St. Petersburg State University
- Trokhinova Olga Igorevna**, Advertising and Public Relations Manager, Innovation and Education Center Northern Capital, graduate student in Public Relations at the Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications" of St. Petersburg State University (St. Petersburg)
- Tulupov Vladimir Vasilyevich**, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism Voronezh State University (Voronezh)
- Vladimir Nikolaevich Lukin**, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of the St. Petersburg State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Leading Researcher of the Information Support Department of the Population and Information Support Technologies of the Emergency Control and Fire Safety Center of the Center for Organization of Research and Editorial Activities; Member of the Academy of Geopolitical Problems, associate member of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg)
- Xuefeng Huang**, Master of Arts in International Journalism, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications" of St. Petersburg State University (St. Petersburg)
- Yanovskaya Galina Vladimirovna**, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Humanities of the Baltic Federal University. I. Kanta (Kaliningrad)
- Zabarin Alexey Vladimirovich**, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Political Psychology of St. Petersburg State University, Associate Professor of the Psychology of Service Department of the St. Petersburg Military Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation (St. Petersburg)

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ
Будущее Евразии (медийно-политический дискурс)

Ответственные редакторы: *Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников, И. А. Щербо*

Корректурa: *В. Н. Бабаева, А. С. Матухно, А. С. Рожкова*
Компьютерная верстка *С. В. Олейников*
Оформление обложки *П. Ч. Хан*

Подписано в печать 11.2017 г. Формат 60x84/16.
Гарнитура CharterITC. Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 13,95.
Тираж 50 экз. Заказ № _____.

Отдел допечатной подготовки
Института «Высшая школы журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.